

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

Материалы Всероссийской научной конференции
8 апреля 2013 года

Сборник статей

Пермь 2013

УДК 80
ББК 80
Ф 54

Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы
Ф 54 Всерос. науч. конф., Пермь, 8 апреля 2013 г. / отв. ред.
Н.В. Соловьева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. –
282 с.

ISBN 978-5-7944-2248-1

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», прошедшей на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сборник предназначен для широкого круга филологов.

УДК 80
ББК 80

Печатается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензент: кафедра общего языкознания Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета

Редакционная коллегия: В.В. Абашев, Е.А. Баженова, Е.В. Ерофеева,
Б.В. Кондаков, В.А. Салимовский, Н.В. Соловьева

Ответственный редактор: Н.В. Соловьева

ISBN 978-5-7944-2248-1

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Взаимодействие языка и культуры

<i>Абрамян С.А.</i>	Речевой этикет в контексте межкультурных различий.....	6
<i>Вань Нин</i>	Автомобиль как зеркало картины мира: социолингвистический аспект.....	13
<i>Ермакова Т.Г.</i>	Традиционная культура и быт Среднего Прииртышья сквозь призму флоры.....	20
<i>Лаврентьева Е.В., Соловьева О.Б.</i>	Непрерывное языковое образование в техническом вузе.....	27
<i>Левченко Е.В., Федосина С.С.</i>	Функционирование концепта «эмоция» (на материале обыденных представлений студентов об эмоциональном и интеллектуальном человеке).....	34
<i>Петрова О.А.</i>	Развитие общественно-политической тематики на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» в период между двумя революциями 1917 года.....	43
<i>Ромашева К.Е.</i>	Влияние профессиональной принадлежности на особенности текстопостроения.....	50
<i>Ху Сяосюэ</i>	Образ «успешной женщины» в русском и китайском сознании.....	55
<i>Шуплецова Ю.А.</i>	Семантическая организация неизменяемых фразеологических единиц песенного фольклора Зауралья.....	63

Современное коммуникативное пространство

<i>Болотнова Н.С.</i>	Типы выдвижения как особые регулятивные структуры в медиадискурсе публичной языковой личности.....	69
<i>Куличкина Г.В.</i>	Информационно-коммуникативная модель современного регионального интернет-СМИ (на примере пермского краевого сайта PERMNEW.RU).....	76

<i>Куприянова А.И.</i>	Произносительная норма в современных аудиовизуальных СМИ.....	83
<i>Пономарев Н.Ф.</i>	Когнитивные и лингвистические механизмы нарративного политического фрейминга.....	88
<i>Пустовалов А.В.</i>	Британская пресса онлайн: формы и перспективы.....	96
<i>Русинова К.А., Черепанова Л.С.</i>	Из истории образа женщины в российском женском журнале.....	103
<i>Тихомирова Л.С.</i>	Научно-техническая реклама в коммуникативно-прагматическом аспекте.....	109
<i>Фомина Н.Ю.</i>	iPad-журналы – будущее медиарынка?.....	116

Духовное наследие Пермского края в языке, фольклоре, литературе

<i>Антипина З.С.</i>	Уральский дискурс в публикациях «Пермского сборника» (1859–1860 гг.).....	121
<i>Боброва М.В.</i>	Топонимия с. Троельга Кунгурского района Пермского края: лексико-семантический аспект..	126
<i>Власова Е.Г.</i>	Путешествие в истории уральской геопоэтики....	134
<i>Дунаева П.Н.</i>	Читательское восприятие творчества и гуманитарной практики А. Иванова (на материале блогосферы).....	142
<i>Зверева Ю.В.</i>	Способы номинации выпечных хлебных изделий в пермских говорах.....	147
<i>Пантелеева Л.М.</i>	Пыскорские рукописи как объект лингвистического описания.....	155
<i>Подлесных А.С., Медведева С.А.</i>	Динамика репрезентации медиаобраза военнослужащего.....	162
<i>Подюков И.А.</i>	Локальные особенности диалектной промысловой лексики (по материалам рыболовной лексики Прикамья).....	172
<i>Русинова И.И., Полякова Е.Н.</i>	Семантический перенос <i>обманывать</i> → <i>колдовать</i> (на примере слов с корнями <i>-мухл-/-махл-/-мох</i> , функционирующих в пермских говорах).....	180

<i>Свалова Е.Н.</i>	Календарная паремика Прикамья: семантико-стилистические качества.....	186
---------------------	---	-----

Текст и дискурс

<i>Бондарчук А.С.</i>	Становление нарратива у детей 5–10 лет.....	194
<i>Гричин С.В.</i>	Восприятие авторизации.....	200
<i>Данилевская Н.В.</i>	Идеи М.Н. Кожинной о тексте и механизмах его образования.....	206
<i>Котюрова М.П.</i>	Речевая системность научного текста.....	215
<i>Кошкарлова Н.Н.</i>	Концепт «диалог» в авторских статьях В.В. Путина.....	220
<i>Крижановская Е.М.</i>	Особенности индивидуального стиля лидера «Справедливой России» С.М. Миронова (по материалам персонального интернет-сайта)...	224
<i>Мехонина Е.Н.</i>	О понятии коммуникативно-речевой категории и методике ее описания.....	231
<i>Соловьева Н.В.</i>	О содержании понятия «интолерантный текст»...	237
<i>Ширинкина М.А., Овсянникова С.Е.</i>	Дискурс одной новости (на материале интернет-анонсов об уральском метеорите).....	243

Литература и культура

<i>Гурова Е.П.</i>	Состояние «обьюродения» в художественном мире Г.И. и Н.В. Успенских.....	251
<i>Евсина Н.А.</i>	Образ человека-артиста в романах «Видения жизни» С.А. Ауслендера и «Николай Переслегин» Ф.А. Степуна.....	259
<i>Королёва С.Ю., Туманова О.С.</i>	Образ Саломеи-повитухи: апокриф и фольклорная традиция.....	266
<i>Моисеева А.А.</i>	Образ музы в современной русской поэзии: тенденции интерпретации.....	275

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

УДК 81'38

Абрамян Самвел Абрамович
декан факультета романо-германской филологии
Ереванский государственный университет
samvel_abrahamyan@yahoo.com

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Являясь универсальным понятием, речевой этикет имеет ярко выраженную национально-культурную окраску. Эффективность межкультурного общения в значительной степени зависит от культурной грамотности относительно тех базовых культурных ценностей, которые характерны для разных культур и которые находят отражение как непосредственно в языке, так и в нормах коммуникативного поведения. Чем больше участники коммуникации будут осознавать разницу между принятыми нормами общения в соответствующих культурах, тем меньше будет вероятность коммуникативных неудач.

Ключевые слова: речевой этикет; категория вежливости; межкультурные различия.

Под речевым этикетом, как правило, понимается система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке. Этикет базируется на категории вежливости, соотносится со стереотипными ситуациями, регулирует правила речевого поведения и обязателен для соблюдения в любой культуре.

Хотя речевой этикет представляет собой функционально-семантическую универсалию, он, формируясь на базе обычаев и традиций народа, имеет свою национальную специфику, связанную с неповторимостью узуального речевого поведения, обычаев, ритуалов, невербальной коммуникации представителей конкретной социокультурной общности.

Социокультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения. Они связаны со стандартными ситуациями самого общего плана,

возникающими между людьми вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности и т.д. Это формулы доброжелательного, вежливого общения в ситуациях обращения и привлечения внимания, знакомства, приветствия, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, просьбы, приглашения, совета, предложения, согласия, отказа, одобрения, комплимента, сочувствия, соболезнования и т.п.

Трудности, возникающие в межкультурном общении, во многом объясняются тем, что разные культуры ориентированы на разные ценности. Рассматривая понятие «культурно-обусловленного сценария» (cultural script) как некую подсознательную норму, которой обычно руководствуются носители языка, принадлежащие к определенной культуре, А. Вежбицка отмечает, что подобно тому, как люди владеют языковыми способностями, они владеют и неявными культурными нормативами, освоение которых способствовало бы более эффективному межкультурному общению.

Если вы говорите по-английски, пишет А. Вежбицка, то от вас ожидается, что вы прямо выразите все, что вы хотите, намереваетесь или думаете. Если подобное поведение трактовать как «самоутверждение», то, действительно, раскованность всячески поощряется в англо-американской культуре. Разумеется, что это происходит лишь в той мере, в которой не вступает в противоречие с другой культивируемой ценностью – личной независимостью. Это значит, что, хотя можно сказать «Я хочу X», вряд ли допустимо сказать «Я хочу, чтобы вы сделали X», ибо в этом случае право говорящего на самоутверждение противоречило бы праву адресата сообщения на личную независимость. Именно по этой причине в английском языке довольно ограничено употребление прямого императива, а директивы имеют тенденцию выражаться не в прямом, а в косвенном виде, в формах вопросительных или полувопросительных конструкций [Вежбицка 1990: 67].

Сказанное означает, что английский язык отражает культурно-определенные ограничения, касающиеся всего того, что один человек может потребовать от другого, говоря ему «Я хочу, чтобы вы сделали X». Вместо этого выбираются другие способы, где данный смысл дополнен так, чтобы автономия другой личности не была задета. Это достигается путем вопросительно-директивных конструкций (так называемых wh-императивов), как например: Would you do X? Will you do X? Could you do X? Can you do X? Why don't you do X? и т.п.

Как отмечает А. Вежбицка, в англоязычной культуре в ситуации, когда говорящий хочет побудить адресата сообщения выполнить некоторые действия, важно подчеркнуть, что адресат, будучи

независимой личностью, волен этого не делать. С этой целью сама формулировка вопроса предполагает как положительное, так и отрицательное отношение к побуждению или просьбе, что и объясняет многообразие и распространенность в английском языке wh-императивов.

Ряд исследователей считает, что представление о ненавязчивости как об особой ценности, основанной на правах личности – это вовсе не универсальная, а специфически англо-саксонская или англо-американская культурная реалия [Там же: 68]. Во многих языках, в том числе и европейских, прямой императив используется гораздо свободнее, а употребление собственно вопросительных структур в директивах значительно более ограничено. В этих языках выражение прямой просьбы при установлении контакта с использованием лексических средств для смягчения высказывания, типа «пожалуйста», является вполне вежливым приемом.

Если в одних языках нормальным с точки зрения вежливости является использование в качестве вежливого вопроса отрицательной или утвердительной формы повествовательного предложения, в котором вопрос выражается с помощью интонации (*intonation question*), то в других, как, например, в английском, подобные вопросы несут совсем иную смысловую нагрузку, а нормальным с точки зрения вежливости являются вопросительные предложения с использованием инверсии или вспомогательного глагола. При этом вопросительные отрицательные предложения воспринимаются в англо-американской культуре как менее вежливые, чем вопросительные предложения, не содержащие отрицания [Geis, Harlow 1996: 148].

В то же время, если использование в качестве просьбы или пожелания неопределенно-личных и безличных конструкций, в которых действие воспринимается в отрыве или даже в отсутствии субъекта действия, в англо-американской культуре не может считаться приемлемым с точки зрения вежливости, то в некоторых других культурах именно отсутствие субъекта действия в подобных конструкциях делают их вежливыми [Bowe, Martin 2007: 158].

Использование косвенных речевых актов вместо прямых, как правило, повышает этикетность коммуникативного акта, так как один из главных принципов вежливости состоит в предоставлении адресату большей степени свободы реагирования. Однако формы косвенности в разных культурах могут быть различными. Так, косвенные просьбы в армянском и английском языках имеют не только сходства (например, в обоих языках косвенные просьбы чаще всего выражаются вопросительными предложениями), но и различия. Если в английском

языке, как уже отмечалось, вопросительно-отрицательные просьбы считаются менее вежливыми, чем вопросительные конструкции, то в армянском языке вопросы с отрицанием считаются более вежливыми, чем вопросы, не содержащие отрицания.

Излишняя приверженность модальным глаголам “must” и “should” воспринимается в англо-американской культуре скорее как грубость. Для англичан характерно употребление различных глаголов, которые как раз и позволяют смягчить категоричность высказываемого мнения, в том числе несогласия с партнером (*may, seems, appears, I think, etc.*). В армянской же речевой культуре, для которой характерна высокая степень модальности и категоричности речи, аналогичные вышеприведенным английским выражения воспринимаются скорее как признак неуверенности или некомпетентности говорящего. В то же время, если в английском языке вопросительные вежливые просьбы конструируются главным образом с помощью модальных глаголов (*can, could, may*) и вспомогательных глаголов с модальным значением (*will, would*), то для армянского языка в силу отсутствия особой группы модальных глаголов характерно употребление вопросительных конструкций с прямой просьбой с глаголом в условном наклонении.

Английский речевой этикет требует, чтобы вопрос формулировался с помощью вводной фразы («Простите, ...»), после чего следует сам вопрос [Вежбицка 1990: 77–78]. «Словом “sorry” («простите»), – пишет К. Фокс, – мы сопровождаем почти каждую нашу просьбу или вопрос: «Простите, вы не знаете, этот поезд делает остановку в Банбери?» (“Sorry, but do you know if this train stops at Banbury?”); «Простите, это место свободно?» (“Sorry, but is this seat free?”); «Простите, вы располагаете временем?» (“Sorry – do you have the time?”). Совершенно очевидно, что все эти “sorry” – не искренние, сердечные извинения. Как и “nice”, “sorry” – удобное, универсальное, многоцелевое слово, подходящее во всех случаях, уместное при любых обстоятельствах» [Фокс 2008: 182].

Как видим, лексема *sorry* широко используется и как формула извинения, и как формула обращения, и как способ переспроса или уточнения. Синонимичная ей этикетная формула “excuse me” используется в несколько иной коммуникативной ситуации, в частности, для того, чтобы привлечь чье-то внимание, для вызова официанта в ресторане, в случаях обращения к незнакомому человеку на улице. Обычно считается, что, перед тем как потревожить или прервать кого-то, англичане говорят “excuse me”, а после того как они это сделали, они говорят “sorry”. В английском языке в качестве этикетной формулы извинения имеется выражение “I beg your pardon”, но в связи с тем, что

со временем произошла нейтрализация семантики собственно извинения данной формулы, ее использование в качестве извинения имеет явную стилистическую маркированность. Для современной англо-американской лингвокультуры характерно использование этой формулы в коммуникативной ситуации переспроса, уточнения, хотя, как отмечает К. Фокс, слово “pardon” (‘извините’, ‘простите’), стало выступать в качестве индикатора принадлежности к низшим слоям общества [Там же: 98].

Приведенный материал свидетельствует о существенных социокультурных особенностях в использовании этикетных формул. В разных культурах различна фатическая нагруженность даже у таких, на первый взгляд, идентичных и традиционных контактоустанавливающих фраз, как “How are you?” и «Как дела?». Если англичане и американцы реагируют словом “Fine” и особенно не углубляются в положение дел, то для армянской или русской культур более характерными являются ответы с отрицательной коннотацией типа «Ничего», «Ничего хорошего» и готовностью подробно описать свое положение. Вместе с тем в последнее время под влиянием англо-американского речевого этикета расширяется использование реплик «Хорошо», «Нормально» или «Ничего» (в значении ‘неплохо’).

Культурные различия наблюдаются и в формулах обращения. Так, в русской культуре обращение по имени-отчеству подчеркивает особое уважительное отношение адресанта к адресату. Кроме того, употребление имени-отчества либо одного имени в качестве обращения также связано с такими социопрагматическими условиями, как степень знакомства коммуникантов, официальность / неофициальность обстановки общения, статусные и ролевые отношения равенства / неравенства, характер личностных отношений и возрастные характеристики. Обращение по имени-отчеству отсутствует как в англо-американском, так и в армянском речевом этикете, однако под воздействием русской речевой культуры такое обращение можно порой услышать в армянской речи.

Принцип вежливости наряду с принципом сотрудничества – один из наиболее важных принципов, способствующих обеспечению эффективности межкультурной коммуникации. Вежливость является относительным понятием и во многом определяется правилами, принятыми в различных коммуникативных ситуациях, характеризующихся такими существенными признаками, как: а) взаимоположение коммуникантов (равное, выше, ниже); б) степень социально-психологической дистанции; в) обстановка общения (официальная, неофициальная, непринужденная); г) возрастная

характеристика и гендерная принадлежность коммуникантов. Указанные социопрагматические факторы влияют как на стиль коммуникации в целом, так и на вербальные и невербальные проявления вежливости (например, в формальной ситуации следует быть более вежливым, чем в неформальной), которые могут различаться в разных культурах. Например, американцы при выражении совета используют императив главным образом в разговоре с человеком равным или ниже по статусу, своего возраста или младше и предпочитают ассертивные высказывания в разговоре с человеком выше по статусу и старше по возрасту. В армянской же речевой культуре, как и в русской, такие различия не делаются; также весьма часто используются косвенные речевые акты, при которых, например, приказ выступает в виде просьбы.

Одна из основных моделей по теории вежливости принадлежит П. Брауну и С. Левинсону. По мнению авторов, концепция лица (concept of face) отражает желание всех людей поддерживать и сохранять собственный имидж. Однако лицо можно не только сохранить, но и потерять, поэтому в ходе общения необходимо постоянно следить за тем, чтобы не допустить угроз потери лица. П. Браун и С. Левинсон считают, что некоторые речевые акты, по сути, несут в себе угрозу сохранению лица и должны быть смягчены. Поэтому говорящий должен иметь разработанную стратегию вежливости, позволяющую снижать угрозы потери лица, присущие некоторым речевым актам [Brown, Levinson 1987: 24].

Авторы модели выделяют понятия «позитивного лица» (positive face) и «негативного лица» (negative face), с которыми они соотносят два важнейших аспекта вежливости: сохранение положительного имиджа личности и избегание ограничения свободы личности. В соответствии с указанными аспектами они рассматривают четыре типа речевых актов, угрожающих сохранению лица: 1) акты, угрожающие негативному лицу слушающего (свободе действий), например, приказ, совет, угроза, предупреждение; 2) акты, угрожающие позитивному лицу слушающего (самоимиджу), например, жалоба, критика, несогласие, обсуждение запретных тем; 3) акты, угрожающие негативному лицу говорящего (свободе действий), например, принятие предложения, принятие благодарности; 4) акты, угрожающие позитивному лицу говорящего (самоимиджу), например, извинение, принятие комплимента, признание [Brown, Levinson 1987: 65–66].

Как уже отмечалось, в англо-американском общении для оформления речевых актов просьбы чаще всего используются вопросительные конструкции. При выражении просьбы представители

англо-американской культуры проявляют высокую вежливость, рассматривая просьбу как форму вторжения в личное пространство собеседника. Вопросительность является важным средством смягчения категоричности высказывания. Формул вежливой просьбы в английском языке очень много, причем, чем длиннее и многословнее формула, тем она вежливее. Приведем некоторые примеры просьб, расположенных от менее вежливых к более вежливым: Will you repeat the question, please? Can you repeat the question, please? Would you repeat the question, please? Could you repeat the question, please? Would you mind repeating the question, please? Would you mind terribly repeating the question, please? Could you possibly repeat the question, please? Could I possibly trouble you to repeat the question, please? Would it possibly be too much trouble to repeat the question, please? [Американское коммуникативное поведение 2001: 100].

Как видим из этого перечня, для усиления вежливости в английском языке употребляются наречия, имеющие оттенок модальности (possibly, terribly, awfully, kindly, etc.) в сочетании с другими формами вежливости (например, please). Просьбы с вышеуказанными наречиями порой считаются даже более вежливыми, чем формы с *please* (например: Would you kindly send the necessary information?; Kindly fill the attached form, etc). В армянском языке подобные модальные слова в предложениях, выражающих просьбы, практически не используются.

Вышеприведенный материал показывает ярко выраженную национально-культурную окраску речевого этикета. Эффективность межкультурного общения в значительной степени зависит от культурной грамотности относительно тех базовых культурных ценностей, которые характерны для разных культур и которые находят отражение как непосредственно в языке, так и в нормах коммуникативного поведения. Как нам представляется, чем больше участниками коммуникации будет осознаваться разница между принятыми нормами общения в соответствующих культурах, тем меньше будет коммуникативных неудач в силу интерференции родного языка.

Библиографический список

Вежбицка А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания. М.: Ин-т языкозн. АН СССР, 1990. С. 63–85.

Американское коммуникативное поведение: Научное издание. Под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. 224 с.

Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2008. 512 с.

Geis M., Harlow L. Politeness strategies in French and English // Speech Acts Across Cultures: Challenges to Communication in a Second Language / Susan M. Gass and Joyce Neu (Eds.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996.

Bowe H. and Martin K. Communication Across Cultures: Mutual Understanding in a Global World. Cambridge UP, 2009.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge UP, 1987.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge UP, 1997.

S.A. Abrahamyan

Dean of Romance and Germanic Philology Faculty

Yerevan State University

SPEECH ETIQUETTE IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL DIFFERENCES

Though the notion of speech etiquette is a universal one, it has distinct national cultural colouring. The effectiveness of intercultural communication to a considerable extent depends on cultural literacy concerning those basic cultural values which are peculiar for different cultures and are reflected in the language and in the norms of communicative behavior.

Key words: speech etiquette; politeness strategy; intercultural differences.

УДК 81'27:[33:659]

Вань Нин

аспирант кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

wanning2004@mail.ru

АВТОМОБИЛЬ КАК ЗЕРКАЛО КАРТИНЫ МИРА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются отдельные теоретические вопросы рекламы и современное состояние ее изучения в лингвистике. Конкретизируется роль рекламы в процессе межнационального сближения и экономической интеграции. Анализируются особенности восприятия русскими и китайцами автомобильных рекламных текстов. Выявляются национальные различия в отношении к концепту «автомобиль». Выявленные различия обосновываются спецификой картин мира русских и китайцев.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; рекламный текст; картина мира; особенности восприятия; языковые особенности.

Интенсивное развитие рыночных отношений в экономике и жесткая конкурентная борьба производителей за своего потребителя сформировали в индустриальном, а затем и постиндустриальном обществе особый вид деятельности человека – рекламный. Уникальный характер рекламной деятельности заключается не только в том, что она выступает неотъемлемой частью экономической жизни современного общества, но и в том, что она стала одним из *важнейших элементов культуры*. Появившись в конце XIX – начале XX-го веков, реклама не просто отражала артефакты того или иного социума, но во многом формировала идеалы, вкусы, стиль жизни людей, особенности их общения, определяя тем самым перспективы развития отдельных сторон жизни общества, а значит, в некоторой степени предопределяя и особенности его современной культуры и коммуникации.

Реклама, как известно, представляет собой коммуникативно-социальный феномен, «определяющий и в какой-то степени регулирующий все сферы общественной и личной жизни» [Симонова 2010: 5]. Сегодня это один из значимых видов материальных носителей знаний человека о мире, поскольку рекламные тексты передают «различные типы маркетинговой информации, направленной на достижение понимания между продавцами и покупателями на рынке. Реклама не только информирует о продукции, но и одновременно трансформирует ее в некий образ, который становится в сознании покупателя неотделимым от фактических сведений о качествах рекламируемого товара» [Измайлова 2011: 35].

Специфика рекламы, на наш взгляд, заключается также в ее гуманитарном характере: она детерминирует социальное поведение человека в том смысле, что побуждает реализовать фундаментальную для личности потребность в самоутверждении и самоидентификации. Причем не только в рамках референтной для человека социальной группы, но и в контексте межнациональных связей, т.е. помогает каждому ощутить себя частью мирового сообщества. Это особенно справедливо для автомобильной рекламы, благодаря которой каждый, например русский, может почувствовать себя «чуть-чуть немцем», сидя в «BMW», американцем – в автомобиле марки «Kraiser» или настоящим россиянином, управляя «Ладой».

В связи со сказанным интересно проанализировать, какие ключевые смыслы автомобильных рекламных текстов являются наиболее ценными, а какие остаются менее значимыми в сознании носителей русской и китайской картин мира. Такой сопоставительный анализ позволит обнаружить как зоны «культурного совпадения», так и зоны «культурного несовпадения», что облегчит рекламодателям

процесс гармоничного конструирования рекламной деятельности в рамках международной автомобильной экономики.

Нами было опрошено 200 респондентов: по 100 человек с русской и китайской стороны. При этом мы придерживались гендерного паритета, поэтому в каждую сотню вошли по 50 мужчин и 50 женщин. Средний возраст опрошенных составил 25-35 лет (в целом в опросе участвовали люди от 17 до 50 лет); социальное положение респондентов разное – это студенты, рабочие, служащие (гос- и офис-служащие, работники бюджетной сферы), предприниматели, домохозяйки.

Респондентам были предложены одинаковые анкеты с пятью вопросами:

1. Какими качествами, по вашему мнению, должен обладать хороший автомобиль?

2. Сведения о чем вас привлекают прежде всего в автомобильной рекламе?

3. Какие слоганы из текстов автомобильной рекламы вы помните?

4. Повлияет ли на ваше решение о приобретении автомобиля его марка?

5. Повлияет ли на ваше решение о приобретении автомобиля его название?

Эти вопросы позволили выявить зоны совпадения и зоны несовпадения в оценке автомобиля и его важнейших качеств русскими и китайцами.

Так, например, среди ответов на первый вопрос (Какими качествами должен обладать хороший автомобиль?) в анкетах русских преобладают ответы: *комфорт* – I место; *разгон с места до 100 км. / мощность двигателя / скорость (динамичность)* – II место; *надежность, выносливость* – III место. Анкеты китайцев демонстрируют иные представления о важнейших качествах автомобиля: *безопасность* – I место; *дизайн («стильный вид»)* – II место; *комфорт* – III место. Таким образом, приоритетными качествами автомобиля для **русских** являются комфорт, мощность и надежность, для **китайцев** – безопасность, внешний вид (эстетика оформления) и комфорт.

Как видно, зоной совпадения в представлениях русских и китайцев об основных качествах автомобиля является *комфорт*, причем для русских – это первое требование к автомобилю, для китайцев оно лишь на третьем месте среди важнейших. По всем же остальным качествам представления опрошенных о хорошем автомобиле не совпадают: для русских важны его *мощность* и *надежность* (=выносливость), для

китайцев – *безопасность на дороге* (=прочность стали и стекол) и *внешний дизайн*.

Выявленная разница в автомобильных приоритетах двух народов представляется вполне естественной, поскольку у китайцев и русских разная автомобильная история, разный жизненный опыт в обладании машинами и их эксплуатации.

Весь советский период и до сих пор отечественный автопром, мягко говоря, не обращал большого внимания на удобное оформление салона автомобиля, на надежность его технического устройства, на долговечность работы его деталей (запчастей). Русскому водителю долгое время пришлось быть вынужденным аскетом и, кроме того, постоянно заниматься ремонтом своего автомобиля, доделкой и переделкой воплощенных в нем инженерных решений; поэтому для русского водителя *комфорт* и *надежность* составляют ядро ценностей автомобиля. Что касается мощности (она на 2-ом месте), то ее важность для русского автомобильного сознания тоже объяснима: в России мало хороших дорог, а зимой много снега – без автомобиля с мощным мотором можно проехать далеко не везде, даже в пределах городского ландшафта.

Интересно распределились оценки качеств хорошего автомобиля в зависимости от гендерных характеристик респондентов. Так, среди **русских автолюбителей-мужчин** важнейшими оказались такие качества, как *комфорт*, *мощность двигателя* и *надежность*, *выносливость*; среди **автолюбителей-женщин** наиболее предпочтительными названы *мощность двигателя* и *комфорт*, затем *внешний дизайн* и далее *надежность*, *выносливость*. Если учесть, что перечисленные качества расположены по степени убывания их важности, то становится очевидным, что русские мужчины, как знающие цену комфорту и надежности машины, не задумываются, в отличие от женщин, над ее внешним дизайном (хотя в нашем материале есть ответы, связанные с выбором этого качества, но они никогда не входят в зону трех важнейших автомобильных ценностей, а находятся на их периферии).

Для **китайских автолюбителей-мужчин** в число важнейших качеств входят (по степени убывания важности) *безопасность* автомобиля, его *внешний (стильный) дизайн*, *комфорт в управлении*; **китайские автолюбители-женщины** называют *внешний (стильный) дизайн*, *безопасность*, *комфорт в управлении*. Как видим, с китайской точки зрения, ценности автомобиля не меняются в зависимости от гендерных характеристик его потребителей. Меняется лишь степень их значимости: для мужчин важнее всего *безопасность*, для женщин –

внешний вид, тогда как *комфорт* и у тех, и у других на надежном третьем месте.

Ответы на второй вопрос анкеты (Сведения о чем вас привлекают прежде всего в автомобильной рекламе?) показали несколько иную картину.

В **анкетах русских** первое место разделили сведения о *цене и технических характеристиках машины*; второе место занимает информация о *мощности двигателя*; на третьем месте – *комфорт салона*. В **анкетах китайцев** на первом месте такое качество, как *безопасность*, на втором месте – *экономичность расхода топлива*, третью позицию занимают сведения о *технических характеристиках автомобиля*.

Такие данные свидетельствуют о том, что текст рекламного сообщения русский потребитель начинает воспринимать с цены товара и его технических характеристик; немаловажным для него оказывается и комфортное оформление салона, но это, как показывает материал, уже дело третье. Иное восприятие рекламного сообщения у китайского потребителя: не задумываясь о цене, он интересуется прежде всего безопасностью и экономичностью машины, которые позволяют ему уже более или менее спокойно воспринять сведения о технических особенностях предлагаемого товара.

В ответах на второй вопрос так же, как и в ответах на первый вопрос, можно отметить некоторые особенности, связанные с гендерными характеристиками респондентов.

Так, например, для **русских мужчин** в содержании рекламных текстов наиболее значимой оказывается информация о *цене* автомобиля (1-е место) и его *мощности* (2-е место), а уж затем его *марка* (3-е место); для **русских женщин** более приоритетной оказывается информация о *мощности* (1-е место), затем сведения об *удобстве* и *комфорте* (2-е место), на последнем же месте стоит вопрос о *цене* и *надежности* автомобиля. Подобный расклад «голосов» объясняется, видимо, тем, что русские мужчины почти полностью – покупатели авто (ср. место вопроса о цене в их анкетах), тогда как женщины почти полностью только пользователи (ср. место о цене автомобиля в их анкетах).

Китайские мужчины выделяют в рекламе прежде всего сведения об *экономичности расхода топлива* (1-е место), затем о *безопасности* (2-е место) и уже в третью очередь о *технических характеристиках*; китайские женщины сведения о *безопасности* ставят на первое место, сведения об *экономичности* – на второе, а уже затем обращают внимание на *технические характеристики* рекламируемого автомобиля. Как видно, китайские женщины единодушны со своими мужчинами, ибо

ценность рекламных сведений для них одинакова, меняется местами лишь экономичность с безопасностью, уходя с первого места у мужчин на второе у женщин.

Интересные выводы позволяет сделать анализ ответов на третий вопрос (Какие слоганы из текстов автомобильной рекламы вы помните?). Выяснилось, что в России наиболее известными и узнаваемыми являются слоганы зарубежных автомобильных концернов «Toyota» (*Управляй мечтой! Все в твоих руках! Превосходя ожидания!*) и «Audi» (*Das Auto!*). Эти же фирмы, судя по анкетным данным, наполняют и рекламный рынок Китая, где самыми популярными являются слоганы «Toyota» (*Где есть дорога, там обязательно Toyota!*) и «Audi» (*Прорыв науки и техники! Будущее воодушевляет!*). Однако в Китае активна и реклама концерна «Mercedes» со слоганом *Ведет за собой время!*. Эти данные позволяют сделать три важных вывода: 1) в России «не прижилась», не стала общественно значимой реклама автомобилей марки «Mercedes», очевидно, из-за высокой стоимости товара, тогда как четвертая часть китайских потребителей назвала слоган этой компании; 2) серьезной гендерной дифференциации в ответах на третий вопрос нет: русские мужчины и женщины, с одной стороны, и китайские мужчины и женщины, с другой стороны, назвали почти одни и те же слоганы; 3) русские респонденты демонстрируют большую осведомленность в рекламном дискурсе, так как позицию «Затрудняюсь ответить» отметили только 33 человека, в то время как среди китайских респондентов таких набралось 60 человек; при этом рекламные слоганы лучше знают русские мужчины (из них только 15 «затруднились ответить»), чем русские женщины, среди которых «затруднились ответить» 25 человек. Та же картина и среди китайских респондентов: не ответили на этот вопрос 23 мужчины и 40 женщин.

Что касается четвертого (Повлияет ли на ваше решение о приобретении автомобиля его марка?) и пятого (Повлияет ли на ваше решение о приобретении автомобиля его название?) вопросов, то среди ответов на них нет какой-либо существенной разницы: участники и китайского, и русского рекламных дискурсов с большим перевесом ответили «да» на оба вопроса.

Завершая анализ, отметим, что восприятие рекламных текстов, выделение в них ценностей, и среди них – приоритетных, происходит далеко не одинаково у представителей разных наций. Здесь многое зависит от особенностей менталитета – культурных и бытовых традиций, социально-экономических особенностей жизни, прошлых и настоящих исторических событий, влияющих на картину мира носителей того или иного языка и т.п. В результате эмоционально-

психическое восприятие одного и того же артефакта, обнаруживая **зоны культурного несовпадения**, может приводить к неодинаковым, а возможно, и противоположным физическим или материальным реакциям / действиям со стороны представителей разных национальностей. Поэтому всякое рекламное сообщение фирмы-производителя или фирмы-продавца, которые выходят на международное торговое пространство, должно непременно учитывать особенности национального мировосприятия своего адресата, ибо то, что жизненно необходимо для русского, – для китайца вторично. И наоборот. Это убедительно демонстрирует проведенный нами анализ рекламных текстов автомобильной тематики.

Разные ценностные приоритеты того или иного народа, фиксируемые в рекламных слоганах посредством слова, являются, безусловно, ценностными ориентирами для экономической деятельности в автомобильной отрасли: чтобы успешно производить автомобили, надо успешно их продавать; чтобы успешно продавать, необходимо успешно рекламировать; чтобы успешно рекламировать, создатель рекламного текста должен ориентироваться на ценностные ментальные установки того сообщества, в рамках которого этот текст распространяется.

Библиографический список

Измайлова М.А. Психология рекламной деятельности. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2011. 444 с.

Симонова А.К. Реклама в процессе детерминации социального поведения личности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010. 19 с.

Wang Ning

Post-graduate Student of Russian Language and Stylistics Department
Perm State National Research University

THE CAR IS LIKE A MIRROR IMAGE OF THE WORLD: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

This paper discusses some theoretical issues of advertising and the current state of its study in linguistics. Concretized the role of advertising in the process of international economic integration and convergence. Analyzes the characteristics of the perception of Russian and Chinese automotive advertising texts. National differences are identified in relation to the concept “car”. The differences justified by the specific world views Russian and Chinese.

Key words: intercultural communication; advertising text; picture of the world; especially perception; language features.

Ермакова Татьяна Георгиевна
соискатель кафедры исторического языкознания
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
ermakova.ff@gmail.com

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И БЫТ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФЛОРЫ¹

Репрезентация диалектной языковой картины мира не может быть полной без включения в нее мира растений. Диалектная фитонимика не просто показывает разнообразие вариантных и синонимических рядов названий растений, ее цитатный материал отражает своеобразие жизни, быта и традиций сельских жителей.

Ключевые слова: фитонимика; репрезентация народной культуры; названия растений; микрополе; мотивационный признак.

Изучение языковой картины мира носителя традиционной народной культуры остается актуальной задачей лингвокультурологии и этнолингвистики. Мир растений в традиционной культуре связан со многими сторонами жизни и является неотъемлемой частью материального мира сельского жителя. Народная фитонимика демонстрирует большое разнообразие вариантных и синонимических рядов наименований, отражающих различные признаки и свойства растений. Лексический материал из сферы *растения* позволяет исследовать и решать вопросы диалектной мотивологии, вариантологии, лингвогеографии и т.д., а иллюстративные тексты являются ценным источником этнокультурной информации.

Многообразие номинаций, представляющих отдельные виды растений, свидетельствует о высокой значимости данного участка действительности в сознании носителей диалекта. В говорах Среднего Прииртышья максимальным количеством лексем представлены названия утилитарно используемых растений – лекарственных и съедобных. В большом количестве диалектных текстов внимание акцентируется на употреблении в пищу дикорастущих растений в годы войны и голодное послевоенное время: *В войну траву всяку ели: кислянку, гыгыль, шкирду, чеснок полевой; В войну-то всё ели, и картошку сыру, и гоголи; Медунки – в войну мы их ели сильно; Шнитка – трава, её ели во время войны; Ели мы крапильву, ели мы лебяду в войну; А война была, сколько крапивы переели, и осот, и лебеды; Калачики всю войну ели – траву; И камыш, и рогозу в войну ели; Белоголовник растёт. Чай с им пили в войну; Растёт трава в лесах*

наших. Гегели называется. В голод мы из неё кашу варили и ели; Шамелу мы ели в голод.

Лексико-тематическую группу *растения* формируют микрополя, которые являются совокупностями номинаций, относящихся к одному ботаническому виду. Рассмотрим микрополя некоторых типичных для Среднего Прииртышья растений.

Источником диалектного материала для этой статьи послужили данные картотеки кафедры «Исторического языкознания» и записи живой диалектной речи, полученные по итогам ежегодных диалектологических экспедиций в районы Омской области, а также три основных тома и два выпуска дополнений «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» [СГСрП 1992–1993], [Доп-1 1998], [Доп-2 2003]. Примеры словоупотребления даются в фонетической орфографии, с постановкой ударения, написанием проклитик и энклитик через дефис с фонетически самостоятельным словом, в скобках указывается населенный пункт, район Омской области, в котором была произведена запись, говор (старожильческий, новосельческий, русско-украинский, русско-белорусский, русско-эстонский и др.) информанта, его возраст на момент записи, год записи. В случаях, когда материал взят из опубликованных выпусков словаря, то примеры даются в соответствии с источником.

Горец птичий *Polygonum aviculare* L.: *гусиная трава, гусиный подорожник, конопатка, конотопка, муравка, мурашка, полянка, спорысь, спорыш, трава-мурава.*

Горец птичий растет повсеместно, это неприхотливое и выносливое растение издавна применяется как лекарственное и кормовое, что получило отражение в названиях *гусиная трава, гусиный подорожник*: *Есь падарожник шырокий листы как ищю для-ликарсва а-этат такой этат гусиной падарожник называеця / гусяты йиво йидят* (д. Семёновка, Калачинский р-н, Хохлова З.М., 72 г., рус.-бел., 2004). По степени частотности наиболее употребительным оказывается наименование *конотопка*: *А под горой конотопка росла, и гусенят пасёшь* (Кол. Кул.) [СГСрП Т.2 1992]; *Конотопка помогает от-желудка* (д. Решетниково, Большереченский р-н, старож., 1999). *Коровы конотопку хорошо едят* (д. Казырлы, Саргатский р-н, 1998). В результате метонимического переноса ‘целое > часть’ и переноса по смежности в пространстве в говорах Среднего Прииртышья возникли названия горца *муравка* (от *мурава* ‘трава’) и *полянка*: *Муравка-то у нас во дворе растёт* (Б.-реч. Реш.) [Доп-2 2003]; *Спорыш – полянка у нас зовут // Полянкой хорошо цыпушек кормить* (Б.-реч. Реш.). *Полянка – ну, его ещё мурашкой называют, спорыш по-врачебному* (Б.-реч. Б.-реч.)

[Доп-2 2003]; *Да-вон поваляйся ф-теньке на-полянке, она густая да мяккая / где полянка? да-вон / трава такая* (Саргатский р-н).

Крапива двудомная *Urtica dioica* L.: *двухдомная крапива, жала, жалица, жалюха, крапива, крапильва, огневица.*

Диалектные названия *крапивы* отражают ее основное свойство – жгучесть, реализуя его при помощи разных мотивировочных основ (*жала / жалица / жалюха – огневица*). Интересен тот факт, что в говоре бытует (хотя и в диалектной огласовке) двусоставное номенклатурное название – *двухдомная крапива*, а описание растения информантом оказывается близко ботаническому: *У двухдомной крапивы стебель гранатый, корень фиолетовый, а лист шелковистый* (Б.-реч. Реш.) [Доп-2 2003], ср.: «Крапива – многолетнее травянистое растение <...> с ветвящимся ползучим корневищем <...> стебель прямой слабочетырехгранный» [Жуков 1983: 45]. Как точно носитель говора выделяет детали строения стебля, фактуру листьев! Прилагательное *гранатый* имеет в говоре значение ‘имеющий грани, граненый’, молодые листья крапивы имеют ярко-зеленую блестящую поверхность листа, что описано как *шелковистый лист*.

Крапива была одним из тех растений, которые помогли сельским жителям не умереть с голоду:

Мы биз-аца росли / восимь нас дитей была // Хватили голоду-холоду / тада-ш // Эта щяс правда как-та люди ни-работают/ фсе жывут адеты сыты правда вить // А-мы работали как лошади а-мы-вить были галодныйи / время была такое // (Расскажите, что вы ели?) Ели либяду крапиву // <...> Абет / эта ужэ абедали мы в-два часа а-патаму-шта если мы придём с-этай / с-кринкай крапивы / нам жрать ахота / если я сяду ран'шы я да-вечира ни-выдиржу / вот выпью я эту кринку а-ес'ть ахота / так-вот и-ждём кагда абет тол'ка будит / тада тол'ка эту крапиву пахлибать / а-патоm и-касили / и-касили / вот на-этай крапиви касили литофками // (А как готовили крапиву?) Ну / крапиву сабирали / щяс-жы ана ужэ старая / а-кыда-та ана вот-такая [показывает руками длину около 15 см] сабирём иё / вымачим / штоб-букашык не-была / парежым ножыкам / и-вадич'ку закипитим / тада сварим / если соль есь пасолиш/ и-бис-соли можна/ (с. Большие Уки, Большеуковский р-н, Ковалёва А.Г., 76 л., старожил., 2005); В-вайну-та ели / мой радной / крапиву / фсо фсо ели (д. Фирстово, Большеуковский р-н, Ермолаева А.Т., 82 г., старожил., 2005).

Медуница лекарственная *Pulmonaria officinalis* L.: *бедунка, медонка, медулька, медуn, медуница, медуnка, первоцвет, шамела, шмела, шумела.*

Данное микрополе состоит из фитонимов, включающих два вариантных ряда: диалектные варианты общеславянского названия *медуница* и варианты диалектного названия *шамела* – *шмела* – *шумела*. Медуница – раннее весеннее растение и потому особо ценное в пищевом отношении: *А когда весна начнёца / язы'чки называеца / стебель ф-палец толщиной / пуч'ки ели / медунки / ну-вот первоцветы / синен'ким цветут* // (д. Кирсановка, Большереченский р-н, Шильникова Е.С., 70 л., старож., 1996); (А первые весенние цветы как называются?) *Ну-первые / эти / пац'нежники* // *И-мядунки мы-их называем* // (д. Поречье, Муромцевский р-н, Ольховская Н.И., 80 л., рус.-белор., 2010). *Медунки / в-войну мы их ели сильно* (с. Такмык, Большереченский р-н, старож., 1999). *Шамелу мы ели в голод* (Знам. Знам.) [СГСрП Т.3 1993]. *В войну траву всяку ели: кислянку, гыгыль, шкирду, шамелу* (Тар. Лож.) [Доп-2 2003].

Молочай прутьевидный *Euphorbia virgata* L.: *молочай, молосник, свинуха.*

Стремление выделить у реалии различные признаки способствует развитию синонимии. Название *свинуха* образовано по признаку употребления в пищу животными (как *гусиная трава, гусиный подорожник*), отношения лексической мотивации актуализуются в контексте: *Свинухами свиней кормили* (д. Могильно-Посельское, Большереченский р-н, Козионова Н.В., старож., 1998). Фитоним *молосник* мотивирован характерной деталью – наличием млечного сока в тканях растения – и является фонетическим вариантом собирательного названия *молочник*. В Омском Прииртышье *молочником* называют еще два растения: *скерда сибирская* *Screpis sibirica* L. и *одуванчик лекарственный* *Taraxacum officinale* Web., при этом денотативную отнесенность слова возможно определить только в контексте: *Молосник свиньям носим* (У.-Иш. Слоб.) [СГСрП Т.2 1992]. *Скерду*, в отличие от *молочая*, в пищу употребляют люди, см. ниже.

Одуванчик лекарственный *Taraxacum officinale* Web.: *дуванчик, зубная трава, кульбаба, молочник, одуванчик.*

Наряду с литературным *одуванчик* (и его диалектным вариантом *дуванчик*) микрополе данного растения включает в себя заимствованное из украинского языка *кульбаба*: *А-мы пешком пойдём нарвём себе кульбабы пока они ещё жёлтиньки* (р.п. Большеречье, Большереченский р-н, рус.-укр., 1996). Номинация *зубная трава* отражает лекарственное свойство растения (одуванчик, как и другие травы, содержащие горечи, обладает способностью успокаивать зубную боль, ср.: *горечавка лёгочная* *Gentiana pneumonanthe* L. – литературное название *горечавка* отражает горький вкус растения и имеет в говорах Среднего

Прииртышья название *зубной казачок*). Интересно, что, хотя данное растение является злостным сорняком, большинство относящихся к одуванчику контекстов, актуализирует его полезные качества: (Травы собираете?) *Травами тол'ко жыву / как забалела ужэ давно печень у-миня балит <...> Я календул сабираю / сабираю дарожник / мать-мачиху / сабираю / патом / адуванчик / ат-печени* (д. Лаврино, Нижнеомский р-н, Сухомозова Н.Д., 78 л., новосел., 2007). К одуванчику относится номинация *молочник* в метатексте: *Да нарвём одуванчика / тогда Наталья фсё ево молоч'ником звала* (р.п. Большеречье, Большереченский р-н, старож.). Микрополе 'одуванчик', таким образом, пересекается с микрополем 'молочай'.

Очиток, род *Sedum*: зайчиковая капуста, капустка, очиток.

В говоре употребляется фонетический вариант литературного названия *очиток*, но более распространенными являются *капустка*, *зайчиковая капуста*. Основанием для названия этого растения *капустой* служит специфический характер расположения листьев: *Листья у очитков толстые, мясистые* (Кол. Виш.) [СГСрП Т.2 1992], и съедобность вида: *Капустку ели, всяку траву* (Мур. Бер.) [Доп-2 2003]. У общерусского составного фитонима *заячья капуста* в диалекте видоизменяется прилагательное: *заячий > зайчиковый*, что связано со словообразовательным разнообразием притяжательных прилагательных в говорах (ср.: *свининые рыльца, кониный щавель*): *Ну-што пайдёмти ў-лес ицё зайчикавай капусты нарвём* (д. Лебединка, Седельниковский р-н, Азарова Н.И., 71 г., рус.-бел., 2004). Сам же эпитет *заячий (зайчиковый)* значит 'ненастоящий, дикорастущий'.

Просвирник приземистый *Malva pusilla* Sm.: калачик, копеечник, копейка, свиное рыльце.

Фитонимы, составляющие данное микрополе, образованы путем метафорического переноса. Мотивировочным признаком послужила форма съедобных плодов растения, представляющих собой плоские дисковидные семянки. Разнообразные ассоциации, вызванные такой формой, дали синонимичные номинации: *Калачики и свиные рыльца их называют. Копейки называют. Ребятишки их едят* (Б.-реч. Реш.) [Доп-2 2003]. *Трава, которую любят есть свиньи – калачики* (Тар. Кузн.) [СГСрП Т.2 1992]. *Копейка – хорошее лакомство для детей // Копейки называют. Ребятишки едят их* (Б.-реч. Реш.) [Доп-2 2003]. *Капеич'ки ўот у-ниво дажы в-децви мы ели / мы их ели ўот этат капеич'ник* // (д. Камышино-Курское, Муромцевский р-н, Мальцева Е.Т., 69 л., новосел., 2005).

Калачики, а также *просвирки, проскурки, пышечник, плюшки* называют это растение в европейской части страны. Как замечает

В.А. Меркулова, в названиях данного растения постоянно воспроизводится одна и та же семантическая модель: ‘изделие из муки, вид печенья’ – ‘растение’ [Меркулова 1967: 127].

Пустырник пятилопастной *Leonurus quinquelobatus Gilib.*: глухая крапива, жерновец, жерновка, пустырник, суставник, четырёхлистник.

Популярное лекарственное растение *пустырник* имеет в прииртышских говорах шесть дублетных наименований, два из которых являются морфологическими вариантами (*жерновец* – *жерновка*). Интересно название *глухая крапива*: опорное слово соотносит данное микрополе с микрополем ‘крапива’, а эпитет *глухая*, в значении ‘нежгучая’ [СГСрП Т.1 1992], несет в себе дифференцирующий признак, позволяющий различать сближаемые на основании внешнего сходства виды: *Глухая крапива – это тоже крапива, только другого сорта // Глухая крапива светит сиреневыми светками* (Мур. Берг.) [СГСрП Т.1 1992]. На Украине *пустырник* также называют *глуха кропива* [Лекарственные растения Украины 1971: 243]. В уральских говорах *глухой крапивой* называют иное растение – *яснотку белую* *Lamium album* L. [Коновалова 2000: 62].

Скерда сибирская *Crepis sibirica* L.: молочайка, молочейка, молочник, скерда, шкерда, шкирда, шкурда.

Съедобное растение семейства сложноцветных *скерда сибирская* *Crepis sibirica* L. содержит в тканях млечный сок, поэтому получает диалектные названия *молочник* – *молочайка* – *молочейка*. Установить, что под этими названиями подразумевается одна реалья, помогает контекст, в котором информант описывает, каким образом употреблялось растение: *Трава есть – молошник, шкирда – листья. Сначала будут бубышки, потом расцветут и серу с них собирали* (Б-реч. Б-реч.) [Доп-2 2003]. *Молочейки – высокие, жёлтенькие, летом расцветают; когда жара, из них топится молоко; оно запекается, станет **искрасна**, её собирают и жевачку жуют* (Н. Ом. Рад.) [СГСрП Т.2 1993]. Названные признаки растения – высокий рост, красноватый цвет высохшего млечного сока – позволяют понять, что речь идет именно о *скерде*, а не о *молочае* или *одуванчике*, у которых высохший сок имеет темно-серый цвет.

В говоре употребляется и литературное название *скерда*: *Медунки были, скерды* (Мур. Гур.) [СГСрП Т.3 1993], его фонетические варианты: *шкерда – шкирда – шкурда*: *Шкурду всегда весной едим* (Кол. Кр.) [СГСрП Т.3 1993]. Еще одним свидетельством в пользу того, что *молочейка* – это растение *скерда*, является следующий пример, в котором дано близкое предыдущему контексту описание способа

употребления растения: *Побежишь в поле, оторвёшь головки со шкерды, молоко выступит, а солнышко его запечёт, тогда мы соберём и жуём, так раньше жвачку делали. Ходишь день и жуёшь* (Мур. Низ.) [СГСрП Т.3 1993].

Репрезентация диалектной картины мира не может быть полной без той ее части, которая связана с растениями. Иллюстративные материалы не только фиксируют факт употребления слова в речи, показывают его лексическую и синтаксическую сочетаемость, но и отражают многообразие свойств и признаков реалии, а в конечном итоге – своеобразие жизни, быта и традиций сельских жителей.

Примечания

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, № 12-34-01078/ 13 (1).

Библиографический список

Жуков Н.А. Лекарственные растения Омской области и их применение в медицине. Омск: Омское книжное издательство, 1983. 128 с.

Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. 234 с.

Лекарственные растения Украины / Ивашин Д.С., Катина З.Ф., Рыбачук И.З., Иванов В.С., Бутенко Л.Т. Киев: «Урожай», 1971. 352 с.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 260 с.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г.А. Садретдиновой. Т. I – III. Томск: Изд-во ТГУ, 1992 – 1993. [СГСрП].

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. ред. Б.И. Осипов. Омск: Ом. гос. ун-т, 1998. Вып. I. 155 с. [Доп-1].

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. ред. Б.И. Осипов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. Вып. II. 172 с. [Доп-2].

T.G. Ermakova

Post-graduate Student of Historical Linguistic Department
Omsk State University

TRADITIONAL CULTURE AND MODE OF MIDDLE IRTYSH IN THE LIGHT OF FLORA

The representation of dialectal view of the world can't be complete without the inclusion of flora. Dialectal names of plants not just show a variety of variant and synonymous ranges plant names, but illustration reflects the uniqueness of life, mode and traditions of the rural people.

Key words: herbs names; representation of national culture; microgroup; motivational feature.

Лаврентьева Елизавета Владимировна
доцент кафедры русского языка и восточных языков
Сибирский государственный университет путей сообщения
lev300374@mail.ru

Соловьева Ольга Борисовна
доцент кафедры русского языка и восточных языков
Сибирский государственный университет путей сообщения
rossignoll@inbox.ru

НЕПРЕРЫВНОЕ ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье обосновывается необходимость и целесообразность создания системы непрерывного языкового образования в техническом вузе, направленного на развитие коммуникативной компетентности абитуриентов, бакалавров, специалистов, магистрантов, аспирантов, позволяющего восполнить пробелы в их базовом образовании и способного обеспечить преемственность общеобразовательной и профессиональной подготовки.

Ключевые слова: непрерывное языковое образование; языковая компетенция; образовательный процесс в техническом вузе; единый государственный экзамен по русскому языку; электронная образовательная программа.

Рубеж тысячелетий характеризуется резкой сменой политической идеологии, изменением государственных границ и экономического положения России, быстрым развитием техники. Неизменным остается язык, тонко реагирующий на все трансформации, которые произошли со страной и нашли свое отражение на всех уровнях языковой системы.

С конца XX века в России лихорадочно реформируют образование. К сожалению, единственной последовательной линией этих реформ является неуклонное сокращение изучения русского языка. Это объясняется необходимостью углубленного изучения то специальных дисциплин, то иностранного языка для повышения конкурентоспособности будущего специалиста. Но ни то, ни другое невозможно без поэтапного качественного языкового образования, без ключевого положения русского языка в системе обучения. Компетентностный подход – практико-ориентированный тренд современного российского образования – абсолютно необоснованно оставляет очень небольшую нишу для введения различных речевых

курсов на родном языке. Особенно трудно создать коммуникативно-языковое поле в образовательном процессе технического вуза. Но делать это необходимо, более того – целесообразно.

Здесь уместно будет вспомнить непреходящую ценность древнегреческой цивилизации: «Человек – мера всех вещей». Однако реальность доказывает обратное. Например, довольно часто технические новинки ставят нас в тупик только потому, что косноязычно составлена сопроводительная документация к ним. Несовершенство законодательной системы РФ в большинстве случаев справедливо объясняется большим количеством языковых ошибок и неточностей в нормативных актах, которые приводят к множественности их толкования. И еще один пример. Думаем, многие, заполняя анкеты, счета и различные договоры, берут несколько бланков – подстраховываются черновиком, так как иногда достаточно сложно с первого раза понять официальные бумаги или грамотно их заполнить.

Пробелы в образовании будущих специалистов, заключающиеся в недостаточном владении культурой речи, в частности, нормами и стилями русского литературного языка, очевидны. Восполнить их возможно только при наличии системы непрерывного языкового образования, которое обеспечило бы преемственность среднего и высшего звена. Неслучайно компетентность специалиста в любой области определяется как узкопрофессиональными знаниями, умениями и навыками, так и общим уровнем его языковой компетенции – одной из составляющих свободного владения русским литературным языком. Мировая практика показывает, что родной язык должен изучаться непрерывно до окончания учебного заведения, вне зависимости от специальности и ступени обучения. Однако курс русского языка в средней школе заканчивается в девятом классе, оставшиеся до выпуска два года школьники не имеют возможности активизировать основные знания по предмету. Это негативно сказывается на качестве сдачи выпускных и вступительных экзаменов не только по русскому языку, но и по ряду других дисциплин.

Как известно, Министерство образования и науки РФ включило единый государственный экзамен (ЕГЭ) по русскому языку в перечень обязательных. Успешная сдача ЕГЭ является залогом поступления абитуриента в высшее учебное заведение и обучения в нем. На протяжении многолетнего внедрения единого государственного экзамена в систему российского образования настроение общества, отраженное в СМИ, в отношении к ЕГЭ справедливо изменилось к худшему. К недостаткам новой системы можно отнести неспособность учитывать индивидуальные особенности учеников, редукцию учебной

работы к проверяемому минимуму, слабую дифференциацию испытуемых в области наивысших тестовых баллов, невнимание к разнице в условиях обучения школьников. Поэтому рассматривать ЕГЭ как универсальный оценочный метод, как и любое другое массовое формальное испытание выпускников школ, нецелесообразно. Это признают и его разработчики. И все же с 2009 года ЕГЭ стал основной формой государственной (итоговой) аттестации выпускников образовательных учреждений. Кроме того, законом также предусмотрено право вузов на проведение дополнительных вступительных испытаний, если это обусловлено спецификой той или иной специальности.

При поступлении в Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС) используются обе формы итоговой аттестации, что позволяет отчасти нивелировать недостатки новой системы оценивания и обеспечить преемственность среднего и высшего образования. Однако количество выпускников, по данным Министерства труда, занятости и трудовых ресурсов Новосибирской области, до 2018 года будет уменьшаться [Результаты ЕГЭ 2011 года]. Это значит, что увеличится доля участников ЕГЭ с баллами среднего и низкого уровня. Обучать таких студентов крайне трудно: у современных выпускников очень невысок уровень осознанного чтения, информационной переработки текста – около 50 % учащихся понимает содержание прочитанного и проанализированного текста с искажениями или неверно, что свидетельствует о низком качестве общеучебных умений. Поэтому для повышения качества языковой подготовки будущих студентов на кафедре русского языка и восточных языков СГУПС была создана Коммуникативно-лингвистическая лаборатория, целью которой является разработка электронной образовательной программы «Интерактивный курс по подготовке абитуриентов СГУПС к сдаче ЕГЭ по русскому языку».

Согласно информации, предоставленной Министерством труда, занятости и трудовых ресурсов Новосибирской области, ЕГЭ по русскому языку в 2011 году проводился во всех субъектах Российской Федерации. Результаты 2011 года в целом сопоставимы с результатами предыдущих лет: каждый десятый выпускник средней школы не знает русского языка. Традиционно более успешно осваивают образовательный стандарт по всем предметам участники ЕГЭ средних общеобразовательных школ. Каждый пятый выпускник вечерней общеобразовательной школы и образовательного учреждения начального профессионального образования (НПО ОУ) не осваивает

образовательный стандарт по обязательным предметам [Результаты ЕГЭ 2011 года].

Доля поступающих в СГУПС и не прошедших вступительные испытания по русскому языку (минимальный порог – 36 тестовых / 22 первичных балла) составила в 2010–2011 годах 3,7 % и 2 %, соответственно, от общего числа экзаменуемых, что говорит о наметившейся тенденции к снижению количества абитуриентов с невысоким уровнем знаний. Однако по-прежнему остается большой процент участников вступительных экзаменов, с трудом набравших проходной балл (32,9 % и 24,3 %) и не достигших среднего уровня (32,5 % и 38,4 %). Доля выпускников, уровень знаний которых выше среднего, составила 30,9 % и 35,3 %.

Экзаменуемые, уровень подготовки которых оценивается как удовлетворительный, продемонстрировали знания и умения, необходимые для выполнения примерно 65 % заданий первой части работы. Отмечено, что только 27 % абитуриентов могут правильно построить простое предложение, осложненное деепричастным оборотом. Наибольшую трудность для выпускников представляет постановка знаков препинания в сложных предложениях (25 %). Бывшие школьники испытывают затруднения с выбором -Н- и -НН- в суффиксах различных частей речи, также оказывается сложным слитное, раздельное или полуслитное написание слов (14 %). Экзаменуемые с хорошим и отличным уровнями подготовки выполнили больше 65 % заданий базового уровня. Трудности были связаны с заданиями, нацеленными на проверку знаний орфоэпических и грамматических норм русского литературного языка. Безусловно, представленные результаты, свидетельствующие о недостаточно сформированной языковой компетенции у выпускников, во многом объясняются повсеместным распространением ненормированных вариантов произношения, ошибочных грамматических форм в современной разговорной практике, что приводит к неверным ответам при выполнении экзаменационной работы.

На основании анализа второй части работы можно утверждать, что большая часть абитуриентов с удовлетворительным уровнем подготовки не обладает умениями комментировать поставленную автором проблему (41 %) и выражать свою точку зрения (24 %). Выпускники с хорошим и отличным уровнями подготовки испытывают трудности, в основном связанные с умением отстаивать свою позицию и соблюдением практической грамотности. Анализ сочинений также показал, что в целом работы экзаменуемых не отличаются логичностью (4 %).

Таким образом, анализ результатов ЕГЭ и вступительных испытаний по русскому языку в СГУПС позволил с точностью определить целевую группу потребителей электронной образовательной программы и выявить наиболее слабо усвоенные темы школьного курса русского языка. Этим темам уделялось особое внимание при разработке содержания интерактивного курса. Электронная образовательная программа адресована различным категориям абитуриентов СГУПС. Большею частью это выпускники ОУ СПО и НПО, слушатели заочной и вечерне-заочной формы обучения, студенты-иностранцы и выпускники образовательных учреждений прошлых лет. Поэтому многоуровневый подход к обучению, на котором базируется программа, предполагает поэтапное планирование результатов: выделение уровня обязательной подготовки и формирование на этой основе повышенных уровней овладения материалом.

Интерактивный курс содержит справочный материал по фонетике, акцентологии, графике, орфографии, пунктуации, стилистике, лексике, синтаксису; включает пошаговую подготовку к написанию сочинения-рассуждения и алгоритмы рассуждения при выборе ответа в первой части работы. Также представлены презентации, раскрывающие наиболее сложные темы школьного курса: синтаксические нормы, формулировка проблемы текста, комментариев к проблеме текста, отражение авторской и своей позиции. В программе содержатся пробные варианты тестовых заданий по русскому языку и ответы на них, контрольные тесты, глоссарий.

Электронная образовательная программа предоставляет каждому возможность самостоятельно работать с учебным материалом, использовать справочный материал, проходить тестирование по одной или нескольким темам в удобном для себя режиме, выявлять слабые места в понимании предмета, отрабатывать навыки тестирования, контролировать результаты тестирования, проводить работу над ошибками и психологически готовиться к сдаче экзаменов. Использование предлагаемого интерактивного курса позволяет заметно повысить качество языковой подготовки наших будущих студентов и увеличить количество участников ЕГЭ с баллами выше среднего уровня.

В условиях системных изменений среднего общего и высшего профессионального образования уровень языковой компетенции является условием не только поступления в желаемый вуз, но и успешного обучения в нем. Методическое обеспечение преемственности общеобразовательной и профессиональной подготовки – это один из путей, способствующий эффективности непрерывного языкового образования. Поэтапное включение в программы курсов, связанных с

теорией и практикой речевой коммуникации, положительно сказывается на овладении знаниями и умениями по выбранному профилю студентами не только гуманитарных, но и технических специальностей.

Так, в СГУПС для аспирантов разработан и введен в систему подготовки блок речевых курсов, направленных на развитие коммуникативной компетентности, т.е. способности человека решать языковыми средствами те или иные коммуникативные задачи в разных сферах и ситуациях общения. Целью курса «Культура речи молодого ученого» является устранение грубых недочетов в речи аспирантов, совершенствование культуры речи в произносительном, лексическом, грамматическом и стилистическом аспектах. Курс «Основы риторики» предназначен для освоения основ современного риторического образования, изучения законов речевой коммуникации, развития мастерства публичного выступления, которое так необходимо начинающим ученым при защите диссертации. Кроме того, анализ работ аспирантов позволяет прийти к выводу: молодые ученые испытывают значительные затруднения в процессе создания научного текста, который должен не только отражать результаты научного познания, но и соответствовать нормам научной коммуникации. Кроме того, для них являются сложными и такие виды научной деятельности, как аннотирование, реферирование и рецензирование. Цель курса «Научный стиль речи и письма» заключается, с одной стороны, в углублении базовых понятий о научном стиле речи, а с другой – в совершенствовании коммуникативных умений и навыков, необходимых для повышения уровня профессиональной культуры и свидетельствующих о научной компетенции молодого ученого.

Острота проблем непрерывного образования взрослых в первую очередь связана с необходимостью личностного и профессионального роста в условиях постоянных социально-экономических изменений. Для реализации адаптивной функции непрерывного языкового образования коллективом кафедры русского языка СГУПС был разработан комплект электронных изданий «Эффективная профессиональная коммуникация в сфере железнодорожного транспорта». Учебно-методический комплекс является современным и эффективным средством профессиональной подготовки и переподготовки сотрудников сервисной сферы и менеджеров всех звеньев российской железнодорожной компании, поскольку позволяет в сравнительно короткие сроки – за 72 академических часа – решить важнейшие задачи повышения квалификации: 1) сформировать общекультурные и профессиональные компетенции специалистов и тем самым повысить квалификацию обучающихся; 2) отработать стандарты служебного поведения

специалистов в разнообразных сферах делового общения. Инновационный комплект электронных изданий успешно апробирован на курсах повышения квалификации в Институте перспективных транспортных технологий и переподготовки кадров (ИПТТиПК) Сибирского государственного университета путей сообщения и отмечен Золотой медалью на международной образовательной выставке «УчСиб-2011» в номинации «Учебно-методический комплект для системы дополнительного профессионального образования».

Таким образом, в Сибирском государственном университете путей сообщения создано коммуникативно-языковое поле, позволяющее абитуриентам, бакалаврам, специалистам, магистрантам и аспирантам восполнить пробелы в базовом образовании, пройти языковую подготовку в условиях меняющейся социальной ситуации, удовлетворить стремление к творческому росту, совершенствуя свои речевые знания и умения.

Библиографический список

Результаты ЕГЭ 2011 года: сб. аналитических материалов. Новосибирск: ГБОУ ДПО НСО «Институт развития образования Новосибирской области», 2011. 40 с.

E.V. Lavrentyeva

Reader of Russian and Oriental Languages Department
Siberian State University of Railway Communication

O.B. Solovyeva

Reader of Russian and Oriental Languages Department
Siberian State University of Railway Communication

CONTINUOUS LANGUAGE EDUCATION IN THE TECHICAL HIGH SCHOOL

The article touches upon the necessity and reasonability for creating the system of continuous language education in the technical high school. Its purpose is to develop communicative competence among school-leavers, bachelors, undergraduate, postgraduates and specialists. This enables to fill in the gaps in their basis language skills and to provide the continuous general and professional training.

Key words: continuous language education; language competence; educational process in the technical high school; the unified state exam in the Russian language; electronic educational program.

Левченко Елена Васильевна
зав. кафедрой общей и клинической психологии, профессор
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
levchenkoev@yandex.ru

Федосина Светлана Сергеевна
старший преподаватель кафедры общей
и клинической психологии
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
zireal@mail.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ЭМОЦИЯ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
СТУДЕНТОВ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ)**

Статья посвящена исследованию функционирования концепта «эмоция» в обыденном мышлении. Концепт рассматривается как единица мышления, выполняющая функцию категоризации объектов и явлений действительности. Показано, что лица, обладающие различными субконцептами концепта «эмоция», формируют особые типы обыденных представлений как об эмоциональном, так и об интеллектуальном человеке, которые можно интерпретировать как следствие использования в качестве базовых (ядерных) оснований категоризации психических явлений и образований фундаментальных характеристик психики и ее функций, известных из истории психологических идей: 1) идеи психики как процесса и функции отражения; 2) идеи психики как личности и функции интеграции; 3) идеи психики как отношения и функции регуляции.

Ключевые слова: концепт; субконцепт; обыденные представления; эмоции.

Понятие «концепт» в настоящее время широко используется в философии, лингвистике и психологии. В этом смысле оно является «зонтиковым», так как покрывает предметные области нескольких научных направлений, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации [Воркачев 2003].

В философии понятие «концепт» рассматривается в рамках репрезентативной теории сознания, с позиций которой считается, что концепт представляет собой разновидность ментальной репрезентации (ментальная репрезентация категорий объектов) и играет ключевую роль

в продуктивности мышления, позволяя человеку порождать бесчисленное множество идей и соответствующих им выражений естественного языка [Margolis, Laurence 2007]. Обобщая сложившиеся в философии и когнитивной науке убеждения относительно концептов, Дж. Фодор формулирует следующие постулаты: концепты представляют собой ментальные единицы; они категориальны и позволяют классифицировать объекты окружающего мира; они являются составными, т.е. состоят из других концептов; многие из них приобретаются в ходе жизни; люди могут передавать их друг другу [Fodor 1998].

Один из основных вопросов, возникающих при обсуждении функций концептов в зарубежной философии, – проблема истины. Предполагается, что концепты устанавливают не только то, какие объекты мы причисляем к категории, но и какие объекты действительно входят в категорию [Jylkkä 2008].

Философские идеи повлияли на осмысление и употребление термина «концепт» в когнитивной лингвистике, где он трактуется как оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы, всей картины мира, квант знания [Кубрякова 1996]. В более развернутом определении концепт трактуется как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 34]. Предлагается трехкомпонентная структура концепта, включающая образный компонент (перцептивные признаки и явления, относящиеся к материальному миру), информационное содержание (дефиниционный минимум признаков) и интерпретационное поле (когнитивные признаки, интерпретирующие основное информационное содержание концепта).

В когнитивной психологии концепт в наиболее общем виде рассматривается как знание. В литературе отмечается нечеткость этого определения, затрагивающего вопрос о том, чем знание, организованное в концепты, отличается от других видов знания [Machery 2009]. Более содержательным считается определение концепта как единицы мышления [Medin 1989], или интеллекта [Веккер 1998].

Вопрос о внутренней структуре концепта в психологии решается неоднозначно. С точки зрения *классической теории*, концепт имеет

понятийную структуру. С этих позиций все случаи, охватываемые концептом, рассматриваются как обладающие общим набором необходимых и достаточных устойчивых свойств [Margolis, Laurence 1999]. Недостатком здесь является сложность выявления совокупности свойств, присущих данному концепту, поскольку люди относят объект в разное время к разным классам.

Прототипическая теория структуры концепта развивается, начиная с 1970-х гг. Философские предпосылки ее коренятся в утверждении Витгенштейна о том, что вещи, обозначаемые одним понятием, организованы по принципу семейного сходства. В психологии подтверждение этому было найдено в экспериментах Э. Рош [Rosch 1975], с точки зрения которой субъект оценивает принадлежность к концепту рассматриваемого объекта по степени его сходства с типичным для данного концепта объектом. Недостаток этого подхода связан с тем, что подход применяется лучше в отношении простых концептов (например, треугольник), нежели в отношении сложных (например, убеждение, желание, правосудие). Еще одно ограничение проявляется в том, что теория не объясняет, почему человек относит к концепту объект, мало сходный с прототипом [Machery 2009].

Преодоление недостатков обеих теорий происходит в *двойственной теории* структуры концепта. Концепт с точки зрения этой теории является сложным образованием, включающим центральную понятийную часть и периферийную образную, основу которой составляет прототип [Smith 1998; Margolis, Laurence 1999; Jylkkä 2008]. Перцептивный процесс «приблизительной» категоризации осуществляется с помощью прототипической части, в то время как понятийная часть позволяет сделать этот процесс более точным. Важнейшая функция концепта, рассматриваемая в психологии, – категоризация. Концепты выполняют важную роль, организуя слитный сложный мир индивидуальных объектов и свойств посредством легко различимых категорий [Jylkkä 2008]. Человек использует концепты для ориентировки в мире и осмыслении явлений действительности; они позволяют классифицировать и интерпретировать новые объекты и явления действительности в терминах предшествующих схожих объектов и явлений.

Концепт формируется в определенной социальной среде. Это дает основание предположить, что представители одной социальной группы будут обладать одним и тем же концептом. В то же время нельзя отрицать роли индивидуальных факторов в овладении концептом. Опираясь на исследования в области лингвистики [Арутюнян 2007; Минченков 2008] и когнитивной информатики [Yao 2004], мы

используем понятие «субконцепт» для обозначения целостной единицы анализа концепта. Предполагается, что концепт, входящий в концептуальную систему, может быть показан через составляющие его субконцепты. Они могут различаться у носителей концепта, что отражается в особенностях формирования представлений об объекте или явлении действительности.

Следует отметить, что многих исследователей интересует формирование концепта, но не вопрос о том, меняется ли он у взрослых и каковы закономерности такого рода изменений. Создается впечатление, что во взглядах на последующее развитие концепта многие ученые придерживаются теории «плато», напоминающей позицию Ж. Пиаже в отношении развития мышления: сформированный концепт не может и не должен меняться, изменения наблюдаются лишь в процессе формирования концептов у детей.

Главный путь преодоления теоретических разногласий и проверки выдвигаемых гипотез о сущности и функционировании концепта – эмпирические исследования, которые позволят понять, не как должен, а как реально функционирует концепт в обыденном сознании: философию интересует правильное применение концепта, а психологию – то, как концепт используется в реальной жизни [Jylkkä 2008]. В проведении такого рода исследований и состоит преимущество изучения концептов средствами психологии.

Для эмпирического изучения нами выбран концепт «эмоция». Его выбор обусловлен давним интересом к проблемам психологического познания психических явлений и их отображений [Левченко 2009], их ранним проявлением в онтогенезе, непосредственной данностью собственных эмоций субъекту в форме переживания, возможностью наблюдения за поведенческим компонентом эмоций у другого человека, социальной значимостью эмоций, необходимостью учета их влияния на взаимодействие с другими людьми.

В выборку вошли 210 студентов (100 юношей и 110 девушек) географического, историко-политологического, механико-математического, философско-социологического и юридического факультетов Пермского государственного национального исследовательского университета в возрасте от 17 до 24 лет, не имеющие специального психологического образования и не изучавшие ранее курс психологии в рамках учебного плана.

Мы использовали метод определений, свободный ассоциативный эксперимент, метод свободного описания. Сравнение выделяемых на каждом этапе исследования групп по показателям частоты

встречаемости категорий контент-анализа данных осуществлялось с помощью статистического критерия *φ-угловое преобразование Фишера*.

Исследование проводилось в три этапа. **На первом этапе** проходило изучение особенностей концепта «эмоция» в сравнении с особенностями близких по смыслу концептов («чувство», «переживание»). Было показано, что концепты «эмоция», «чувство», «переживание» у лиц студенческого возраста различаются по степени психологической зрелости последних: у лиц студенческого возраста наименее зрелым среди изученных концептов является концепт «переживание», наиболее зрелым – концепт «эмоция». Он характеризуется актуализацией обоих входящих в его состав компонентов (и образного, и понятийного), легкостью как прямого, так и обратного перехода от обобщения (анализа родо-видовых признаков) к конкретизации (указанию на одно из множества эмоциональных явлений), малой представленностью в его структуре прототипической основы, высоким уровнем обобщенности прототипов [Левченко, Федосина 2010].

Цель исследования **на втором этапе** состояла в том, чтобы показать, каковы вариации представленности концепта «эмоция» в обыденном сознании и имеется ли возможность выделения субконцептов этого концепта. Изучение функционирования субконцептов **на третьем этапе** осуществлялось на материале обыденных, запрашиваемых в форме свободных описаний представлений студентов об эмоциональном и интеллектуальном человеке. Предполагалось, что в общей выборке можно выделить группы лиц с различными субконцептами концепта «эмоция», а также что у носителей различных субконцептов будут различаться и типы описаний эмоционального и интеллектуального человека.

Подробнее остановимся на результатах второго и третьего этапов исследования. **На втором этапе** исследования для выделения субконцептов концепта «эмоция» использовался метод иерархического кластерного анализа. В качестве объектов кластеризации выступали испытуемые; классификация осуществлялась на основании близости категорий контент-анализа, полученных на материале метода определений и свободного ассоциативного эксперимента на слово-стимул «эмоция».

В результате кластеризации были выявлены три группы испытуемых с различными субконцептами концепта «эмоция». В первую группу вошло 57 испытуемых, во вторую – 73, в третью – 80 испытуемых. В *первой группе* по сравнению с двумя другими установлена трактовка эмоции как «кратковременного состояния

радости или гнева». Для *второй группы* характерным явилось понимание эмоции как «яркого, сильного чувства». В *третьей группе* в сравнении с двумя другими преобладала трактовка эмоции как «реакции, возникающей под воздействием какого-либо фактора объективной действительности».

На третьем этапе при изучении обыденных представлений об эмоциональном и интеллектуальном человеке испытуемые последовательно получали две инструкции: 1) «Опишите эмоционального человека»; 2) «Опишите интеллектуального человека». Обработка полученных результатов производилась методом контент-анализа, а также математико-статистическими методами (частотный анализ).

Контент-анализ ответов в целом по выборке позволил установить в текстах свободного описания *эмоционального человека* следующие категории: 1) черты личности (подкатегории: «глубина переживания», «активность», «экспрессивность», «возбудимость», «необычность», «неуравновешенность», «лабильность», «импульсивность», «оптимизм», «экстраверсия»); 2) проявление эмоций в поведении и деятельности (подкатегории «мимика и пантомимика», «выражение», «речь», «реакция»); 3) переживание эмоций; 4) виды (модальности) эмоциональных явлений; 5) внешность.

При контент-анализе свободных описаний *интеллектуального человека* в целом по выборке были выделены следующие категории: 1) черты личности (подкатегории «образованность», «рассудительность», «необщительность», «уравновешенность», «воспитанность», «развитость», «любопытность», «достоинство», «порядочность», «целеустремленность»); 2) поведение (подкатегории «речь», «решение проблем», «здравый смысл», «социальная активность», «наличие самоконтроля»); 3) когнитивные феномены; 4) интересы; 5) внешность.

Сравнение обыденных представлений об эмоциональном и интеллектуальном человеке в трех группах лиц с различными субконцептами концепта «эмоция» позволило выявить отличительные особенности каждой группы.

Первой группе, трактующей эмоции как «кратковременное состояние радости или гнева», свойственно характеризовать эмоционального человека преимущественно через его лабильность, быструю смену настроения, а интеллектуального человека описывать через указание на познавательные процессы, в частности, мышление («логическое мышление», «высокий интеллект», «быстро обрабатывает информацию»).

Вторая группа, описывающая субконцепт «эмоция как яркое, сильное чувство», значительно чаще, чем две другие группы, называет эмоционального человека неуравновешенным, неустойчивым, считает, что такой человек склонен к глубоким переживаниям; в то же время чаще отмечает, что интеллектуальный человек является образованным и необщительным, но при этом реже обращает внимание на такую характеристику интеллектуального человека, как речь.

Третья группа, которой присущ субконцепт «эмоция как реакция, возникающая под воздействием какого-либо фактора объективной действительности», значительно чаще отвечает, что эмоциональный человек является оптимистичным (а именно «позитивным» и «веселым»); утверждает, что такой человек – «тот, кто реагирует на что-либо». Эта же группа в наименьшей степени склонна считать, что эмоциональный человек характеризуется отсутствием самоконтроля и значительно чаще, чем две другие группы, указывает, что интеллектуальный человек является воспитанным.

Таким образом, для *первой группы* существенными, фундаментальными свойствами психической реальности являются характеристики ее текучести, подвижности, быстрой смены одного явления другим, динамичности, процессуальности, воплощенные в метафоре «потока сознания» У. Джемса и развиваемой в отечественной психологии идее психики как процесса [Брушлинский 1984; Рубинштейн 2004] и в выделении присущей ей функции отражения [Ганзен 1984, Ломов 1984].

Вторая группа при рассмотрении явлений психики и психических образований опирается преимущественно на свойства ее устойчивости (как внутренней истории), интенсивности и глубины при игнорировании проявлений, доступных наблюдению извне. Эти свойства в истории психологических воззрений нашли воплощение в идее психики как личности (сложной целостности, по отношению к которой правомерна постановка вопроса об изучении такого ее измерения, как глубина), а также во включении в число основных ее функций интеграции [Ганзен 1984, Ломов 1984].

Третья группа осуществляет категоризацию воплощений психической реальности исходя из понимания психического как отношения. В истории психологических идей оно оказывается близким идее психики как отношения [Мясищев 1995], или отношения к среде [Лазурский 1997], и в выделении функции регуляции [Ганзен 1984, Ломов 1984].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Концепт, будучи единицей мышления, осуществляет функцию категоризации предметов и явлений как окружающего мира, так и внутреннего мира человека.

2. У испытуемых одной социальной группы, уровня образования и возраста возможно «разветвление» [Делез, Гваттари 1998] концепта на субконцепты.

3. Концепт «эмоция» включает следующие субконцепты: «эмоция как кратковременное состояние радости или гнева», «эмоция как яркое, сильное чувство», «эмоция как реакция, возникающая под воздействием какого-либо фактора объективной действительности».

4. У студентов – носителей выделенных субконцептов – в описаниях эмоционального и интеллектуального человека обнаружены особенности, которые можно интерпретировать как следствие использования в качестве базовых (ядерных) оснований категоризации психических явлений и образований (базовые структуры П.Ф. Стросона – см. в: [Блинов, Ладов 2006], ядерные репрезентации) фундаментальных характеристик психики и ее функций, известных из истории психологических идей: 1) идеи психики как процесса и функции отражения; 2) идеи психики как личности и функции интеграции; 3) идеи психики как отношения и функции регуляции.

5. При этом концепт «эмоция» и его субконцепты функционируют как своего рода «распределительные станции», устанавливающие возможность обращения к одной из частей совокупного набора идей, потенциально доступных при описании человека как носителя психической реальности.

Библиографический список

Аналитическая философия. Учебное пособие / А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев и др.; под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2006. 716 с.

Арутюнян Н.Л. Понятие «сверхконцепт» // *Vita in lingua*: К юбилею профессора С.Г. Воркачева / Отв. ред. В.И. Карасик. Краснодар: Атриум, 2007. С. 11–17.

Брушлинский А.В. Деятельность, действие и психическое как процесс / А.В. Брушлинский // *Вопросы психологии* / Ред. А.М. Матюшкин, А.В. Брушлинский. 1984. № 5, сентябрь-октябрь. С. 17–30.

Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл; Per se, 2000. 685 с.

Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 24. М., 2003. С. 5–12.

Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 176 с.

Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. 288 с.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Изд-во МГУ, 1996. 247 с.

Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997. 446 с.

Левченко Е.В. Психологическое познание как предмет исследования // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2009. Вып. 2 (28). С.4–28.

Левченко Е.В., Федосина С.С. О специфике концептов ЭМОЦИЯ, ЧУВСТВО, ПЕРЕЖИВАНИЕ у студентов // Речеведение: современное состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею М.Н. Кожинной (Пермь, 16–20 ноября) / отв. ред. Е.А. Баженова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. С. 232–238.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов; Отв. ред. Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова; Акад. наук СССР. Ин-т психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.

Минченков А.Г. Мысль как основа сопоставления языков при переводе и интенция мыслевыражения // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 23. № 21 (122). 2008. С. 114–120.

Мясищев В.Н. Психология отношений / под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.

Попова З.Д., Стернин В.С. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. 313 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 4-е изд. СПб.: «Питер», 2004. 678 с.

Fodor J.A. Concepts: where cognitive science went wrong. New York: Oxford University Press, 1998. 174 p.

Jylkkä J. Concepts and Reference. Defending a Dual Theory of Natural Kind Concepts. Reports from the Department of Philosophy vol. 21. Turku, Finland: Painosalama, 2008. 157 p.

Machery E. Doing Without Concepts. Oxford: Oxford University Press, 2009. 296 p.

Margolis E., Laurence S. Concepts and Cognitive Science / E. Margolis & S. Laurence (eds.) Concepts: Core Readings. Bradford Books / MIT Press, 1999. P. 3–81.

Margolis E., Laurence S. The Ontology of Concepts – Abstract Objects or Mental Representations? / Nous 10/2007; 41(4). P. 561–593.

Medin D.L. Concepts and conceptual structure / American Psychologist, 44, 1989. P. 1469–1481.

Rosch E., Mervis C.B. Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. Cognitive Psychology, 7, 1975. P. 573–605.

Smith E.E., Patalano A.L., Jonides J. Alternative strategies of categorization, Cognition 65, 1998. P. 167–196.

Yao Y. Concept formation and learning: a cognitive informatics perspective // In: Proc. 3rd IEEE International Conf. on Cognitive Informatics, Victoria, Canada, 16–17 Aug. 2004. P. 42–51.

E.V. Levchenko

Professor of General and Clinical Psychology Department
Perm State National Research University

S.S. Fedosina

Senior Lecturer of General and Clinical Psychology Department
Perm State National Research University

CONCEPT “EMOTION” AND ITS FUNCTIONING IN EVERYDAY THINKING (ON MATERIAL OF STUDENT “NAÏVE” REPRESENTATIONS OF THE EMOTIONAL AND INTELLIGENT PERSON)

The article describes an experimental study of concept “emotion’s” functioning in everyday thinking. Concept is considered to be a unit of thought, which is used to categorize objects and facts in the world. Results obtained show that subjects with distinct sub-concepts of concept “emotion” tend to form specific “naïve” representations of the emotional and intelligent person which can be interpreted in terms of basic (core) ideas underlying the categorization of psychological phenomena. In history of psychology these ideas were described as follows: 1) Idea of mind as process and its representational function; 2) Idea of personality and its integrative function; 3) Idea of mind as relation to something and its regulative function.

Key words: concept; subconcept; “naïve” representations; emotions.

УДК 070(57)“1917”

Петрова Ольга Александровна

доцент кафедры истории и теории журналистики

Тюменский государственный университет

Petrova-O-A@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ НА СТРАНИЦАХ «ТОБОЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ 1917 ГОДА

Основная цель статьи – рассмотреть, как официальная пресса Тобольской епархии в условиях политизации и демократизации всех сфер жизни после Февральской революции (и до ноября 1917 года) участвовала в обсуждении вопросов, волновавших общественность. Исследуется развитие тем (обновление государственного строя и обретенные свободы, война с Германией, политическая борьба и партийность), в которых выражалась идеология «Тобольских епархиальных ведомостей» в течение 1917 года.

Ключевые слова: пресса; общественно-политическая тематика; свобода; партийность; церковь.

Февральская революция в Тобольской губернии была встречена с большим воодушевлением. Политическая жизнь, практически угасшая в предыдущие годы, возобновилась, были восстановлены партийные комитеты социал-демократов, эсеров, кадетов, энесов. В послереволюционный период обозначились тенденции модернизации провинциальной прессы, сложилась партийная печать, печать профессиональных союзов и общественных организаций, продолжали выходить частные и официальные издания. В публичном пространстве получили возможность выражать свое мнение различные слои населения.

«Тобольские епархиальные ведомости» (издание братства святого великомученика Дмитрия Солунского, 1882–1919) в силу своей специфики не принимали участия в межпартийной полемике и борьбе за политическое лидерство, в обсуждении местных проявлений общественной и политической активности. Но оставаться вне обсуждения политических вопросов во время событий и перемен, касающихся государственных и духовных основ, они не могли. Тем более что после революции все происходящее рассматривалось и оценивалось в контексте политики.

В работах по истории России и истории отечественной журналистики вопрос о реакции церковной прессы на ситуацию в стране после Февральской революции поднимался неоднократно (А.Н. Кашеваров, К.Е. Нетужилов, А.В. Соколов и др.), при этом провинциальные издания рассматривались в общем контексте проблематики. В частности, «Тобольские епархиальные ведомости» предметом исследования не становились. Это издание описано в изысканиях по истории местной печати [Коновалова 2002], однако развитие общественно-политической тематики в период между двумя революциями 1917 года в «Тобольских епархиальных ведомостях» подробно не изучалось. Между тем журнал на протяжении многих лет был отражением всех важных событий, происходящих в губернии, был интересен широким кругам населения.

«Тобольские епархиальные ведомости» в 1917 году не изменили своей программы, выходили четыре раза в месяц, состояли из официального и неофициального отделов, регулярно выходил Школьный листок, а с сентября в приложении к ведомостям печатались Протоколы епархиального съезда депутатов духовенства и мирян Тобольской епархии. В начале года ведомости редактировал Я. Афанасьев (секретарь Тобольской духовной Консистории), с июня должность редактора исполнял З. Поддяков. Большую часть выпусков занимали официальные указы, постановления, отчеты, списки

свободных священно-церковно-служительских мест. Нередко указы, доклады, постановления, касающиеся внутренней жизни епархии, печатались и в неофициальном отделе. Актуальные, общественно-значимые вопросы освещались преимущественно в статьях, перепечатанных из других церковных и общественных изданий – «Церковных и епархиальных ведомостей», «Всероссийского церковно-общественного вестника», ведомостей Омской, Екатеринбургской, Владимирской и др. епархий. Летом и осенью в ведомостях все чаще стали появляться собственные публицистические материалы: письма, обращения священников, стихотворения и зарисовки прихожан.

Положение церкви, ее взаимоотношения с государством, события и проблемы церкви и епархии представляли непосредственный и главный интерес для «Тобольских епархиальных ведомостей». Как отмечает историк А.С. Соколов, февральский переворот и приход к власти Временного правительства Русская православная церковь встретила «в пассивной лояльности» [Соколов 2002]. Епископ Тобольский и Сибирский Гермоген, вступивший в управление епархией в марте 1917 года, на съезде духовенства и мирян, прошедшем в мае, заявил о своем отношении к революции: «Я не благословляю случившегося переворота, не праздную “мнимой” еще “пасхи” (вернее же мучительнейшей Голгофы) нашей многострадальной России и исстрадавшегося душой духовенства и народа, не лобызаю туманное и “бурное” лицо “революции”, ни в дружбу и единение с нею не вступаю, ибо ясно еще не знаю, кто и что она есть сегодня и что она даст нашей Родине, особенно же церкви божией завтра...» [Надписи Преосвященного, Епископа Тобольского и Сибирского... 1917: 400]. Несмотря на столь сдержанное отношение главы епархии, «Тобольские епархиальные ведомости» в первые весенние месяцы 1917 года восторженно отзывались о наступивших временах и возможности устроить внутреннюю жизнь страны на новых основаниях. Общественный подъем, надежды на обновление ощущаются и в официальных, и в публицистических текстах издания. В обращении к духовенству Тобольской епархии говорилось о «чрезвычайности и важности совершившихся событий», о том, что Россия «вступила на путь великих внутренних преобразований, она стремится к великому светлому будущему» [Обращение к духовенству Тобольской епархии 1917: 117]. Время после Февральской революции оценивалось как «важное», «небывалое», «острое», «благодатное». Авторы официальных и публицистических материалов единодушно назвали две главные задачи этого исторического периода – «великая война и внутреннее строительство новой жизни».

На протяжении всего года важнейшей темой было участие России в войне с Германией. Отношение к этому острейшему политическому вопросу в «Тобольских епархиальных ведомостях» оставалось неизменным. В официальных указах и публицистических статьях речь шла о победе в войне как первостепенном условии устройства внутренней жизни страны на новых началах. В обращении духовенства Тобольской епархии, опубликованном в №№ 11–12 от 15–22 марта, говорится: «Но, стремясь к светлому будущему, мы не можем, мы не должны закрывать глаза на то, что стоим перед лицом страшной внешней опасности, – что у нас сильный, беспощадный враг и что от исхода борьбы с ним зависит вопрос – страшно сказать – быть или не быть великой свободной России» [Там же]. В материалах весенних номеров ведомостей все надежды возлагались на Временное правительство и единение вокруг него народа, отказ от партийных и классовых интересов.

Будущее России в публикациях «Тобольских епархиальных ведомостей» неизменно соотносилось со свободой. Использование понятия свободы в традиционных для религиозной публицистики жанрах и риторических приемах придавало ей абстрактный смысл: «вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы», «светлая свободная будущность» России, Временное правительство «завоевало для нас и потомков наших совершенную свободу, отворило, как птичке в золотой с виду клетке, двери настежь, чтобы все могли дышать полной грудью свежим воздухом» [Гражданин-священник 1917: 202]. Однако в общем контексте публикаций понятие свободы приобретало вполне определенное значение, осмыслялось как фундаментальное качество нового государственного строя и оценивалась положительно. Авторы ряда статей соотносили понятия свободы и гражданских прав, писали о важности самостоятельного принятия решений в выборе формы правления, верили в реализацию этого выбора в Учредительном собрании. В неофициальном отделе №№ 14–15 за 8–15 апреля редакция берется «в ряде очерков изложить те данные, которые помогли бы каждому самостоятельно разбираться в вопросах, ставших в настоящее время животрепещущими и от решения которых несомненно зависит будущность нашего государства и нашего народа» [На современные темы 1917: 205]. Автор статьи безоговорочно отказывается в будущем неограниченной монархии как форме скомпрометированной недавним прошлым России. Отмечает, что в современных условиях будет пропагандироваться далекая от отечественных традиций республика в «качестве наиболее пригодной для России». В итоге призывает сделать выбор между конституционной монархией и представительной

республикой в пользу первой. Эта одна из немногих публикаций, где размышления о будущем страны принимают конкретные политические определения.

В контексте политического дискурса того времени особенно остро звучала тема партийности, которая в «Тобольских епархиальных ведомостях» поднималась постоянно и была связана в том числе с темами войны и свободы. Вопросу партийности духовенства посвящен целый ряд статей, и решался он в них однозначно: «Обаятельный лик пастыря душ человеческих ни при каких условиях не должен быть заслонен образом пастыря-гражданина, с головой окунувшегося в бурлящий водоворот социально-политической деятельности, раздвояющий и ослабляющий его духовные силы» [О беспартийности православного духовенства 1917: 348]. В целом партийность, борьба партий как атрибут общественной и государственной жизни послереволюционного времени во многих публикациях рассматривались как источник «раздора», «нетерпимости», «анархии». Преодоление партийных счетов и споров, единение народа расценивалось как важнейшее условие в решении первостепенных задач – победы в войне и устройства новой жизни.

Воодушевление, с которым «Тобольские епархиальные ведомости» весной 1917 года писали о наступивших переменах, вскоре сменилось другими настроениями. Начиная с майских номеров 1917 года выходят публикации, посвященные нарастающему антиклерикальному движению и углубляющемуся политическому и общественному кризису. Так, появляются сообщения о недоразумениях у причтов с прихожанами по поводу пользования земельными угодьями, о бесчинствах в отношении церковного имущества и священников, о духовном разложении русского воинства, о кощунственном отношении к святыням. Надежды на обновление внутренней жизни сменяются тревогой за будущее России.

В публикациях летних номеров все чаще говорится о внутренних раздорах, наступающем хаосе и анархии. В августовских номерах уже нет сомнений в губительности внутренней политики страны, характеристика происходящего глубоко трагична: «Страна пошла по пути гибели, а в будущем ее ждет та страшная бездна, которая заполнена для всех нас ужасающим отчаянием, если только не прекратится “смятение, попрание, и замешательство от Господа Бога” (Ис. 22: 5)» [Святейший Правительственный Синод 1917: 397].

Понятие свободы, осмысляемое в публицистике «Тобольских епархиальных ведомостей» первых послереволюционных месяцев как цель и условие обновления России, переоценивалось. Все чаще ставился

вопрос о понимании народом обретенной свободы. Рассказывая о бесчинствах в отношении церкви, автор статьи «На Шипке все спокойно» писал: «...наступившая свобода была истолкована как возможность творить суд и расправу с неугодными лицами, чинить насилие и произвол» [Уфимцев 1917: 256]. Появлялись публикации религиозных философов и тобольских авторов, в которых понятие свободы, в том числе и гражданских свобод, рассматривалось в религиозном и нравственном контекстах, соотносилось с общечеловеческими ценностями (см.: С. Булгаков «О даре свободы», № 29, 1 августа, неофиц. отдел; Х. Игнатова «Кому принадлежит свобода и на что она нужна», № 22, 8 июня, неофиц. отдел). При этом отношение к свободе становилось все более негативным. Публицисты утверждают, что свобода была понята как «безграничный произвол», как отрицание всяких прав и законов, это развратило народ и подтолкнуло к партийной и классово-борьбе. В итоге такая свобода стала причиной наступившего глубочайшего духовного и общественно-политического кризиса России и предстоящих в ближайшем будущем испытаний.

В осенних номерах все более явно отражается мотив обреченности, Голгофы. Две главные созидательные задачи, о решении которых с восторгом писали «Тобольские епархиальные ведомости» весной 1917 года – война и внутреннее строительство, осенью того же года приобрели смысл тяжелейшего в истории страны испытания: «В настоящее время наша Родина изнемогает под бременем двух тяжелейших крестов, которые помоги ей, Господи, благополучно донести...<...> Первый крест – это затянувшаяся и беспримерная по времени в истории по размерам война. <...> А второй – это внутренние раздоры и нестроения, широкой рекой разлившиеся по лицу земли русской, под именем чего народ наш, мало просвещенный, так плачевно понял, очевидно, свободу...» [Поникаровский 1917: 540]. Свобода как фундаментальное качество нового государственного и общественного строя была дискредитирована политической борьбой и «темнотой» народа. Церковные публицисты в своих статьях обращаются с призывами к покаянию и пишут о значении традиционных ценностей – братства, любви, веры, патриотизма.

Итак, с марта по ноябрь 1917 года «Тобольские епархиальные ведомости» освещали общественно значимые, остроактуальные темы и проблемы. Церковное издание разделило с партийной и общественно-политической прессой веру во Временное правительство и созидательное начало новой политики, надежду на Учредительное собрание и свободное волеизъявление народа в отношении будущего страны. Утверждали свои, близкие либералам идеи, например, писали о

преимущество «умеренного» государственного строя – конституционной монархии. Выступали против обостряющейся партийной и классовой борьбы и призывали к единению, как необходимому условию гражданского мира и «боеспособности» страны перед военной угрозой. Считали обязательным гражданское участие священнослужителей в жизни своей паствы, но отрицали партийность в среде духовенства. В понимании свободы «Тобольские епархиальные ведомости» прошли путь от безоговорочного восхищения открывшимися для общества возможностями до глубокого разочарования в том, как этими свободами воспользовался народ и политики. Через тему свободы в церковном издании получил развитие столь актуальный для местной тобольской демократической прессы вопрос о воспитании самосознания народа и общества. В ситуации глубочайшего общественно-политического кризиса, охватившего страну, ведомости освещали его уже в традиционном для этого вида изданий религиозно-нравственном ключе.

Библиографический список

Гражданин-священник. Из летописи церкви Успения Б. Матери // Тобольские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1917. № 13 (1 апреля). С. 199–202.

Кашеваров А.Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. СПб.: Роза мира, 2004. 162 с.

Коновалова Е.Н. Книгоиздание Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Тюмень, 2002. С. 178–189.

Надписи Преосвященного, Епископа Тобольского и Сибирского, в постановлениях чрезвычайного Епархиального Съезда духовенства и мирян Тобольской епархии 20 и 27 мая 1917 г. // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1917. № 29 (1 августа). С. 399–402.

На современные темы // Тобольские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1917. №№ 14–15 (8–15 апреля). С. 203–204.

О беспартийности православного духовенства // Тобольские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1917. № 25 (1 июля). С. 346–348.

Нетужилов К.Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX веков: историко-типологический анализ: автореф. дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2010. // URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a344.php> (дата обращения: 14.01.2013).

Обращение к духовенству Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1917. №№ 11–12 (15–22 марта). С. 117–119.

Обращение Св. Правит. Синода к чадам Православной Церкви // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1917. №№ 11–12 (15–22 марта). С. 114–119.

Поникаровский П. Жизненный крест нашей Родины и молитва, как средство к терпеливому и успешному несению его // Тобольские епархиальные ведомости. 1917. № 38 (8 октября). С. 540–542.

Святейший Правительственный Синод // Тобольские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1917. № 29 (1 августа). Офиц. отд. С. 396–399.

Соколов А.В. Временное правительство и Русская православная церковь: 1917 год: автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2002 // URL: <http://www.dissercat.com/content/vremennoe-pravitelstvo-i-russkaya-pravoslavnaia-tserkov-1917-god> (дата обращения: 14.01.2013).

Тобольские епархиальные ведомости (1882–1919). Указатель разделов и статей. Екатеринбург, 2009.

Тобольские епархиальные ведомости. 1917. № 1–46.

Уфимцев И. «На Шипке все спокойно» // Тобольские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1917. № 18 (8 мая). С. 256–258.

O.A. Petrova

Reader of History and Journalism Theory Department
Tyumen State University

THE DEVELOPMENT OF SOCIO-POLITICAL THEME IN “TOBOLSK EPARCHY BULLETIN” DURING THE PERIOD OF TWO REVOLUTIONS OF 1917

The main objective of the article is to consider the role of official press of Tobolsk eparchy in discussions about ongoing social issues, under the circumstances of politicization and democratization of all spheres of life after the February Revolution (as well as before 1917). The following matters are tackled: the renewal of the political system and newly acquired freedoms, the war against Germany, political conflicts and parties. These issues, in our opinion, reflect the ideology of “Tobolsk eparchy bulletin” during the year of 1917.

Key words: press; socio-political themes; freedom; party membership; church.

УДК 81'42–051

Ромашева Ксения Евгеньевна

студентка 3 курса филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
ksenyamasya@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НА ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОПОСТРОЕНИЯ

Профессиональная принадлежность – одна из самых значимых характеристик любого человека. В статье анализируются особенности идентичности работников медицинской сферы, а также специфика текстопостроения представителей данной профессии. В ходе исследования выявлялись факторы, оказывающие влияние на

текстопорождение. Материалом исследования послужили устные спонтанные монологи представителей медицины.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; текстопостроение; нарратив.

Проблема изучения профессиональной идентичности является актуальной в современной лингвистике. Профессиональную идентичность можно рассматривать как компонент социальной идентичности личности. Понятие социальной идентичности описывает то, как другие люди определяют человека на основе широких социальных категорий или признаков, таких как возраст, профессия или этническая принадлежность. Это те компоненты «Я» человека, которые переживаются им на уровне осознания принадлежности к какой-либо группе.

Нарратив – форма дискурса, через которую реконструируется и репрезентируется прошлый опыт для себя и других [Schiffrin 2006: 321]; то же самое можно сказать и в отношении будущего опыта. Это некие события, увязанные в определенные последовательности на некотором временном промежутке и приведенные таким образом в состояние наделенного смыслом сюжета. По мнению Барбары Хернстейн Смит, нарратив – это фундаментальный компонент социального взаимодействия, выполняющий функции создания и трансляции социального знания, а также самопрезентации индивидов. Основой нарратива является повествование о себе, посредством нарратива человек создает собственное описание действительности и себя в этой действительности. Понятна перспективность использования этого метода при изучении репрезентации личностью своей идентичности.

Устный спонтанный монолог занимает промежуточное положение между чтением и диалогом с точки зрения непринужденности речи. Специфика монолога состоит в том, что говорящий ориентируется на слушающего, но при этом не получает от него развернутой вербальной реакции. Это означает, что анализ устного спонтанного монолога позволит установить особенности текстопостроения, характерные именно для данного информанта.

С целью выявления особенностей нарратива были записаны 13 устных спонтанных монологов. Информантами стали работники медицины с высшим и средним специальным образованием в возрасте от 31 до 70 лет (11 женщин и 2 мужчин). Им предлагалось рассказать реальную историю из своей жизни. Устные спонтанные монологи были записаны на диктофон. Тематика историй заранее установлена не была.

Предполагалось, что в текстах будут отражены определенные структурные компоненты: блок «Автобиография» (возраст, место

рождения, образование, семья); блок «Работа»; блок «Рассказ о каком-либо событии» с указанием места, времени и участников события. Кроме названных, также в структуру текста могут входить: оценочный блок; блок (условно названный) «Текст в тексте», передающий чужую речь; блок «Развязка» (заключительный структурный компонент).

Оценочная часть соотносится с прагматическим аспектом; она содержит «объяснения», позволяющие эмоционально привлечь слушателя, а также передать собственные оценки и интерпретации рассказчика. Оценка выражается прямым утверждением, усилением, повторением, символическим действием или суждением третьего лица.

Известно, что есть эмоции, есть их физиологическая экстериоризация (смех, слезы, тремор и т.д.) и есть разные способы вербализации эмоций – название, выражение, описание [Шаховский 1987]. В текстах-нарративах представлены два типа оценок: прямая (выраженная вербально) и косвенная (для выявления которой необходимо обращение к экстралингвистическим факторам).

Прямая оценка выражается с помощью лексем с оценочной коннотацией. Например, прилагательные: *великолепный, интересный, любимый, скучный, замечательный*; глаголы: *прикалываться (чисто не работаю, а прикалываюсь)*; существительные: *шедевр (это не работа, это шедевр!), ужас, варварство, дикость*. В одном из текстов мы обнаружили авторские неологизмы, также выражающие оценку (в данном случае – негативную): *здравозахоронение, дерьмократическое (государство)*.

Наиболее распространенным способом выражения косвенной оценки является смех информантов.

Рассмотрим структуру таких монологов.

Монолог 1.

1. Блок «Автобиография»: *Мне 70 лет, образование у меня медицинское, высшее... Проработала на скорой помощи... Двое деток, четверо внуков.*

2. Оценка, выраженная вербально с помощью фразы «Трудно очень было».

3. «*И вот помню...*». Эта глагольная форма является способом введения истории.

4. Указываются участники действия (женщина-соседка, собачка), время (*Веду Женьку утром...*).

5. Осложнение: *И вдруг я слышу крик, повернулась, а за ней мчит собачник... Женька в крик, я тоже в крик...*

6. «*И вот такая гуманность*» – оценка, выраженная вербально.

7. Обращение к блоку «Работа»: *Я пошла на работу, нужно было идти к больным.*

8. Попытка передачи чужой речи («текст в тексте»): *Он спрашивает: «А вы-то чего плачете?»*

9. Оценка, выраженная вербально: *Мне жаль, мне просто жаль, это же такая дикость...*

10. Развязка: *Оказывается, там ее уже усыпили.*

11. Оценка всего случившегося, выраженная вербально: *Вот такое варварство в жизни, такое варварство...* Обращение к блоку «Работа» при оценке истории: *Вот в психиатрии стала работать...*

Монолог 2.

1. Блок «Автобиография»: *Мне 39 лет, родилась и прожила всю жизнь в Перми, закончила медицинское училище, работала в психиатрической больнице, отработав там три года, ушла в поликлинику... У меня растет дочь...*

2. Блок «Работа». Оценка, выраженная вербально с помощью фразы «*Чисто не работаю, а прикалываюсь*».

3. Фраза «*Был у нас в психиатрии интересный случай*» является способом введения новой истории.

4. Указывается участник действия: *Привезли к нам мальчика...*

5. Осложнение. Структура «Текст в тексте»: *Он сказал, что у него нет мыслей.*

6. Косвенная оценка ситуации (истории) выражается смехом.

7. Развязка: *А такой хороший был мальчик...*

8. «*А вот еще на работе у меня есть интересный случай*» – введение новой истории, а также обращение к блоку «Работа».

9. Структура «Текст в тексте»: попытка передачи диалогической речи: *А скажите, как называется моя процедура? А им говоришь: вы ведь все равно не поймете...*

10. Оценка ситуации, выраженная смехом.

11. Отсылка к блоку «Работа» с помощью прямой оценки: *Так-то да, у нас интересная работа.*

12. «*А еще у нас ходят бабки старые...*» – введение новой истории.

13. «Текст в тексте»: «*Я, говорит, уже полгода к вам хожу...*». Попытка передачи чужой речи.

14. Развязка: оценка ситуации с помощью фразы «*Как жить, как жить?*» и смеха.

Монолог 3.

1. Блок «Автобиография»: *Я медсестра, работаю в поликлинике городской номер два, образование у меня среднее*

медицинское специальное, закончила я училище пермское в восьмидесятом году. Замужем, две дочери...

2. Весь текст представляет собой развертку блоков «Работа» и «Автобиография»: *Недавно вышла из отпуска, отработала неделю; Расскажу про свою младшую дочь.*

3. Косвенная оценка, выраженная с помощью смеха.

4. Структура «Текст в тексте» как попытка передачи диалогической речи: *Он сказал: Вера, ты точно водила когда-то машину, а она: нет, я первый раз села за руль.*

5. Развязка: *Все мои новости.*

Монолог 4.

1. Блок «Автобиография»: *Мне 51 год, образование высшее медицинское, постоянно проживаю в городе Пермь.*

2. Фраза «Что хочу сказать» подводит к истории, репрезентирующей личный опыт говорящего.

3. Структура «Текст в тексте» как попытка передачи чужой речи: *И вдруг мне он говорит: Андрей, ты почему, когда идешь со мной, очень тяжело дышишь?*

4. Осложнение: *Поразмыслив, решил, что, наверное, что-то со мной не в порядке.*

5. Прямая оценка ситуации: *То есть это все полностью преобразило мою жизнь.*

6. Развязка: *Только лишь начать, самое главное, вот и все.*

При анализе структурных компонентов устных спонтанных монологов выявлено несколько стратегий построения текста.

1. Построение текста по заданной схеме (автобиография, работа, завязка, осложнение, развязка, включение структуры «текст в тексте» и оценочного блока); по такой схеме построены три текста.

2. Построение текста, допускающее пропуск одного или нескольких структурных элементов. При этом обязательно сохраняются блоки «Автобиография» и «Работа», а также оценочный блок. По такой схеме построено десять текстов.

Таким образом, анализ монологов показал, что самой частотной моделью построения текстов является модель, соответствующая схеме: «Автобиография – работа + оценка». На основании того, что блок «Работа» присутствует во всех исследованных монологах, можно сделать вывод о значительном влиянии профессиональной идентичности на процессы текстопорождения. Кроме того, большую роль играет оценочный блок, являясь важной составляющей самопрезентации личности.

Библиографический список

Шаховский В.И. Что такое лингвистика эмоций [Электронный ресурс]. URL: http://tverlingua.ru/archive/012/shakhovsky_03_12.htm (дата обращения: 18.03.2013).

Schiffrin D. In Other Words: Variation in reference and narrative. Cambridge: University Press, 2006. 373 p.

X.E. Romasheva

Student of Philological Faculty, 3th year

Perm State National Research University

INFLUENCE OF PROFESSIONAL ACCESSORY ON TEKSTOPOSTROYENY'S FEATURES

Professional accessory is one of the most significant characteristics of any person. The article is devoted to the analysis of identity's features of medical sphere workers and the description of tekstopostroyeniye's specifics of representatives of this profession. During research the factors having impact on a tekstoporozhdeniye were revealed. Research is executed on the material of oral spontaneous monologues of medicine representatives.

Key words: professional identity; tekstopostroyeniye; narrative.

УДК 81'27:[811.161.1+811.58]

Ху Сяосюэ

соискатель кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

xiaoxue-perm@yandex.ru

ОБРАЗ «УСПЕШНОЙ ЖЕНЩИНЫ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ СОЗНАНИИ

В статье рассматриваются некоторые причины формирования в настоящее время в русском и китайском языках концепта «успешная женщина». Освещается вопрос об отражении этого понятия в современных русских и китайских словарях. Приводятся и анализируются результаты социолингвистического исследования. Описываются и конкретизируются общие и частные семы, составляющие концепт. Рассматриваются ядерная и периферийная зоны концепта. Проводится сопоставительный анализ концепта на материале русского и китайского языков.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; концептосфера; концепт; картина мира; особенности мировосприятия; языковые особенности; успех; успешная женщина.

В последние годы в русском языке активно формируется концепт *успешность*, являясь одним из средств выражения в сознании говорящих экономического микромира. Подобный процесс наблюдается и в китайском языке, где также растет значимость этого понятия. Заметная активизация лексемы *успешный* в современной коммуникации (по сравнению, в частности, с «социалистическими эпохами развития» России и Китая) объясняется, конечно, изменившимися экономическими условиями жизни двух стран, где у человека появились реальные возможности для профессионального и материального роста. В связи с этим интересно проанализировать, как происходит становление и развитие концепта «успешность» в этих двух языках, отражающих, как в зеркале, все изменения объективного мира.

Сегодня в литературе нет окончательно сформировавшейся дефиниции концепта. Ученые интерпретируют понятие концепта с разных позиций (когнитивной, культурологической, лингвокогнитивной и др.), но общепризнанным является понимание концепта как результата «столкновения» лексической семантики с личным и народным опытом человека.

В настоящее время в китайской науке теория концептологии только начинает складываться, поэтому в размышлениях относительно рассматриваемого концепта мы будем опираться на идеи русских ученых.

Исследование проблемы динамики концепта *успешная женщина* показало, что он – как элемент знания о сущности реальной жизни – начал формироваться только в настоящее время, поскольку лексема «женщина» ни в одной из словарных статей не дается в качестве конкретизирующей единицы применительно к прилагательному «успешный». Кроме того, закрепленные в словарях (см. библиографический список) представления русских и китайцев об успехе и успешности не являются идентичными.

Смысловое поле успеха в китайском языке более широкое и одновременно более сложное, чем в русском языке: оно включает в свой состав такие несвойственные русскому языковому сознанию значения, как ‘урожай’, ‘создать, учредить, основать’, ‘быть убедительным’, ‘воспитывать, готовить, растить’, ‘быть достойным, надежным человеком’. Все эти значения, как и в русском языке, связаны с представлением о длительности и сложности в достижении успеха как результата продуманной, целенаправленной деятельности. Однако особенно интересны здесь семы ‘быть убедительным’, ‘воспитывать, готовить, растить’ и ‘быть достойным, надежным человеком’, которых нет в семантической структуре русского *успеха* и *успешности*. Именно

эти три семы лежат в основе различий понимания *успешной женщины* в русской и китайской картинах мира.

В ходе исследования нами было опрошено 200 респондентов: по 100 человек с русской и китайской стороны. При этом мы придерживались гендерного паритета, поэтому в каждую сотню вошли по 50 мужчин и 50 женщин. Средний возраст опрошенных составил 25-35 лет (в целом в опросе участвовали люди от 17 до 50 лет); социальное положение респондентов разное – это студенты, рабочие, служащие (гос- и офис-служащие, работники бюджетной сферы), предприниматели, домохозяйки.

Респондентам были предложены анкеты с четырьмя одинаковыми вопросами:

1. Как вы понимаете словосочетание «успешная женщина»?
2. Что значит быть успешной женщиной?
3. Как, по-вашему мнению, выглядит / должна выглядеть успешная женщина?
4. Какие качества внутреннего мира успешной женщины вы назвали бы в качестве главных?

Эти вопросы выявили зоны совпадения и зоны несовпадения в оценке успешной женщины русскими и китайцами. Рассмотрим полученные результаты. Начнем анализ ответов анкет носителей русской картины мира.

Ответы на первый вопрос показали, что самое главное качество, ассоциирующееся у респондентов со словосочетанием «успешная женщина», это ее (женщины) способность добиваться поставленных целей (43 ответа из 98 [2 человека затруднились ответить]). Следующим по значимости идет утверждение о том, что успешная женщина обязательно должна быть замужем, иметь детей и быть – очевидно, поэтому – счастливой (32 ответа из 98). Третью позицию, но уже с большим количественным отрывом от первых двух занял ответ о «хорошем карьерном росте» успешной женщины (15 из 98). Все остальные ответы на первый вопрос еще менее значимы в количественном отношении.

Итак, подчеркнем, что, по данным анкет носителей русского языка, *успешная* – это целеустремленная и добивающаяся решения поставленных перед собою проблем замужняя (желательно с детьми) женщина, у которой возможны к тому же (по данным анкет, это далеко не обязательно!) успехи в карьере. К тому же важно, что только 9 человек соотнесли с женской успешностью экономическую самостоятельность / хороший заработок и столько же человек назвали важным признаком независимость от мужчины.

Важно и то, что в русском сознании *успешной* может быть только женщина, которая обладает статусами жены и матери, т.е. только счастливая. Очевидно, без этих статусов (хотя бы одного) женщина не может восприниматься окружающими как успешная, даже при наличии хорошей карьеры.

Точно такой же расклад дают ответы на второй вопрос, где среди представлений о том, что значит быть успешной женщиной, наибольшая частотность зафиксирована за ответом «быть замужем, иметь семью, детей» (43 ответа из 96 [4 человека затруднились ответить]). Следующим по частотности является утверждение «добивается поставленных целей» (22 ответа). На третьем месте оказались ответы «иметь хорошую работу» и «быть образованной, воспитанной, с хорошими манерами» (оба были названы отвечающими 17 раз).

Таким образом, и в ответах на второй вопрос представление о хорошей зарплате не оказалось среди приоритетных: его назвали в своих анкетах только 6 человек. Более того, судя по данным опроса, такие качества успешной женщины, как «быть образованной, воспитанной, с хорошими манерами», «иметь успешную карьеру», «уметь совмещать работу и семью», «иметь статус в обществе, авторитет», «иметь автомобиль», «во всем успевать / преуспевать», считаются более важными для успешности, чем высокий заработок.

Что касается ответов на остальные два вопроса, то они, формируя периферию концепта *успешная женщина*, выявляют не статусные или социальные характеристики этого феномена, а особенности его восприятия современными людьми. Не случайно в подавляющем большинстве случаев были отмечены *красота* успешной женщины («стройная, красивая, ухоженная», «дорого / элегантно / по моде одетая»), ее *строгий (классический) вид, серьезность, ум, уверенность в себе* и отражение *счастья на лице* (ср.: «счастливая, улыбающаяся, огонек в глазах») – эти качества в целом встретились в анкетах 129 раз (!). Такой пиетет перед внешней красотой не мог не дать в ответах на четвертый вопрос 100-процентного указания на важность качеств *внутреннего мира* по сравнению с качествами *внешнего мира* (95 ответов против 36 [5 человек из 100 затруднились с ответом]): для русского сознания и мироощущения всегда было характерно признание первостепенной значимости духовности, богатого внутреннего мира в человеке – и вторичности материальных, внешних для человека ценностей. При этом среди качеств внутреннего (эмоционально-психического) мира указывались такие, как *целеустремленность, спокойствие, уравновешенность, интеллект, рассудительность, эрудированность, коммуникабельность, ответственность,*

самодисциплина, решительность, смелость и др. Внешний мир успешной женщины определили такие качества, как *семья и материнство, образованность, хороший заработок (богатство), друзья, наличие автомобиля* и др.

Итак, для **русских** респондентов **успешная женщина** – это *целеустремленная, семейная, мать, имеющая хорошую работу (сделавшая карьеру), внешне красивая и обязательно интеллектуально, духовно и эмоционально развитая.*

Посмотрим, какое представление об *успешной женщине* складывается в настоящее время у носителей **китайского языка**.

Ответы на первый вопрос свидетельствуют, что для среднестатистического китайца самое главное качество, ассоциирующееся со словосочетанием «успешная женщина», – это успешная карьера (100 ответов из 100 возможных [никто из респондентов не испытал затруднение при ответе на данный вопрос]). Следующим по значимости идет утверждение о том, что успешная женщина обязательно должна быть замужем, иметь детей и быть счастливой (68 ответов из 100). Третью позицию, но уже с большим количественным отрывом от первых двух, занял ответ о «хорошем / богатом материальном положении» (21 из 100). Все остальные ответы на первый вопрос еще менее значимы в количественном отношении.

Итак, по данным анкет носителей **китайского языка**, **успешная** – это *сделавшая хорошую карьеру, замужняя, имеющая детей женщина, которая хорошо зарабатывает и, возможно, богатая.*

Здесь обращают на себя внимание три факта: 1) успешная карьера является обязательным признаком (характеристикой) успешной женщины; 2) для носителя китайской культуры большое значение имеет не просто семейное положение успешной женщины, но наличие у нее **дружной** семьи и **хороших, умных** детей, что не было отмечено ни одним из отвечающих в русском секторе анкетирования. Очевидно, что в китайской культуре понятие об успешности соотносится не столько с самим фактом наличия семьи и детей, сколько с наличием такой семьи и таких детей, которыми можно гордиться; 3) такое качество, как *способность добиваться поставленных целей*, для китайцев имеет меньшее значение (из 100 человек только 14 указали это качество), чем *карьеру и материальное положение.*

Вместе с тем важно подчеркнуть, что и в России, и в Китае представления об успешной женщине неразрывно связаны (хоть и в разной степени у китайцев и русских) с ее семейным статусом: богатая и сделавшая карьеру, но одинокая женщина не считается в этих странах успешной.

Обязательное «семейное положение» успешной женщины объясняет тот факт, что в ответах на второй вопрос утверждение о необходимости наличия дружной семьи и хороших детей поднялось на первое место. Но и здесь, в отличие от ответов русских, в центральной зоне концепта остается представление об обязательном наличии у женщины хорошей работы / успешной карьеры (2-е место среди ответов) и материального благосостояния (3-е место). Для сравнения: в ответах русских карьера женщины и высокий заработок находятся, соответственно, на 5-м и 10-м местах.

Интересно, что ответы китайцев на третий вопрос распределились по значимости идентично русским ответам: в Китае среди важнейших характеристик успешной женщины также выделяют ее *внутреннюю силу, внешнюю красоту и элегантность, изысканность в одежде, серьезность и хорошее образование*. Однако степень значимости этих качеств у русских и китайцев все-таки разная. Так, в анкетах русских эти качества расположились следующим образом:

- 1) «стройность, красота, ухоженность»,
- 2) «строгость, элегантность в одежде»,
- 3) «серьезность, ум, уверенность в себе».

А в анкетах китайцев иначе:

- 1) «уверенность в себе, умение владеть собой, сила духа»,
- 2) «стройность, внешняя красота, ухоженность, умение стильно одеваться»,
- 3) «серьезность, ум, хорошее образование, хорошие манеры».

Как видно, самыми важными качествами успешной женщины для китайцев оказываются все-таки, наряду с другими двумя, воля, душевные силы, умение верить в себя и в свое дело.

Приведенные результаты позволяют утверждать, что в ответах на последний вопрос между русскими и китайцами принципиальных различий в целом также не наблюдается, с той лишь оговоркой, что среди китайских респондентов 30 человек затруднились ответить (в русском секторе опрошенных таких было всего 5 человек), но оставшиеся 70 человек так же, как и русские, отдали предпочтение характеристике внутреннего мира успешной женщины. При этом в качестве основных характеристик внутреннего мира названы: *целеустремленность, активная жизненная позиция, сильная личность, властность, высокомерие, жизнерадостность, трудолюбие, работоспособность, смелость, доброта, женственность, стремление помочь другим* и т.п.

Внешний мир успешной женщины, с точки зрения китайцев, определили такие качества, как *карьера, хорошее здоровье, семья* и

материнство, образованность, хороший заработок (богатство), друзья, наличие недвижимости и автомобиля и др. Как видно, названные китайцами качества внешнего и внутреннего мира успешной женщины во многом повторяют те качества, которые были отмечены русскими респондентами.

Обобщая все сказанное, подчеркнем, что под влиянием стремительно меняющихся условий экономической жизни в России и Китае, под влиянием развития равных возможностей для женщин и мужчин в сфере бизнеса и производственных отношений в настоящее время как в русском, так и в китайском языках происходит формирование концепта *успешная женщина*. Процесс его формирования происходит неодинаково, так как ядерная и периферийная зоны концепта в китайском и русском языках неидентичны друг другу, что объясняется по-разному сложившимися в этих культурах представлениями о женщине, семье, благосостоянии и месте в жизни женщины карьеры, работы, общественно полезного дела.

Библиографический список

Комплексный словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук А.Н. Тихонова. М., 2005. 1230 с.

Мизинина И.Н. Универсальный словарь русского. М., 2011. 480 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. СПб, 2012. 1357 с.

Словарь современного русского литературного языка / под ред. Н.З. Котеловой, Н.М. Меделец. М.-Л., 1964. Т. 16. 1610 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4 / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. М., 1981. 522 с.

Современный универсальный словарь русского языка: 6 словарей в одном / сост. Алабугина Ю.В. и др. М., 2011. 1021 с.

Современный фразеологический словарь русского языка / сост. А.В. Жуков, М.Е. Жукова. М., 2009. 443 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М, 2001. Т. 3. 672 с.

Фразеологический словарь русского языка / сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. 5-е изд., стер. М., 2011. 334 с.

大俄汉词典 / 黑龙江大学俄语系词典编辑室编. [Большой русско-китайский словарь / сост. Хэйлунцзянский университет, факультет русского языка, кабинет составителей русско-китайских словарей / отв. ред.: Нань Чжишань, Хуан Чанпэй. 1985. VIII. 2737 с.]

现代汉语规范词典. / 李行健主编. 语文出版社. 北京 2004年. 1758千字 [Словарь современного стандартного китайского языка / под ред. Ли Синцзянь. 2004. 1758 с.].

三万词中华汉语词典 / 刘国顺, 王欣主编. 商务印书馆国际有限公司出版发行. 2009年. 1331千字. [Словарь китайского языка

Чжунхуа / под ред. Лю Гуошун, Ван Синь. 2009. 1331 с.].

现代汉语规范词典. / 李行键主编. 语文出版社. 北京 2004年. 1758千字.
[Словарь современного стандартного китайского языка / под ред. Ли Синцзянь.
2004. 1758 с.].

现代汉语词典. / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室.
外语教学与研究出版社. 北京. 2002年. 2698千字. [Словарь современного китайского
языка / сост. Языковой институт китайской академии социальных наук, Кабинет
составителей словарей. 2002. 2698 с.].

汉语大词典 (全22册) / 汉语大词典编辑委员会编纂.
汉语大词典出版社出版. 上海. 1986年. 47631千字. [Большой толковый словарь
китайского языка / сост. Комитет составителя большого толкового китайского
словаря. В 22 т. 1986. 47631 с.].

辞源 / 商务印书馆出版. 全两册. 商务印书馆编辑部编. 北京. 1915年.
3308千字. [Истоки слов / сост. комитет Шаньюиньшугуань. В 2-х т. 1915. 3308 с].

Hu Xiaoxue

Post-graduate Student of Russian Language and Stylistics Department
Perm State National Research University

THE IMAGE OF A “SUCCESSFUL WOMAN” IN RUSSIAN AND CHINESE CONSCIOUSNESS

The article discusses some of the reasons for forming now in Russian and Chinese concept of “successful woman”. Highlights the problem of reflection of this concept in the modern Russian and Chinese dictionaries. We analyze the sociolinguistic research. Described by and specified public and private Seme components concept. Considers nuclear and peri-feriynaya zone concept. Comparative analysis of the concept in Russian and Chinese.

Key words: intercultural communication; conceptual sphere; concept; picture of the world; especially the perception of the world; language features; success; successful woman.

Юлия Александровна Шуплецова
доцент кафедры литературы и журналистики
Шадринский государственный педагогический институт
5ok@bk.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОР ЗАУРАЛЬЯ

Статья представляет собой анализ типологии неизменяемых фразеологических единиц в песенном фольклоре Зауралья. За основу взят класс модальных глаголов, классификация семантики которого выстроена на отношении говорящего к действительности с учетом специфики категориального значения исследуемого класса.

Ключевые слова: фразеология песенного фольклора; неизменяемые фразеологические единицы; модальные фразеологизмы.

Семантическая организация фразеологических единиц в фольклоре тесно связана с особенностями песенного творчества народа: его природы, тематики, жанровой организации и т.д. Песенный фольклор отражает обрядовые, религиозные воззрения человека, что обусловило функционирование ряда фразеологических единиц, восходящих к конкретному обрядовому действию, которому придавалось магическое значение. Такие единицы художественно переосмыслились и расширили свою семантику. В песенном фольклоре эти фразеологизмы обозначают не только определенное действие части обряда, но и действие целого обряда. Так, во фразеологической единице *расплести косу надвое* семантика шире определения конкретного действия: здесь говорится о подготовке невесты к свадьбе, когда происходит инициация молодой девушки, ее превращение в замужнюю женщину. Две косы вместо одной становятся символом замужества, в песнях эта единица употребляется в значении 'выходить замуж'.

Главная особенность песенного фольклора – передача разнообразных чувств, настроений, эмоций, мыслей, отсюда многообразие фразеологических единиц семантических полей «переживания, страдания», «радость, счастье»: *сердце стонет, душа радуется* и др.

Песенный фольклор – результат восприятия и изображения реальной бытовой жизни, благодаря чему в язык, преимущественно необрядовых песенных жанров, проникают единицы разговорной речи,

что находит воплощение и во фразеологическом фонде: *без штанов остаться, шары выпучить, работа изъела, вались к черту* и др.

Взаимодействие фольклора и литературы оказало влияние на песенные жанры, не связанные с каким-либо обрядом и являющиеся по времени более поздними образованиями, нежели обрядовая поэзия – лирическая, историческая песни, частушка. В результате этого в произведениях народно-поэтического творчества единицы *алая лента – ‘кровь’, бой кипит* и др.

В данной статье мы рассмотрели особенности семантической организации одного из самых эмоциональных в песенном фольклоре Зауралья семантико-грамматических классов – модального, исходя из тематической, жанровой специфики произведений народных песен и их характера.

Описание модальных фразеологизмов содержится в работах В.В. Виноградова, А.М. Бабкина, А.Г. Балакая. Подробно семантическую организованность модальных фразеологизмов исследовала Ж.З. Мительская [Мительская 1996, 2004].

Фразеологические единицы модальной семантики отражают разнообразные отношения говорящего к действительности. Модальные фразеологизмы обладают большей эмоциональностью и экспрессивностью, нежели другие классы. Появление единиц этого класса в песенном фольклоре закономерно обусловлено спецификой поэтических жанров, передающих отражение реальности через призму внутреннего мировосприятия. В песенном фольклоре Курганской области фразеологизмы модальной семантики насчитывают 56 единиц в 137 употреблениях и могут быть распределены на две субкатегории: 1) фразеологизмы с ярко выраженным положительным отношением говорящего к действительности, связанным с реализацией в их значениях сем ‘доброта’, ‘искренность’, ‘уважение’, ‘то, что приносит, вызывает радость’, и 2) фразеологизмы, содержащие в своем значении негативное отношение говорящего к действительности, вызывающее чувство равнодушия, сомнения, обреченности, неудовлетворенности, злобы, агрессивного намерения и выраженное на письме восклицательными и вопросительными знаками препинания.

Фразеологизмы модальной семантики с положительным отношением к действительности представлены и в обрядовой, и в необрядовой поэзии 15 единицами в 62 употреблениях. Чаще модальные фразеологизмы употребляются в поэзии календарного обряда. Фразеологизмы данной субкатегории выражают:

– пожелания: *бог на помочь, дай бог, доброго здоровья, живите с богом, мир дому вашему, многие лета* и др.

Мимо шел-прошел, / Мимо шел-прошел удалой молодец: / – **Бог на помощь, / Бог на помощь**, красна девица-душа. // Увидала то красна девица... / Ведра ставила, речь говорила: / «**Бог помощь** вам, добры молодцы, / Добры молодцы, корабельщики!». // **Мир дому вашему.** / Хозяюшка, спасибо за обед! / **Дай Бог** здоровья / На много лет. // Спасибо хозяйюшка и хозяин, / **Дай** вам **Бог** здоровья, / Хвори не зная. / Хорошего вам урожая... // Коляда, коляда, ты вперед Рождества! / Ты, хозяин, умный, ты, хозяин, смелый. / Ты, хозяин, рабочий. / Мария Ивановна, **доброто** вам **здоровья!**

– просьбу: милости просим, ради бога / Христа и др.

Ой, не было ветров – ветры грянули, / Ой, не было гостей – вдруг наехали. / Ой, полна ограда вороных коней. / Ой, **милости просим** на застолье. // Вы скажите **ради бога**, / Где демидовска дорога? / Она строилась три года, / Шириною в три аршина, / По ней бегают машина. // Эта песня непроста, / Поцелуй **ради Христа!**

– выражение внутреннего облегчения: слава богу / слава тебе, Господи и др.

Мене милый изменил, / Я упала перед ним, / Я упала и сказала: / «**Слава богу**, изменил!». // А Курганские ребята – / Чистые апостолы. / Научились целоваться, / **Слава тебе, Господи!** // – Расскажи, папаша, / Про семью свою. / – Семья, **слава богу**, / Прибавилась.

– выражение уважения, благодарности: низжайшее почтение, велика честь, хвала и др.

Станем к порогу, / Помолимся богу, / Кланяемся, молимся. / Хозяин с хозяйюшкой, / **Нижайшее почтение!**

– утверждение истинности сказанного: видит бог и др.

Я не один, **видит бог**, не один, / Много со мной гусей-лебедей, / Только нету со мной одной утицы. / Я не один, **видит бог**, не один, / Много со мною князей и бояр, / Только нету со мной милой девицы.

Фразеологические единицы с негативным восприятием действительности и отношением к ней представлены в необрядовой поэзии, чаще в жанре частушки как наиболее свободном в языковом плане жанре и насчитывают 38 единиц в 75 употреблениях. Фразеологизмы этой группы выражают:

– отрицательные пожелания, проклятия: Будь трою проклят! Черт с тобой! Чтобы мыши съели, чтобы слопал крокодил, Вались к черту! Подь к черту! Прибери бог! Прибери господь, царица-мать небесная, на глаза не попадай, огнем бы сгореть (к-л.), вот тут возьмите-ка, дай бог, не дай бог понеси холера и др.

Ты такая-растакая, / Моя кель земляная. / В тебе **не дай** же / **Бог** спастись, / Молодому, / Молодому.

– отрицательное утверждение: *на глаза не надо, помни мое слово* и др.

Я любила гада, / Уважала гада, / А теперь мне гада / **На глаза не надо**. Задушевная подруга, / Разрешаю я тебе: / Только **помни мое слово** – / Не подруга будешь мне.

– возмущение, недовольство говорящего происходящими событиями или кем-то: *Какого надо лешего? С какой это стати? Что не за такое? эо место, Кому какое дело? Куда что делосся? много чести, на черта ты сдался, да не этак, да не так, на кой черт, где это видано, где это слыхано* и др.

Дорогой, дорогой, / **На черта ты сдался**: / Провожал меня домой – / Собаки испугался. // *Да с какой же это стати* / Все о нем, да все о нем. / Про него мы петь не станем, / Мы теперь про нас споем. // Ой, пойду поставлю тесто, / Мой-от хочет пирогов. / Ну ты, бабы, **эо место**, / Мы опять про мужиков! // Ой, куда, куда ты катишься, / Глубокая река? / Это будет **много чести** / Петь опять про мужика.

– равнодушное отношение к поступкам и делам окружающих: *ну и пусть* и др.

Говорят, говорят, / **Ну и пусть** говорят. / Мои глазки проморгаются / И щечки прогорят.

– агрессивное намерение выполнить задуманное любой ценой: *хоть ты тресни пополам, хоть родная мать убей* и др.

Ты не прыгай, не скачи, / Как сорока по колам. / Все равно не перемелешь, / **Хоть ты тресни пополам**. // Меня мамка за Иванка / Начала дубинкой бить. / Я назло мамке сказала: / – **Хоть убей** – буду любить. // За цыгана выйду замуж, / **Хоть родная мать убей**. / Карты в руки, шаль на плечи / И – обманывать людей.

– ощущение обреченности: *как ни крути и как ни верти* и др.

Крутится, вертится враг у ворот, / Горькая злоба фашистов берет. / **Как ни крути ты и как ни верти**, / В Ленинский город никак не войти.

– сомнение: *бог знает* и др.

Прощай, страна моя родная, / Прощайте, верные друзья. / **Бог знает**, когда я ворочусь, / **Бог знает**, когда домой приду.

К этой субкатегории относятся фразеологические единицы с нечетко выраженной эмоциональной окраской. Положительная либо отрицательная эмоциональная окраска реализуется у них только в контексте. Семантику таких фразеологизмов можно определить, исходя из общего настроения песни и отношения лирического героя / героини к происходящим, как правило, с ними событиям: *вот и вся история*.

Захотела меня мать / За Григория отдать. / Не мово Григория – / **Вот и вся история**. / Ох – ох, о – хо – хо, / **Вот и вся история**.

Фразеологизм *вот и вся история* в приведенном примере, кроме семы 'обобщение сказанного, происходящего' в сочетании с акцентом на чуждости упоминаемого персонажа лирической героине, выраженным местоимением с отрицанием *не мово*, и использованием междометия, реализует сему 'неприятие происходящего', вызывая негативные эмоции.

Фразеологизм *вот какие новости* выражает несогласие героя с происходящим событием, восстанавливаемое из контекста:

Меня милый не целует, / ***Вот какие новости.*** / А его мне целовать / Не хватает совести.

В большинстве случаев противопоставление фразеологизмов в представленных субкатегориях строится на контрасте *бог – черт*, берущем свои истоки в христианстве, которое разграничивает эти понятия как символы добра и зла: *бог на помочь – черт с тобой*. Но в некоторых фразеологических единицах наблюдается забвение первоначального значения, и фразеологизм переходит из одной группы в другую. Изменение семантики наблюдается у единицы *дай бог*, обозначающей искреннее пожелание исполнения желания, но в ряде примеров, к этому значению в контексте добавляется негативная окраска, когда пожелание добра заменяется желанием избавиться от кого-то: *дай бог, чтобы сдох, я поставлю свечку*. Изменение семантической оболочки модального фразеологизма встречается в жанре частушки, менее подчиненном на языковом уровне традиции и в большей мере связанным с разговорной речью и просторечием.

Модальные фразеологизмы могут обозначать положительное и отрицательное отношение говорящего к действительности. Контрастность этих групп в фольклоре ярко показана на противопоставлении христианских религиозных представлений о добре и зле, выраженных в образах бога и черта, вместе с тем в песнях, бытующих в Курганской области, наблюдается тенденция к переосмыслению семантики фразеологизмов на противоположную: *дай бог*. Модальные фразеологизмы обеих субкатегорий в равном количестве присутствуют в обрядовой и необрядовой поэзии, выражая пожелания, побуждения, возмущение и т.д.

Библиографический список

Мительская Ж.З. Семантическая организованность фразеологизмов модального класса. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. 153 с.

Мительская Ж.З. Языковые свойства фразеологизмов модального класса: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1996. 198 с.

Y.A. Shupletsova

Reader of Literature and Journalism Department
Shadrinsk State Pedagogical Institute

**SEMANTIC ORGANIZATION
OF INVARIABLE PHRASEOLOGICAL UNITS
FROM TRANS-URAL REGION FOLK SONGS**

In this article the typology of invariable phraseological units taken from trans-Ural region folk songs is analyzed. Paying attention to the peculiar categorical value of the units under consideration the author bases on a class of modal verbs which semantic classification is built on the speaker's attitude to reality.

Key words: folk songs' phraseology; invariable phraseological units; modal idioms.

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 81'42; 801.7

Болотнова Нина Сергеевна
профессор, заведующая кафедрой
современного русского языка и стилистики
Томского государственного педагогического университета
nisb@sibmail.com

ТИПЫ ВЫДВИЖЕНИЯ КАК ОСОБЫЕ РЕГУЛЯТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ ПУБЛИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья написана в русле теории регулятивности, разработанной в коммуникативной стилистике текста. Содержит анализ типов выдвижения и их функций в медиадискурсе интервью М.И. Веллера на радио «Эхо Москвы».

Ключевые слова: регулятивность текста; регулятивные структуры; типы выдвижения; медиадискурс; публичная языковая личность.

Проблема эффективного воздействия является одной из центральных в современной теории и практике речевой коммуникации. Разработанная в коммуникативной стилистике текста теория регулятивности [Болотнова 1998; 2003; Болотнова и др. 2011] направлена на изучение средств и способов управления познавательной деятельностью адресата благодаря особому отбору и организации различных регулятивных средств, среди которых выделяются лингвистические и экстралингвистические (композиционные, логические, графические). Взаимосвязь регулятивных средств отражают разные регулятивные структуры, связанные с осознанием адресатом микроцели автора в рамках общей коммуникативной стратегии текста [Болотнова 2011]. К регулятивным структурам отнесены текстовые парадигмы, стилистические приемы, типы выдвижения. Их выбор связан со способами регулятивности и регулятивными стратегиями, отражающими интенции автора [Болотнова 2008 и др.]. Основанием для разработки теории регулятивности при подходе к тексту как форме коммуникации стало выделение Е.В. Сидоровым регулятивности в качестве одного из системных свойств текста, связанных с его информативностью, интегративностью, структурностью [Сидоров 1987].

Рассмотрение выдвижения как одной из регулятивных структур, значимых в интерпретационной деятельности адресата, представляет

особый интерес для изучения медиадискурса, ориентированного на массового слушателя и зрителя ввиду многоканального способа общения благодаря новым информационным технологиям, позволяющим слушать радиопередачи и читать соответствующие им тексты на сайте «Эхо Москвы». В качестве материала исследования взяты письменные тексты интервью одной из ярких публичных личностей - журналиста, писателя и публициста М.И. Веллера в передачах «Особое мнение» с 18.06. 2012 г. по 18.01. 2013 г.

Выдвижение трактуется нами как значимая для управления познавательной деятельностью адресата регулятивная структура, отражающая взаимосвязь различных стилистических приемов, как субъективный лингвистический фактор текстообразования, который отражает специфический характер текстового развертывания, определяющий разные способы представления информации и различные пути и средства воздействия на адресата и приобщения его к содержательному плану текста [Болотнова 2005: 165]). Среди типов выдвижения вслед за М. Риффатером в стилистике декодирования [Арнольд 1974; 1980] выделяют повтор, контраст, обманутое ожидание, сцепление, конвергенцию, т.е. скопление в одной точке текста пучка стилистических приемов, выполняющих общую стилистическую функцию [Арнольд, Банникова 1972: 8].

Жанр интервью с учетом формата передачи «Особое мнение», в которой есть ведущий и гость (при возможном участии и слушателей, задающих вопросы по телефону), предполагает активную роль ведущего, который, спрашивая мнение приглашенного гостя, определяет тему общения с ним. При этом медиадискурс предстает как последовательное развертывание отдельных микросюжетов, относительно автономных тематически и концептуально, представленных массовому адресату как отдельные диалогические единства, сменяющие друг друга. В связи с этим особенности и функции типов выдвижения как регулятивных структур, значимых для управления познавательной деятельностью массового адресата, ввиду публичности общения, нужно рассматривать в рамках данных тематически и концептуально объединенных фрагментов дискурса. Для изучения же идиостиля важны характерные для языковой личности (далее – ЯЛ) типы выдвижения, регулярность их использования, общность функций, связь с применяемыми ЯЛ регулятивными стратегиями дискурсивного развертывания.

В медиадискурсе интервью М.И. Веллера отмечены все виды выдвижения, хотя наиболее распространен такой вид, как *конвергенция*, включающая приемы повтора, контраста, цитирования, сравнения,

иногда с приемом собственной интерпретации отдельных понятий и реалий общественной жизни.

Сравним в качестве примера фрагмент передачи «Особое мнение» 07.12.2012 года, посвященный обсуждению действий оппозиции, в котором ЯЛ использует приемы аллюзии с событиями лета 1917 года, прием нанизывания синонимов в целях усиления эффекта воздействия (здесь и далее приемы выделены нами полужирным шрифтом): «... И то, что, действительно, не выработано у ребят никакой программы, внушает, я бы сказал, системные опасения, ибо это в принципе до ужаса **напоминает лето 1917 года**, когда в России было много людей **образованных, умных, интеллигентных, патриотично настроенных**, которые не могли не только ни до чего договориться, они не могли выработать элементарную программу, что делать дальше, они заламывали пальцы и говорили, что “Ну, вот, войну резко прекращать нельзя. Землю всю раздавать, ну, все-таки, нельзя” и так далее, и так далее...».

Четырехкратный повтор ключевых оборотов, определяющих ритмику повествования, акцентирующих внимание на концептуально значимых для ЯЛ фрагментах дискурса, а также отдельных словах, находящихся в сильной позиции в риторических вопросах, позволяет передать эмоциональный накал выступления, актуализировать авторские интенции и мотивы, эмоционально воздействовать на массового адресата: «Так вот сейчас совершенно понятно, что **без решения проблемы** той самой грабительской приватизации, которую народ никогда не признает, **без решения проблемы Северного Кавказа, без решения проблемы** обязательной сменяемости власти, хоть ты тресни, **без решения проблемы** никто не стоит над законом, а тот, кто ставит себя над законом, является государственным преступником. **Без этого решения** ничего не будет. Любое покушение на независимость суда есть государственное преступление и должно караться самым суровым образом. Необходим закон о минимальной заработной плате и о том, что человек обязан работать. Не называйте это **насильственным трудом, принудительным трудом. Ты** на какие деньги живешь, бездельник? **Ты** полгода не работаешь, у тебя откуда вот этот батон у тебя в руках? Попрошайка?...»

Среди характерных для дискурса ЯЛ типов выдвижения обычно используется *повтор*, основанный не только на употреблении однокорневых слов, но и на нанизывании синонимов, часто включенных в прием градации. Приведем яркий пример повтора лексем, включая однокорневые, из передачи 18.01.2012 года о жизни и смерти криминального авторитета Деда Хасана: «Я думаю, что когда **вора, вора**

по убеждению, **вора** по всей жизни, **вора**, которого уважают другие **воры**, который за всю жизнь работать не имеет права, а имеет право только **воровать** и жить на **наворованное**, и объяснять другим, как надо **воровать** и делить деньги по понятиям, когда его хоронят с разговорами как о государственном лице, следовательно, в России сегодня криминальные авторитеты по своему **реальному статусу**, по своему **реальному влиянию** на общество стоят на уровне государственных фигур первого ряда. И все это ужасно». В данном суждении повтор как тип выдвижения актуализирует и усиливает стратегию открытой эмоциональной оценочности, характерной для М. Веллера.

В дискурсе 16.11.2012 г. в связи с сюжетом о причинах перевода Конституционного суда в Петербург повтор на уровне синонимов позволяет автору усилить воздействие на массового адресата: «Я вас уверяю, что эти аргументы при обсуждении проблемы так же приводились. **Образ, имидж, престиж, вид**».

В другом фрагменте дискурса 21.12.2012 г. в рассуждении о детских домах использование анафоры с градацией определяет ритм сообщения, выполняет текстообразующую функцию, акцентируя внимание на обсуждаемой проблеме, синонимы же служат авторской оценке персоналий: «**Есть страны**, где детских домов и неусыновленных сирот нету. Это противоречит ментальности народа, его представлениям о жизни, его религиозным взглядам и так далее, и так далее. **А есть страны**, где эти сироты есть. **А есть страны**, где, с одной стороны, есть сироты, а с другой стороны, есть бездетные пары, которые хотят усыновить. А между ними сидят чиновники, **мелкие, ничтожные, низовые**. И на этом, вот как умеют, так и работают, абы изгадить настроение всем. Хотя, они убеждены, что они делают очень важное дело».

Достаточно часто *повтор* и *контраст* как типы выдвижения сосуществуют в анализируемом дискурсе, реализуя регулятивную стратегию контрастивно-сопоставительного типа. Так, в медиадискурсе 18.01.2012 г., обсуждая закон о запрете на усыновление для граждан США, приводя цифры, М. Веллер трижды повторяет фразу «Это никого не волнует» и противопоставляет условия в детских домах «условиям в Куршавеле»: «В России около 700 тысяч сирот, которые живут в детских домах, **условия в которых** сильно отличаются от **условий в Куршавеле. Это никого не волнует**».

В связи с вопросом о действиях организации Хамас в Израиле в передаче 16.11.2012 г., эмоционально выражая свою оценку этим событиям, ЯЛ использует регулятивную структуру, основанную на приемах контраста, сравнения и повтора для доказательства своей

позиции и прямой оценки событий (ср. выделенные фрагменты): «Они вас не признают, они открыто декларируют, что вас хотят уничтожить, что и сделают при первой возможности, но вы должны вести с ними мирные переговоры. И когда я слышу очередные заявления человека с прекрасной печально убедительной внешностью начальника российского МИДа Лаврова о том, что мы призываем прекратить огонь и сесть за стол переговоров, это все равно, что мы призываем, чтобы солнце шло с запада на восток, а не наоборот. Мы призываем, чтобы люди были бессмертны. Это означает, что “да, ребята, мы тоже против того, что там делается, но, в принципе, у нас нет по этому поводу никакой позиции, и мы не желаем занимать официально ничью сторону”».

Такой тип выдвижения, как *обманутое ожидание*, используется в анализируемом дискурсе ЯЛ нечасто, реализуя регулятивную стратегию парадоксального типа, как правило, в оценочных целях. Например, в передаче 07.12.2012 г., говоря об антимагницком законе и репутационных потерях России в связи с ним, М. Веллер рассуждает парадоксально, когда за кажущимся согласием следует актуализация противоположного смысла: «Я не знаю, что должна предпринять Америка, чтобы уронить престиж России. Престиж России, на мой взгляд, абсолютно прочен, он как-то зиждется на незыблемом основании, ниже которого уже только дно мирового океана. Ну, как можно уронить то, что прочно стоит внизу? Боже мой, ну какой престиж?».

Остановимся на некоторых регулятивных структурах, включающих ряд приемов, отражающих идиостилевые особенности ЯЛ. Например, в медиадискурсе 07.12.2012 г. в оценке влиятельности личности нашли отражение индивидуально-авторские регулятивные структуры, основанные на реминисценции, аллюзии, сравнении, реализующие стратегию сопоставительного типа. В связи с обсуждением кандидатуры А. Меркель, М. Веллер, соглашаясь с особой ролью Германии и ее канцлера, рассуждает так: «Это правда. Тогда, видимо, справедливо. Вот видите, смотря во что это влияние будет употреблено. Как писал Василий Макарович Шукшин, смотря о чем он думает. Иной, может быть, думает, как ларек подломить, так что не всякое думанье полезно. С влиянием у нас все в порядке. Вот смотрите, папа Док Дювалье в своем государстве был влиятельнейшим человеком. Но, вот, какова радость от этого влияния? То есть влияние, не ставя знаков плюс-минус, бесспорно. Вопрос, какая от него радость. Вот, носорог – сильное животное, но когда ты под него попал, то, видимо, эта сила не в твою пользу. Здесь я не знаю».

Другим типом индивидуально-авторской регулятивной структуры является структура, отражающая связь таких стилистических приемов, как сравнение, использование афоризмов, цитат, контраста, повтора, личной интерпретации некоторых понятий, использования обобщающих сентенций, контраста. Например, в медиадискрсе 18.06.2012 г., уточняя свои политические взгляды, М. Веллер признается: «Я не могу свои взгляды назвать **ни левыми, ни правыми**». Далее следует конкретизация, в которой обосновывается точка зрения автора, позволяющая понять его благодаря смешанному многоканальному регулированию познавательной деятельности массового адресата: «Вы знаете, как **цитировал Пикуль дневники Де Еона, попрошу не смешивать меня с обществом, сударь, – попросил Де Еон. Все это левые и правые совершенно условно. Во всем есть свое рациональное зерно, во всем есть свои недостатки. Все зависит от того, это нужно делать, когда, где, с кем и в каких условиях? Потому что на машине иногда надо рулить влево, иногда рулить вправо, есть надо иногда много, иногда надо голодать и так далее, и так далее. С политикой точно то же самое.**

Разумеется, свободное предпринимательство совершенно необходимо, нельзя вязать людям руки. Разумеется, социальная справедливость лежит в основе государства. **То, что сказал когда-то Платон: “Лишь то государство прочное, щитом которого является справедливость”.** Я сейчас не буду распространяться, но это очень просто. **Справедливость – это, во-первых, большие блага за большие хорошие поступки и большие наказания за большие хорошие поступки.** Все пропорционально. А по горизонтали за равные деяния – равные следствия, независимо от того, кто украл, президент или бомж. Или независимо от того, кто совершил подвиг, президент или бомж. И вот эта система поощрений и наказаний хорошо и плохо должна быть сбалансирована так, чтобы это было **наиболее полезно** для всего общества в целом. **Наиболее полезно – это чтобы болели меньше, а были здоровые больше, подыхали с голоду меньше, а были сытые больше.** И так далее. Все это, на самом деле, достаточно просто. И вот когда государство несправедливо, то в каких-то точках его надобно откорректировать. Иногда эти точки **лежат слева, а иногда лежат справа**».

В данном случае при возрастании количества и разнообразия стилистических приемов, усиливающих друг друга эмоционально, концептуально, логически, создается достаточно сложная, но сильная по воздействию на адресата регулятивная структура, характерная для рассматриваемой ЯЛ.

Таким образом, типы выдвижения в медиадискурсе интервью известного журналиста, публициста и писателя М. Веллера достаточно разнообразны по спектру вовлеченных в них стилистических приемов. Среди типов выдвижения как особых регулятивных структур наиболее распространены *конвергенция, повтор и контраст*, реализующие регулятивные стратегии конвергентно-усилительного, парадоксально-контрастивного и сопоставительного типа, используемые обычно в целях социальной оценочности, характеристики, обличения, выражения собственной активной позиции в решении общественно значимых проблем.

Библиографический список

- Арнольд И.В. Стилистика декодирования. Л., 1974. 76 с.
- Арнольд И.В. О понимании термина «текст» в стилистике декодирования // Стилистика художественной речи. Л., 1980. С.3-11.
- Арнольд И.В., Банникова И.А. Лингвистический и стилистический контекст // Стиль и контекст. Л., 1972. С. 1–13.
- Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // Stylistyka. 1998. Вып. VII. Opole, 1998. С. 179–189.
- Болотнова Н.С. Регулятивность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н.Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 328-331.
- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: Учебное пособие. Томск, 2005. Ч. III: Структура текста. Текстобразующие возможности языковых единиц. Факторы текстообразования. 271 с.
- Болотнова Н.С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3(105). С. 3440.
- Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Бакланова Е.А., и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллективная монография / под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. 492 с.
- Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М., 1987. 140 с.
- Радио ЭХО Москвы. Особое мнение. 18.06.2012 г.
URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/899944-echo/#element-text> (дата обращения: 12.02.2013).
- Радио ЭХО Москвы. Особое мнение. 16.11.2012 г.
URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/951613-echo/#element-text> (дата обращения: 12.02.2013).
- Радио ЭХО Москвы. Особое мнение. 07.12.2012 г.
URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/963264-echo/#element-text> (дата обращения: 12.02.2013).
- Радио ЭХО Москвы. Особое мнение. 21.12.2012 г.
URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/972344-echo/#element-text> (дата обращения: 12.02.2013).
- Радио ЭХО Москвы. Особое мнение. 18.01.2013 г.

URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/992104-echo/#element-text> (дата обращения: 12.02.2013).

N.S. Bolotnova

Professor of Modern Russian and Stylistics Department
Tomsk State Pedagogical University

TYPES OF MOVING-OUT AS A SPECIAL REGULATIVE STRUCTURES IN MEDIADISDISCOURSE OF PUBLIC LANGUAGE PERSONALITY

The article is written in realm of regulative theory which was worked out in communicative stylistics of a text. It contains analysis of types of moving-out and its functions in mediadiscourse of M.I. Veller interview on “Echo of Moscow” channel.

Key words: text regulativity; regulative structures; types of moving-out; mediadiscourse; public language personality.

УДК 004.738.5(470.53)

Куличкина Галина Васильевна

доцент кафедры социально-культурной деятельности
Пермская государственная академия искусства и культуры
kulgv@list.ru

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-СМИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЕВОГО САЙТА PERMNEW.RU)

Ставится проблема контента регионального интернет-СМИ как одного из факторов устойчивой информационно-коммуникативной модели взаимодействия интернет-СМИ с целевой аудиторией. Рассматривается опыт журналистской деятельности регионального интернет-СМИ PERMNEW.RU с целью выявления основных подходов к созданию контента для регионального сетевого СМИ, обеспечивающего его посещаемость.

Ключевые слова: интернет-СМИ; журналистская деятельность; информационно-коммуникативная модель; контент интернет-СМИ.

Актуальность исследования информационно-коммуникативной модели российских региональных интернет-СМИ обусловлена прежде всего новизной объекта изучения и потребностью осмыслить быстро развивающуюся практику новых медиа. Количественный рост региональных интернет-СМИ изменяет соотношение традиционных и виртуальных СМИ в информационном пространстве региона в пользу последних. Растет популярность интернет-СМИ среди пользователей

персональными компьютерами. Присутствие в социальных сетях, использование интерактивных технологий позволяет интернет-СМИ увеличить каналы распространения информации, расширить аудиторию и стать влиятельным информационным ресурсом в формировании общественного сознания. Имея технологическое преимущество перед традиционными масс-медиа в своих информационно-коммуникативных возможностях, региональные сетевые СМИ, однако, далеко не всегда умеют обратить их во благо общества. В силу разных причин региональная интернет-журналистика мутирует в сторону скрытого бизнес-пиара, политехнологий, «желтых» масс-медиа, вместо эксклюзивной информации выдается «меню дежурных блюд», приготовленных по пресс-релизам. Все это резко ослабляет информационно-коммуникативную деятельность региональных интернет-СМИ, они теряют авторитет и посетителей.

В современных условиях есть настоятельная потребность в исследовании региональной интернет-журналистики как нарождающегося феномена в информационном пространстве России, особенностей ее информационно-коммуникативной модели и анализа ее контента как одного из факторов прочной коммуникации региональных он-лайн-СМИ с аудиторией. В данной статье делается попытка осмысления сущности и контента сетевого регионального СМИ, формирования контента с оперативной актуальной и социальной эксклюзивной информацией, что так привлекает современных посетителей виртуальных информационных ресурсов.

Сегодня имеется немало исследований, посвященных феномену нового вида СМИ. Опираясь на труды М.М. Лукиной, И.Д. Фомичевой, А.А. Калмыкова и Л.А. Кохановой, Н.Ф. Муратовой, И.В. Лазуткиной, В.П. Сухова и др., можно дать следующее определение интернет-СМИ: это род ресурсов в Интернете, выполняющих функции СМИ. Существуют и такие синонимы, как: web-СМИ, онлайн-СМИ, сетевые СМИ. Это качественно новый культурный и цивилизационный феномен, представляющий собой деятельность по формированию и представлению информационных образов актуальности. Как и традиционные медиа, интернет-СМИ производят информацию, создаваемую с определенной периодичностью журналистским коллективом и отражающую жизнь общества. Технологии Интернета наделяют новые медиа специфическими признаками – мультимедийностью, интерактивностью, гипертекстуальностью [Интернет-СМИ... 2010: 342; Калмыков 2005: 8]. В научной литературе разработана классификация видов региональных интернет-СМИ. Существуют онлайн-версии традиционных СМИ, причем они могут

представлять собой своеобразные «клоны» газет, журналов, радио и телепрограмм или давать новую по контенту и способу оформления текстов информацию. Другую группу составляют сетевые СМИ, находящиеся только в Интернете. Мы рассматриваем современные региональные сетевые СМИ, существующие самостоятельно, без поддержки традиционных СМИ.

Материалом исследования послужили интернет-СМИ регионального значения – 9 наиболее значимых медиа-проектов Пермского края: Perm.ru, Properm.ru, Prm.ru, 59.ru, Newsperm.ru, Permnew.ru, Dauperm.ru, Paionka.ru, «Текст».

Анализ деятельности региональных сетевых СМИ в Пермском крае позволяет утверждать, что в регионе возник новый вид СМИ, обладающий всеми необходимыми для него характеристиками, а именно: существует профессиональный характер производства информации и специализация на этом виде деятельности; позиционирование себя в качестве производителя массовой периодической информации; наличие в контенте сайта указаний на то, что создатели идентифицируют его с деятельностью, совпадающей с деятельностью СМИ; отражение в контенте жизни социума, а не только деятельности субъекта производства информации; сочетание информационных материалов разных жанров; наличие адреса, по которому пользователи могут найти создателей контента и обратиться к ним [Сухов 2005: 12–13]. В целом процессы интернетизации пермской журналистики вписываются в общую картину развития региональных сетевых СМИ. Это можно отчетливо увидеть, если сравнить пермскую интернет-журналистику и тверскую [Экгардт 2012: 11–14]. Региональная интернет-журналистика стала появляться в конце 1990-х – начале 2000-х годов, с тех пор часть региональных сетевых СМИ прекратили свое существование, некоторые существенно преобразовались. Но до сих пор большинство из них испытывает нехватку финансовых, технических и кадровых ресурсов; они отстают в посещаемости от федеральных сетевых СМИ. Как правило, региональные журналисты активно опираются в своей деятельности на технологические преимущества по доставке массовой информации населению – мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность. Для большинства региональных сетевых СМИ принципиально важна оперативность в подаче. Скорость выхода новости в свет позволяет увеличить посещаемость ресурса, а значит, и рейтинг издания. Вместе с тем журналистские словесные тексты далеко не всегда созданы с учетом специфики Интернета. Отсутствует такой показатель журналистской деятельности, как имя автора, создавшего словесный текст. Обновление ленты новостей идет

без четко указанного периода поступления очередной информации. Между новостями может пройти время от нескольких минут до нескольких часов.

Несмотря на то что региональная интернет-журналистика находится в стадии становления, ее деятельность вызывает пристальный интерес специалистов в сфере медиа. К анализу сетевых СМИ подключаются разного рода статистико-информационные службы, изучающие роль того или иного сетевого СМИ в общественном сознании. Именно они выбирают одним из основных показателей эффективности информационного ресурса в Интернете его посещаемость, т.е. степень коммуникации с потребителем информации. Среди подобных служб стоит назвать всероссийский центр «PRCY-INFO». Зайдя на его сайт, каждый желающий может ознакомиться с основными показателями того интернет-СМИ, имя которого вписывается в строку поиска. На сайте PRCY-INFO можно найти описание сайта, его присутствие в каталогах основных поисковых систем, статистику (день, неделя, час) и график посещаемости (за месяц), сводную статистику посещаемости за месяц, за неделю, за сутки. Таким образом, вырисовывается более-менее объективная информационно-коммуникативная модель сетевого СМИ. Она заставляет журналистов искать факторы, которые обеспечивали бы устойчивость связи с посетителями. Среди них можно назвать контент, частоту обновления информации, дизайн, навигацию и меню (или рубрикацию), наличие характерных для интернет-журналистики отличительных признаков предоставления информации, встроенность в социальные сети, дополнительные коммуникативные технологии для пользователей (разные виды обратной связи с потребителем информации, контекстно привязанные к статье или сюжету, блог, личный кабинет, группы и клубы по интересам).

Контент в интернет-журналистике можно по праву отнести к основным факторам выстраивания информационно-коммуникативной модели. Под влиянием новых технологий, социально-экономических условий контент традиционной журналистики, прежде всего печатной, перекочевав в интернет-журналистику, претерпел ряд изменений – в структуре подачи и объеме текстов, жанрах, тематических акцентах. Появились понятия первичного и вторичного контента, импортированных и агрегированных новостей, копипаста (разного рода перепечатки и дублирование новостей из других информационных источников) [Лукина 2011: 114–120]. Ценностными сторонами контента сетевого регионального СМИ, как показывает практика, является, прежде всего, совокупность словесных текстов, обладающих новизной,

социальной значимостью представленной информации, нацеленностью на определенную аудиторию, эксклюзивностью. Эта совокупность словесных текстов предстает перед читателем в своем тематическом разнообразии через систему рубрик, систему жанров и стилей авторской речи. Главные черты каждого отдельного словесного текста, способствующие его коммуникативной «проводимости», – внятность, аргументированность и выразительность смысла журналистской информации. Как следствие, содержание представленной информации в региональном интернет-СМИ приобретает самую привлекательную для посетителя черту – эксклюзивность.

Рассмотрим с данных позиций деятельность пермского сетевого СМИ Permnew.ru – «Новости Перми и Пермского края». Он был запущен в Интернете 18 февраля 2009 года. Контакты с аудиторией начинались с 15-20 посещений в сутки, сегодня посещаемость выросла до 2000-2100 раз, что равноценно тиражу добротного регионального еженедельника. В отдельные дни на сайт заходят 4-5 тысяч человек. Максимальная посещаемость, зарегистрированная счетчиком, – 12 тысяч. Максимальная посещаемость одного сообщения за все время его существования на сайте – 40 283.

Сайт имеет уникальные по сравнению с другими пермскими сайтами рубрики: «Наши соседи» (о региональных территориях, с которыми у Пермского края административные и географические границы), «ДТП» (дорожно-транспортные происшествия), «МЧС», «ЖКХ», «Наука», «Образование», «Православие», «Музыка», «Театр», «Детские новости», «Публикации» (аналитические материалы и интервью). Рекламные материалы расположены в отдельной рубрике, а в «окне» монитора они отделены от журналистских специальным дизайнерским решением. Такая рубрикация и дизайн позволяют давать более полную, приближенную к объективной информационную картину жизни региона. А значит, вызывают доверие к сайту.

Контент этого сетевого СМИ состоит из двух частей. Первая – агрегированные новости Перми и Пермского края, а также прилегающих регионов Приволжского и Уральского федеральных округов. Агрегированные новости дают все региональные сайты, но особенность Permnew.ru в том, что в тексте всегда указывается официальный источник информации, откуда новость была взята (пресс-служба властей, бизнеса, учреждения культуры или общественной организации). Тем самым работники сайта демонстрируют свою приверженность к достоверности как атрибуту любой информации, одновременно повышается ответственность пресс-служб, слово которых не спрятано за редакционный текст, а широко представлено в публичной

сфере. Эта часть контента создает информационный образ актуальной действительности, обеспечивает регулярное обновление, увеличивает посещаемость, в том числе и тех материалов, которые мы относим ко второй части.

Вторая часть содержит эксклюзивные материалы для разных рубрик сайта в разнообразных жанрах. Из информационных жанров преобладают новостные заметки и репортажи. Из аналитических – рецензии и статьи. Словесные и изобразительные тексты создаются профессиональными журналистами, а также специалистами той сферы, о которой идет речь в тексте. Например, в рубрике «Музыка» на сайте выступают специалисты с высшим музыкальным образованием и студенты консерваторского факультета Пермской государственной академии искусства и культуры (ПГАИК). Есть рубрики, где наряду со специалистами выступают будущие журналисты и специалисты по связям с общественностью. Так, о православии на сайте в начале 2013 года рассуждали православные педагоги, а о проведении массовых православных праздников в регионе рассказали студенты ПНИПУ. В рубрике «Театр» наряду с публикациями пермских театральных критиков представлено немало работ студентов ПГНИУ, специализирующихся на театральной журналистике, студентов ПГАИК, будущих режиссеров и актеров. Если посетитель ищет нужного ему журналиста, то для него есть в рубрикаторе строка «Наши авторы». Другой путь поиска – подпись имени и фамилии автора под его текстом на сайте всегда сопровождается строкой «Все публикации автора». Это дает возможность увидеть творческую активность авторского коллектива редакции, разнообразие имен, увидеть журналистское «постоянное тематическое задание» того или иного автора. На сайте также хранится архив публикаций. Он очень важен как составная часть контента. К архиву часто обращаются именно за эксклюзивными событиями и журналистскими материалами. Разнообразие тем, жанров и многоголосие авторов создает объемные эксклюзивные информационные образы региональной актуальной действительности.

К недостаткам сетевого СМИ Permnew.ru можно отнести не использованный до конца потенциал мультимедийности и интерактивности, что связано с нехваткой технических и кадровых ресурсов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В Пермском крае сформировалась подсистема интернет-журналистики в системе современной региональной журналистики. Исследование информационно-коммуникативной модели региональных интернет-СМИ позволяет утверждать, что в Прикамье есть сетевые СМИ,

обладающие существенными характеристиками этого нового вида массовой периодической информации. Одновременно процесс становления региональной интернет-журналистики как творческого организма, способного выстраивать эффективную информационно-коммуникативную модель взаимоотношений с посетителями, не завершен. В ее деятельности можно отметить как сильные, так и слабые стороны. К сильным относятся оперативность в публикации актуальных и социально значимых новостей, активное применение новейших технологий для представления информации с типичными свойствами информационной интернет-площадки: мультимедийностью, интерактивностью и гипертекстуальностью. К слабым – пренебрежение разнообразием словесных форм подачи контента (жанры, аналитика, авторский стиль речи). Анализ сетевого СМИ Permnew.ru продемонстрировал, как опора на средства словесной выразительности в содержательной части контента позволяет развивать и укреплять информационно-коммуникативную модель современного регионального СМИ.

Библиографический список

Интернет-СМИ: Теория и практика: Учеб. пособие / под ред. М.М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010. 348 с.

Калмыков А.А. Интернет-журналистика: Учеб. пособие / А.А. Калмыков, Л.А. Коханова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 383 с.

Лукина М.М. Контент интернет-СМИ / М. Лукина, Н. Лосева // Конвергенция и мультимедийная журналистика: Материалы к обучающим семинарам / сост. С. Балмаева. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, Кабинетный ученый, 2011. С. 112–137.

Сухов В.П. Интернет-СМИ Рунета: системные характеристики: автореферат дисс. ... канд. филол. наук, 2005 // URL: <http://www.dissercat.com/content/internet-smi-runeta-sistemnye-kharakteristiki> (дата обращения: 06.03.2013).

Экгардт Л.В. Региональная интернет-журналистика: современное состояние и перспективы развития (на материале контент-анализа тверских интернет-ресурсов: автореферат дисс. ... канд. филол. наук, 2012 // URL: <http://www.google.ru/urlsa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0CDYQFjAV&url=http%3A%2F%2Funiversity.tversu.ru%2> (дата обращения: 06.03.2013).

G.V. Kulichkina

Reader of Social and Culture Activity Department
Perm State Academy of Art and Culture

INFORMATION AND COMMUNICATIVE MODEL MODERN REGIONAL INTERNET MASS-MEDIA (ON THE EXAMPLE OF THE PERM REGIONAL SITE PERMNEW.RU)

The problem of a content regional by Internet mass-media as one of factors of

steady information communicative model of interaction of Internet mass-media with target audience is put. Experience of journalistic activity regional by Internet mass-media PERMNEW.RU for the purpose of identification of the main approaches to content creation for regional network the mass media, providing its attendance is considered.

Key words: Internet mass-media; journalistic activity; information and communicative model; content of Internet mass media.

УДК 002: 81'34

Куприянова Ася Ильинична

старший преподаватель кафедры истории и теории журналистики
Тюменский государственный университет
tmn.solo@gmail.com

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНАЯ НОРМА В СОВРЕМЕННЫХ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СМИ

Норма – это валидная категория, она обусловлена множеством факторов – местом, временем, спецификой языка и менталитетом народа. Устная речь гораздо более эфемерна, чем письменная, однако на слух всегда можно определить, отклоняется ли от нее говорящий. И если орфоэпия и акцентология дают представления о правилах оформления звучащего слова, то вопросы, касающиеся просодического оформления предложения, фразы и устного текста в целом сегодня не решаются эффективно. Об этом свидетельствует большое количество претензий, предъявляемых к современным радио и телевидению. Темп, тембр, интонация, как правило, остаются за рамками обсуждений исследователей языка современных СМИ. В статье предпринята попытка оценить речь некоторых представителей современных аудиовизуальных медиа с точки зрения отклонения от произносительной нормы, акцент делается на просодическую составляющую речи медийных персон.

Ключевые слова: норма; просодические средства; акцентология; речь; мультилингвизм.

Аудиовизуальная журналистика сегодня переживает не лучшие времена. Перемены в обществе столь стремительны, что старая манера произношения, образцом которой можно считать дикторскую школу советского прошлого, уже давно «не в тренде», а новая норма звучащей речи, похоже, просто не успевает сформироваться.

О несформированности нормы нового образца свидетельствует широкое распространение акцентологических ошибок: декольтИроанный вместо декольтирОванный, подросткОвый вместо подрОстковый, и, разумеется, йОгурт вместо йогУрт. Некоторые варианты

столь прочно закрепились в языке, что назвать их ошибочными уже трудно. Изменения нормы, рассмотренные в статье, связаны как с лингвистическими, так и с экстралингвистическими процессами коммуникации.

За последние годы в повседневный обиход вошло огромное количество заимствований. Еще в недавнем прошлом допустимо было писать иноязычные слова в русской транскрипции (Сити, Палас). Сегодня хорошим тоном стало оформлять вывески магазинов на языке-оригинале (City, Palac), гляцевая периодика пестрит иноязычными словами без транслитерации: «Мы провели анализ российских и региональных журналов за 2000–2012 гг. Анализ показал, что доля иноязычной лексики настолько высока, что на каждой странице журнала можно найти хотя бы по одному заимствованию либо варваризму. Это – слова из английского, французского, немецкого, итальянского, индийского, испанского, японского, китайского и других языков, обозначающие реалии и экзотизмы из мира национального быта, спорта, кухни, моды и пр.» [Белякова 2012: 122]». Исследование И.Е. Беляковой позволяет считать явление активного заимствования не столько экспансией варваризмов, сколько живой жизнью самого языка в период глобализации и тесных межкультурных коммуникаций, условием для формирования плюриязычной компетенции. Иначе говоря, признаком образованного человека новой формации является его способность свободно ориентироваться в иноязычной номинации актуальных концептов современности (например, слова обозначающие процессы: «ребрендинг», «дауншифтинг»; прогрессивные явления из сферы моды, музыки, технических изобретений: «блог», «сабвуфер», «пачворк», «гаджет», “Burberry”, “Kerastase” и т.п).

Однако если в процессе работы с печатным текстом читатель или журналист всегда может прибегнуть к помощи словаря, то в эфирной живой речи такой возможности нет. Заимствования зачастую не отвечают произносительной норме русского языка, для работников «звучащих» СМИ и для ньюсмэйкеров они представляют большое затруднение. Тогда правилом, нормирующим произношение того или иного иноязычного слова в рамках одного эфира становится единообразие. Если после многократного произнесения ошибочного варианта ведущий / комментатор / журналист не исправился, в дальнейшем он и его коллеги должны повторять тот же ошибочный вариант. Это правило желательно применять к трудным случаям в произнесении, таким, как имена собственные (например, в спортивном комментировании, когда футболиста Хорхе называли Жоржио).

Трудности перевода понятны в живой, спонтанной речи журналиста. Так, известен недавний случай, когда журналист К. Набутов на олимпийских играх неправильно перевел с английского языка приветственную надпись спортсменов из Лао. Но нередко в эфире программ подготовленных, с заранее написанным текстом, допускаются акцентологические вольности. Так, например, в передаче «О самом главном» с О. Будиной и С. Агапкиным от 12 февраля 2013 года ведущие наперебой употребляли слово «творог», ставя ударение то на первый, то на второй слог, не заботясь о единообразии хотя бы в рамках одного логического отрезка текста.

Двойная произносительная норма, действительно, больше мешает, чем помогает работникам эфира. Но иногда намеренное подчеркивание акцентологических вариантов используется как прием языковой игры. Так нередко поступают ведущие эфира радиостанции «Серебряный Дождь». Выразительная и даже несколько театральная манера произнесения А. Бунина (программа «Календарь эрудита», передача о семинольской войне во Флориде (США) от 23 февраля) вполне допускала постановку ударения то на второй слог (нормативное – ФлорИда), то на первый (на западный манер – ФлОрида), когда говорящий выступал попеременно в роли ведущего – самого себя – и в роли «другого» – языкового персонажа, приближенного к месту и времени развития событий, что добавляло простой исторической хронике «репортажности».

Лексическое наполнение теле- и радиоречи поменялось в связи с актуализацией новых речевых стратегий. Эфирная речь стала максимально приближенной к разговорной, бытовой. Эту тенденцию отметила О.А. Лаптева еще в конце 1990-х гг. в своем фундаментальном труде «Живая русская речь с телеэкрана», где зафиксирован «речевой процесс эпохи, <...> свободное, отвлеченное от письменного текста говорение» [Лаптева 2007: 2]. Но уже сейчас, спустя 14 лет после проведения ее исследований, можно отметить некоторую смену речевого стандарта. Литературная речь практически вытеснена из эфира. Просторечно-бытовую лексику употребляют теперь не только ведущие развлекательных программ, но и дикторы новостей.

Скорость и тембр дикторской речи также существенно изменились. Высокий темп жизни обуславливает и темп подачи информации. Об этом говорит И. Кириллов: «Потерян темпоритм русской речи. Такое ощущение, что у ведущей что-то не в порядке с животом. А у нас темпоритм был определенный, потому что мы знали: нас смотрят и слушают люди, которые плохо знают русский язык – например, в среднеазиатских и прибалтийских республиках. Да и в российской

глубинке плохо усваивали смысл, если темп речи превышал 12-14 строчек в минуту. А сейчас гонят и по 20 строчек, в результате получается абракадабра. Нельзя просто так пробалтывать текст. Я уже не говорю о подаче» [Кириллов 2013].

Дефекты речи работника эфира не являются сегодня фактором профнепригодности. Особенно заметно это на телевидении, где произвольные и непроизвольные речеголосовые девиации стали привычным явлением. Причем некоторым медийным персонам, обладателям заметных недостатков, все же удается быть убедительными ораторами благодаря харизматичности и умелому компенсаторному использованию других характеристик голоса и речи. Приведем несколько примеров отклонения от нормы в речи ведущих и наиболее известных медийных личностей: Э. Радзинский – пронзительно-высокий голос, речь на сильно поднятой гортани; В. Вульф, Е. Гришковец, И. Охлобыстин – ротацизм; А. Шахматов, А. Селезнёв – сигматизм; Т. Канделаки – тахилаличный темп речи; В. Зайцев, В. Путин – нарушена темпоритмическая организация; А. Чехова, Р. Литвинова, Л. Никитюк – намеренное искажение голоса («делание гендера»), придыхательная атака звука, слишком амплитудные голосовые модуляции.

В связи с тотальным распространением инфортейнмента на смену медиа-личностям приходят медиа-персонажи. Искажение голоса является своеобразной ролью, маской, характерной для формата передачи («секс-бомба», «телеблондинка» и т.п.). Поэтому тембральные характеристики работников одного канала нередко оказываются схожими (Рен-ТВ: жесткая атака, напряженность в голосе, интонация на понижение).

Массовая культура, вместившая в себя признаки карнавального драйв-мышления, не выработала представлений о норме речи, оставляя ее ситуативной. Но востребованность нормативного произношения в обществе не стала меньше. «Да, мы знаем, что сегодня можно употреблять слово «кофе» в среднем роде. Но воспитанный и грамотный человек всегда предпочтет мужской», – говорит Мария Кондратович, программный директор тюменской радиостанции «Красная Армия», и добавляет в шутку: «Мало ли, почему вы употребили средний род! Может быть, вы знаете, о том, что сегодня это допустимая форма, а, может, вы просто всегда были безграмотны». В этом ироническом комментарии есть ключ к пониманию процессов саморегуляции общества: классическая, «высокая» норма остается элементом статусности, а потому сохраняется, несмотря на обстоятельства

вседозволенности, обусловленные интернет-влиянием и массовой культурой.

Библиографический список

Белякова И.Е. Проникновение иноязычной лексики в русские СМИ как возможный результат плюрилингвизма // Плюрилингвизм и мультилингвизм: проблемы и стратегии развития: материалы международного научного семинара. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. С. 121–125.

Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 520 с.

Кириллов И.Л. Аудиоинтервью с Игорем Кирилловым // URL: http://www.diktory.com/interv'yu_kirillov.html. (дата обращения: 19.03.2013).

A.I. Kupriyanova

Senior Lecturer of History and Journalism Theory Department
Tyumen State University

PRONONCIATION NORM IN MODERN AUDIOVISUAL MEDIA

The norm is a valid category determined by plenty of factors That are place, time, particular language characteristics and nation's mentality. Oral speech is much more ephemeral than written speech though while listening you can always identify whether the speaker deviates the norm or not. While orthoepy and accentology provide an indication of the principles of vocable's arrangement, such issues as arrangement of sentence, phrase and text are not worked out effectively. It is proved by a great number of claims, laid to modern radio and TV programmes. Tempo, timbre, intonation are not touched upon by researchers within their discussions of modern mass media. The article represents the author's attempt to test the speech of certain mass media representatives on their keeping to the norm of pronunciation. The emphasis is laid on the prosodic component of media people' speech.

Key words: norm; accentology; prosodic means; speech; multilingualism.

Пономарев Николай Филиппович
доцент кафедры журналистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
aprioripr@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ НАРРАТИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ФРЕЙМИНГА

В статье рассматриваются когнитивные и лингвистические механизмы политического фрейминга как стратегии определения проблем, а также объясняются факторы целесообразности нарративного фрейминга в публичной политической коммуникации.

Ключевые слова: фрейминг; нарратив; интертекстуальность.

Демократическая система должна гарантировать гражданам возможность участия в принятии решений и определении политического курса, реализация которого предполагает последовательность действий, предназначенных для решения некоторых общественных проблем, реальных или воображаемых. Карлин Кемпбелл утверждает: «Истины не могут быть независимыми ни от чего. Они должны доставляться одними людьми другим людям. Они должны объясняться, защищаться и распространяться посредством языка, аргументации и апелляции... непризнанные и непринятые истины совершенно бесполезны» [Campbell 1996: 3]. Таким образом, сама проблема не дана априори в социальной реальности как объективная сущность, а *социально конструируется в дискурсе*. Это вопрос интерпретации и социального определения.

Политическая делиберация при выработке политического курса происходит в ситуации конфликта и неопределенности: «Это именно те условия, при которых люди склонны полагаться на политические нарративы, чтобы осмыслить спорные вопросы и спорить», потому что «при таких обстоятельствах технократические знания и опыт не могут дать адекватных ответов, так что политические акторы прибегают к политическим нарративам, чтобы подкрепить свои претензии» [Boswell 2010]. И далее: «В политической делиберации политические нарративы дают доступный (или воспроизводимый) сценарий, посредством которого акторы в делиберативной системе могут понять и осмыслить в политическом контексте в противном случае туманные, сбивающие с толку или оспариваемые сообщения и поддержать потребность в

решительных действиях» [Boswell 2010]. Иначе говоря, *политический нарратив* уменьшает концептуальную сложность спорного вопроса, задает схемы для его восприятия и понимания.

Политический нарратив как «гипертекст, состоящий из множества конкретных текстов, объединенных определенным политическим событием» [Кириллов 2007] или как совокупность «дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события» [Шейгал 2007], является продуктом политического дискурса. Он содержит политическое решение в форме морали и вызывает эмоции, «порождая ощущение безотлагательности, безнадежности, оптимизма или тревожного ожидания» [Boswell 2010]. Политический нарратив драматизирует политическое поле: «нарративы упадка» объясняют, как правильная политика может спасти от катастрофы, а «нарративы контроля» предлагают способы восстановления спокойствия и порядка [Stone 1988].

Поскольку политические нарративы синтезируют несопоставимые эпизоды в значимое, унифицированное целое, то они часто противопоставляются рациональной аргументации. Однако «рациональность в политической делиберации может обозначать способ, которым люди проверяют политический нарратив на внутреннюю последовательность, сравнивают его с собственным личным опытом и размещают его внутри своего собственного (пусть и раздробленного, неясного и динамичного) ощущения идентичности» [Boswell 2010]. К тому же, как считают Матиас Делори и Филипп Зиттоун, «политические акторы не являются (идеально типичными) политическими аналитиками: они не дают убедить себя лучшим аргументом», поэтому «нам приходится сменить фокус анализа: перейти от вопроса “убедителен этот аргумент?” к вопросу “что поставлено на карту в этой интеракции?”» [Delori, Zittoun 2009: 3]. Марк Росс добавляет: «Просто сказать людям, что их история событий неправильна, редко приводит к успеху, поскольку часто существует сильная эмоциональная привязанность к описанию, которое защищается от таких фронтальных атак. Сила большинства нарративов объясняется их образами и организацией, а не (упомянутыми) фактами» [Ross 2011].

Для этого политики конструируют т.н. «утилитарные истории», которые в отличие от «автотелических историй» рассказываются для достижения конкретной инструментальной цели, а не просто для развлечения адресата [Ryan 2009]. Такого рода «принуждение историей» [Luhman 2005] предписывает или ограничивает действия адресата и позволяет власти «добиваться того, чтобы другие предпочли жить по

ней или в ней» [White 1987: 167]. Иначе говоря, эти нарративы легитимируют выгодные акторам определения событий как допущения «здравого смысла». Закрепившиеся в политическом дискурсе нарративы «часто сопротивляются изменению или модификации даже при наличии противоречащих эмпирических данных, потому что они продолжают подтверждать и стабилизировать допущения для принятия решений перед лицом неопределенности, запутанности и поляризации» [Roe 1994: 2].

Когнитивным инструментом конструирования и политического, и медийного нарратива является *фрейминг*.

Фреймы как разделяемые индивидами когнитивные схемы, которые направляют интерпретации адресатов и определяют, что «считается фактом и какие аргументы принимаются как уместные и убедительные» [Schön, Rein 1994: 23], порождаются и трансформируются в дискурсе. С одной стороны, фрейминг как целенаправленное использование фреймов активирует знания, моральные принципы и культурные ценности и задает адресату систему координат для осмысления события или проблемы [Cappella, Jamieson 1997]: «Фрейминг структурирует процесс обдумывания, активируя определенные конструкты (схемы, концепты, соображения, аттитюды, убеждения, политические ориентации), которые члены аудитории используют как эвристики, предпосылки или направляющие принципы при обработке информации, для вынесения суждений или формирования мнений» [Lee et al. 2008: 697]. С другой стороны, фрейминг подталкивает адресата при вынесении суждений или формировании мнения принимать в расчет конкретные аспекты события или проблемы: «Фрейм – это фокус, параметр или граница для обсуждения конкретного события. Фреймы фокусируются на том, что будет обсуждаться, как оно будет обсуждаться и, в первую очередь, как это не будет обсуждаться. Полезно рассматривать фреймы как очень широкие тематические акценты или определения в сообщении, как границу вокруг картины, которая отделяет ее от стены и от других возможностей» [Altheide 1997: 652]. Назовем эти два когнитивных результата фрейминга «локализацией» и «фокализацией».

Публичное обсуждение включает «дискурсивный процесс, когда стратегические акторы используют символические ресурсы, чтобы принять участие в коллективном осмыслении публичных спорных вопросов» [Pan, Kosicki 2001: 36]. Эта дискуссия, как следует из вышеизложенного, представима в виде конкуренции адвокатских фреймов, которая в политической сфере обозначается термином «интерпретативная политика» [Abolafia 2004].

Спонсоры фреймов одновременно с «локализацией» и «фокализацией» формируют новые или укрепляют уже существующие дискурсивные сообщества как размытые и пересекающиеся группы социальных субъектов с общими интересами или целями, члены которых разделяют особые дискурсивные практики [Borg 2003]. Так пополняются символические ресурсы коллективного осмысления социальной реальности: «Посредством фрейминга воспроизводятся и обогащаются культурные категории, а социологические границы этих физических единств усиливаются или перекраиваются» [Pan, Kosicki 2001]. Долгое время господствующие в дискурсе фреймы воспринимаются как здравый смысл или как «очевидные описания реальности, а не ее интерпретации» [Gamson et al. 1992].

Существуют как минимум четыре феномена, которые подтверждают целесообразность фрейминга в публичной политической коммуникации.

Во-первых, при принятии решения существенную роль играет феномен «ограниченное осознание», а именно: люди пренебрегают доступной, воспринимаемой и важной информацией, обращая внимание на другую в равной степени доступную, но нерелевантную информацию, что приводит к ущербным решениям [Bazerman, Chugh 2006]. В силу этого политические акторы предпочитают стратегии приоритетизации любым стратегиям убеждения: «Хотя убеждение часто характеризуется как слабая сестра своих родственников в семье влияния... оно все-таки рассматривается многими как более этичный метод влияния на других. Человек обычно избегает ярлыка “принуждение” как чумы... представляется как убеждающий, а если возможно, как некто, кто использует “рациональное убеждение”. Убеждение особенно ценится как инструмент демократии» [Simons 1974: 174]. Цель фрейминга не столько убеждение, сколько *манипулирование умозаключениями*.

Во-вторых, это феномен «разумной достаточности» [Simon 1957]. Люди не имеют ни способностей, ни времени, ни интереса в каждом случае принимать лучшее из возможных решений, поэтому довольствуются обработкой той информации, которая первой приходит на ум, чтобы выбрать не оптимальный, а достаточно хороший вариант. Фрейминг подталкивает адресата скорее к эвристикам, а не к логическим умозаключениям на основе исчерпывающих данных.

В-третьих, феномен «рациональность при недостатке информации» [Porkin 1994]. Граждане нуждаются лишь в небольшом количестве подсказок о деятельности политической элиты, чтобы вынести рациональное суждение с учетом своих интересов.

В-четвертых, феномен «рационального невежества» [Downs 1957].

Осознавая ничтожность своего индивидуального влияния на политические решения, граждане как «когнитивные скупцы» [Fiske, Taylor 1991] склонны экономить усилия, необходимые для усвоения и переработки знаний о политике. Они считают целесообразным при вынесении суждений о политических проблемах ориентироваться скорее на эвристики или собственные эмоциональные реакции, а не на аргументы и факты.

Типологии фреймов часто строятся на несопоставимых основаниях и на разных уровнях абстрактности. Мы считаем, что целесообразнее классифицировать не фреймы, а собственно фрейминг по целям, которые ставит перед собой актер, а именно:

- *Сценарный фрейминг* интерпретирует событие в соответствии с когнитивным сценарием или нарративной моделью, выражающими некую «центральную организующую идею» [Gamson, Modigliani 1987].

- *Каузальный фрейминг* объясняет причины события и/или ответственность за событие (проблему), возможные последствия события и меры по их предотвращению (или по решению проблемы) [Entman 1993].

- *Оценочный фрейминг* задает систему координат для социальной оценки события (деятельности или проблемы).

Подчеркнем, что сценарный фрейминг на основе конкретной нарративной модели неизбежно предполагает каузальный и оценочный фрейминг.

Фреймы опознаются адресатом благодаря присутствию в нарративе тематических и оценочных ключевых лексем, речевых и визуальных стереотипов, цитат и коронных фраз конкретных субъектов, иллюстрирующих примеров, свидетельств и статистических данных. Эмо Готсбахнер категорически заявляет: «Создание подходящих “вербализаций” – это основное умение политических акторов и их советников по коммуникации... Посредством “вербализации”, высвечивающей определенные аспекты и затеняющей другие, стратегически выбранный смысл переносится в “невинную” словесную конструкцию, в которой неявные оценка и аргументация кажутся внутренней логикой реального положения дел» [Gotsbachner 2009: 61].

Помимо вербализации и символизации во фрейминге используются риторические приемы, а также феномен интертекстуальности. Под интертекстуальностью понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций»

[Арнольд 2010: 376]. Это качество сближает *адвокатские нарративы* (т.е. ранее упомянутые утилитарные истории конкретных акторов) с медиатекстами, так как производство новостей тоже включает в себя преобразование множественных дискурсов в единый нарратив [van Hout, Jacobs 2008]. В качестве предтекстов используются прецедентные тексты, которые вместе с прецедентными высказываниями, именами и ситуациями входят в когнитивную базу лингвокультурного сообщества [Гудков 2003]. Прецедентные феномены как «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки» [Караулов 1987] используются акторами в качестве шаблонов для сценарного и оценочного фрейминга событий и субъектов. Следовательно, к приемам фрейминга можно добавить популярные цитаты, афоризмы, «крылатые слова», пословицы, поговорки, загадки, имена персонажей, а также «анекдотичные нарративы» как эпизоды или отдельные случаи из повседневной жизни.

Результаты такого *интертекстуального* варианта сценарного фрейминга «непредвиденным образом зависят от нарративного вклада других собеседников, которые предоставляют, выявляют, критикуют, отвергают и выводят заключения из аспектов разворачивающегося сообщения» [Ochs, Capps 2001: 2–3]. При этом следует учитывать три обстоятельства.

Во-первых, в момент свершения события у актора еще нет законченной каузальной истории, поэтому его первоначальная интерпретация схематична и внутренне противоречива. Во-вторых, в этом процессе осмысления принимают участие другие акторы, включая политических соперников. В-третьих, «подобные дискуссии не ведут с необходимостью к появлению одной-единственной интерпретации, полностью разделяемой всеми заинтересованными сторонами», поскольку «в разное время, разные акторы произведут политические нарративы, которые имеют (потенциально) разные значения для разных аудиторий» [Яноу, ван Хульст 2011: 100–101]. В результате множество политических историй о событии и историй о последующем развитии ситуации формирует несколько доминирующих политических нарративов с собственными фреймами.

Очевидно, что исследование механизмов социального влияния политического нарратива требует обращения к проблематике нарратива как специфического когнитивно-коммуникативного феномена.

Библиографический список

- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М., 2010.
Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М.Н. Володина. М., 2003.

- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кириллов А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007.
- Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. Вып. (2) 22. С. 86–93.
- Яноу Д., ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 87–113.
- Abolafia M.Y. Framing moves: Interpretive politics at the Federal Reserve // Journal of Public Administration Research and Theory. 2004. № 14 (3). P. 349–370.
- Altheide D.L. The news media, the problem frame, and the production of fear // The Sociological Quarterly. 1997. № 38 (4). P. 647–668.
- Bazerman M., Chugh D. Decisions without blinders // Harvard Business Review. 2006. № 84 (1). P. 88–97.
- Borg E. Discourse community // ELT Journal. 2003. № 57. P. 398–400. URL: <http://eltj.oxfordjournals.org/content/57/4/398.full.pdf+html> (дата обращения: 10.03.2010).
- Boswell J. Policy narratives in a deliberative system // Australian Political Science Association Conference, September 26–28, 2010, University of Melbourne. URL: http://apsa2010.com.au/full-papers/pdf/APSA2010_0054.pdf (дата обращения: 15.05.2011).
- Campbell K.K. The rhetorical act. Belmont: Wadsworth, 1996.
- Cappella J.N., Jamieson K.H. Spiral of cynicism. The press and the public good. N.Y.: Oxford University Press, 1997.
- Delori M., Zittoun P. Policy arguments and coalition building // Paper Presented to the Meeting of the ECPR General Conference. Potsdam, Germany. September 10–12, 2009. URL: <http://www.atelierpolitique.fr/assets/Uploads/delori-zittoun-potzdham2.pdf> (дата обращения: 21.07.2011).
- Downs A. An economic theory of democracy. N.Y.: Harper and Row, 1957.
- Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // Journal of Communication. 1993. № 43 (4). P. 51–58.
- Fiske S.T., Taylor S.E. Social cognition. N.Y.: McGraw-Hill, 1991.
- Gamson W.A., Croteau D., Hoynes W., Sasson T. Media images and the social construction of reality // Annual Review of Sociology. 1992. № 18. P. 373–393.
- Gamson W.A., Modigliani A. The changing culture of affirmative action // Research in political sociology. Vol. 3 / eds. R.G. Braungart, M.M. Braungart. Greenwich: JAI, 1987. P. 137–177.
- Lee N.J., McLeod D.M., Shah D.V. Framing policy debates: Issue dualism, journalistic frames, and opinions on controversial policy issues // Communication Research. 2008. № 35 (5).
- Luhman J.T. Narrative processes in organizational discourse // Emergence: Complexity and organization 7 (3–4). Special issue: Complexity and storytelling / eds. D. Snowden, D. Boje, K. Baskin. Mansfield: ISCE Publishing, 2005. P. 15–22.
- Ochs E., Capps L. Living narrative: Creating lives in everyday storytelling. Cambridge: Harvard University Press, 2001.
- Pan Z.D., Kosicki G.M. Framing as a strategic action in public deliberation // Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world /

eds. S.D. Reese, O.H. Gandy, A.E. Grant. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. P. 35–66.

Popkin S. The reasoning voter: Communication and persuasion in presidential campaigns. Chicago: University of Chicago, 1994.

Ross M.H. The political psychology of competing narratives: September 11 and beyond // 10 years after September 11. A Social Science Research Council Essays Forum (2011). URL: <http://essays.ssrc.org/sept11/essays/ross.htm> (дата обращения: 11.09.2012).

Ryan M.-L. Narrativity and its modes as culture-transcending analytical categories // Japan Forum. 2009. № 21 (3). P. 307–323.

Schön D.A., Rein M. Frame reflection. Toward the resolution of intractable policy controversies. N.Y.: Basic Books, 1994.

Simon H.A. Models of man: Social and rational. N.Y.: Wiley, 1957.

Simons H.W. The carrot and stick as handmaidens of persuasion in conflict situations // Perspectives on communication in social conflict / eds. G.R. Miller, H.W. Simons. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1974. P. 172–205.

Stone D.A. Policy paradox and political reason: The art of political decision making. N.Y.: WW Norton and Company, 1988.

van Hout T., Jacobs G. News production theory and practice: Fieldwork notes on power, interaction and agency // Pragmatics. 2008. № 18 (1). P. 59–85.

White H. The content of the form: Narrative discourse and historical representation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.

N.Ph. Ponomarev

Reader of Journalism Department

Perm State National Research University

COGNITIVE AND LINGUISTIC MECHANISMS OF NARRATIVE POLITICAL FRAMING

The article deals with cognitive and linguistic mechanisms of narrative political framing as a problem definition strategy. The author explains factors that determine expediency of narrative framing in public political communication.

Key words: framing; narrative; intertextuality.

Пустовалов Алексей Васильевич
доцент кафедры журналистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
theyareeverywhere@gmail.com

БРИТАНСКАЯ ПРЕССА ОНЛАЙН: ФОРМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена проблемам и перспективам развития английских газет в условиях сосуществования двух платформ – печатной и цифровой (онлайновой). Подчеркивается кризисность состояния традиционной печатной формы и постоянный рост новой, цифровой; отмечается качественное изменение, обновление и увеличение аудитории газет. Изучается позиция газет в социальных сетях как фактор оценки их влияния на аудиторию. В связи с трансформацией природы СМИ ставится вопрос о необходимости разработки объективных и независимых параметров оценки положения прессы онлайн, а также комплексного анализа нескольких форм газеты как единого целого.

Ключевые слова: бумажная и электронная пресса; трансформация аудитории качественной прессы; СМИ онлайн и в социальных сетях; проблемы количественной оценки; оценка влияния.

На сегодняшний день практически нормой за рубежом становится считать основной электронную форму газеты, а печатную – дополнительной; стратегия *Web first* («Сначала – интернет») чем дальше, тем более предпочтительной становится по всему миру. Дело тут не только в дороговизне печатной формы, но в разнообразии возможностей, предоставляемых электронной формой (возможность поиска по архиву по теме или автору, наличие аудио- и видеоподкастов, блогов, слайд-шоу, возможности RSS-подписки, и пр.). Неслучайно четыре года назад Джон Йемма, главный редактор известнейшего по обе стороны Атлантики издания *Christian Science monitor* (средний возраст читателей которого – 64 года) в интервью *Financial Times Deutschland* заявил о бесперспективности печатной формы и огромном выигрыше формы электронной [Yemma 2009].

2000-е гг. стали во многом роковыми для тиражей печатной прессы, не только британской, но и всего мира. Вряд ли когда-нибудь какая-то из национальных британских газет вновь достигнет отметки 4 или 5 млн. экз., как это было в 1960-е, 1970-е, 1980-е и даже 1990-е гг. Но уже в 1990-х этот процесс принял тревожные масштабы. Подводя

итоги последнему десятиетию XX века, С. Беглов констатировал, что между 1990 и 1999 гг. у большинства английских газет наблюдается «отрицательный баланс тиражей» [Беглов 2000: 40].

Даже при простом сопоставлении приводимых С. Бегловым цифр за 1990 г. с цифрами нынешних тиражей мы видим, что положение как минимум не улучшилось.

Вместе с тем, по утверждению аналитиков, сегодня газетная индустрия сильна, как никогда раньше, аудитория прессы увеличивается небывалыми темпами, и это как раз за счет обращения к газетам онлайн [Kilman 2012]; более легкий доступ к новостям в течение всего дня увеличивают привлекательность традиционных медиабрендов и стимулируют развитие журналистики в целом [The State of the News Media 2012: 3].

Интересно, что **общее количество читателей качественных газет онлайн – не меньше, а порой и больше, чем количество читателей массовых газет!** В этом смысле как раз показателен опыт Англии, классической страны прессы. Это связано с обновлением аудитории газет, переселяющихся в интернет: возможно, те из читателей, которые ранее не имели возможности читать более дорогие качественные газеты, охотно стали делать это онлайн, где часто можно делать это бесплатно. Так, онлайн-версия *Guardian* в первое десятилетие двухтысячных нередко собирала у себя больше уникальных посетителей, чем любая из массовых газет, хотя любая из них уверенно обходила ее по тиражу.

Конечно, онлайн-версия *Guardian* на своей платформе имеет не только своих визитеров, но и желающих почитать ее воскресное продолжение – *Observer*. Массовые газеты на своих ресурсах тоже размещают представительства не только ежедневной газеты, но и воскресной и различных дополнений. Иными словами, на онлайн-ресурсе мы часто имеем не одну, а две газеты, (а зачастую больше, чем две газеты: например, сайт *mirror.co.uk* является представителем *Daily Mirror*, *Sunday Mirror* и *People*). В результате этого зона соперничества онлайн сужается: **ежедневники с воскресным продолжением (*sisters*) становятся одним изданием, поэтому разница между ежедневным и воскресным изданием стирается.** В британской зоне интернета (да и часто в целом по миру) с его требованием постоянного обновления новостей из этого правила нет исключений: так, *Daily Telegraph*, классический ежедневник без воскресного продолжения, в отличие от собственной печатной версии, не прекращает публикацию новостей и по воскресеньям.

Сегодня до сих пор не утихает конфликт между поклонниками двух форм бытия газеты: сторонники печатной формы говорят о том, как приятно трогать руками свежий номер газеты, вдыхать запах типографской краски, перегибать ее как угодно и куда угодно носить; сторонники электронных форм в Британии презрительно именуют бумажное чудо XVII–XX веков «чернилами на мертвом дереве». Спор этот пока лишен смысла; хотя издатели и аналитики предполагают, что в недалеком будущем многие газеты смогут предлагать печатную версию только по воскресеньям, а газета на бумаге останется предметом редкого и узкоэлитарного потребления, перейдя почти полностью на электронные формы бытия. Сегодня мы находимся в ситуации, когда обе формы взаимодействуют и дополняют друг друга. «Возможно, это время скоро кончится», – рассуждает Рей Гринслейд, ведущий обозреватель *Guardian*, специализирующийся на анализе тенденций современных медиа, – «... но пока мы можем наслаждаться этим беспрецедентным периодом существования в смешанном медиаокружении. Одновременно мы должны набраться храбрости и экспериментировать во всех возможных направлениях: от этого зависит будущее журналистики» [Greenslade 2010]. Гринслейд, профессор Лондонского городского университета и – одновременно – аналитик нескольких солидных британских газет, призывает «праздновать сегодняшний смешанный медиамир». Это – самое мудрое, что можно посоветовать спорщикам.

Гринслейд полагает, что перспективы сегодняшней газеты зависят от успеха и печатной, и онлайновой форм. И Англия, классическая страна прессы, показывает нам две модели такого успеха: модель *Daily Mail* и модель *Guardian*. Обе газеты очень популярны онлайн, и обе показывают сравнительно неплохие результаты, существуя в печатной форме. Но *Daily Mail* предлагает в случае с печатной и онлайн-версией два разных типа контента и ориентацию на два разных типа аудитории. У *Guardian* в обоих случаях – одни и те же аудитория, стиль и контент. Есть ли разница, если под журналистикой мы понимаем не только цифры тиража и онлайн-посещений? Есть ли разница в степени влияния газет – *Guardian* с ее стабильной и вдумчивой аудиторией и *Daily Mail* с аудиторией разношерстной и зачастую случайной? Как констатирует британский аналитик Уилл Стаджен, аудитория *Guardian* более сбалансирована, за более скромным, но более заслуженным успехом онлайн-версии *Guardian* стоит «более лояльное, более преданное, более плотное сообщество читателей и друзей в социальных сетях» [Sturgeon 2011].

Сегодня газетный бизнес, как к новому правилу, приходит к необходимости учитывать показатели обеих – и печатной, и электронной платформ. Кроме того, одним из факторов, обуславливающих их общий успех, считается востребованность в соцсетях (на примере онлайн-лидера Америки – *New York Times* с ее рекордными почти тремя миллионами лайков в *Facebook* – такая зависимость отчетливо видна).

В ответ на потребность в таких комбинированных цифрах в Англии в 2012 г. была создана организация «National Readership Survey» (NRS), целью которой стало выяснить, сколько *действительно* читателей того и иного рода есть у газеты [Rogers 2012]. И что важно, NRS вместе с другими аналитиками ввела новую традицию – традицию комбинированного подсчета читательской аудитории.

Продолжая эту традицию, приведем свой подсчет. Взяв данные ABC газет в печати (ежедневные плюс воскресные, средний тираж за февраль 2013 г.) и в веб (средняя ежедневная посещаемость) и добавив к ним собственные данные об аудитории в соцсетях, приведем сводку данных по этим трем параметрам (в млн.) по каждой интересующей нас газете.

Ft.com ¹	0,69	–	0,13
Thetimes.co.uk	1,3	–	0,12
Independent.co.uk	0,49	1,2	0,38
Mirror.co.uk	2,47	1,06	0,16
Telegraph.co.uk	0,96	3,1	0,37
Guardian.co.uk	0,428	4,3	1,69
Thesun.co.uk	4,2	1,8	1,19
Dailymail.co.uk	3,5	7,9	0,34

Тезис У. Старждена о сбалансированности «лояльной и преданной аудитории» газеты вполне проверяем. Мы видим, что успех газеты *Guardian* и ее ближайших конкурентов (кроме *Daily Mail!*) обязательно подкреплен успехом в соцсетях (откуда зачатую приходит наиболее лояльная аудитория), также можно увидеть определенный баланс между разными видами читателей. На троих читателей онлайн-*Guardian* (чуть меньше у *Sun*, чуть больше у *Independent*) приходится один друг в соцсетях. Несколько более скромные цифры у *Mirror* и *Telegraph*: только один из шести онлайн-читателей в случае с первой и один из восьми со второй может являться их другом в соцсетях. (Поскольку пока критериев в этом вопросе нет, можно считать этот британский опыт за ориентир.)

Что же до *Daily Mail*, то дружкой в соцсетях потенциально связан лишь один из двадцати трёх (!!!) посетителей сайта газеты. Что же за аудитория приходит на ее сайт? Вряд ли это «лояльный и преданный» читатель? Думается, что это – случайный, хотя и обильный, улов, попавший в сети специалистов по оптимизации поисковых запросов, за чье хитроумие газета готова платить.

Вместе с тем нельзя не согласиться с исследователем П. Престоном в том, что *Daily Mail* «дерется нечестно», однако она единственная из британских газет, которая может себе позволить не брать с читателя деньги, потому что такой «взлет трафика быстро привлекает рекламу» [Preston 2010]. И если с точки зрения контента и аудитории газета противостоит всем другим британским изданиям, решительно разделив редакции печатной и онлайн-версии, она работает в двух разных направлениях, то с точки зрения возможности свободного доступа к материалам газеты она идет в авангарде: ее читателю перспектива платного потребления информации точно не грозит.

При анализе позиций газет в соцсетях заметна еще одна тенденция: **массовые издания здесь не имеют такой аудитории, как их печатные версии, а качественные издания по количеству подписчиков (и, как следствие, по влиянию в интернете) могут обгонять массовые издания!** (Примерно то же характерно для их онлайн-ресурсов). Такие качественные издания, как *Guardian*, *Financial Times*, *Independent*, *Daily Telegraph* вполне могут соперничать здесь с такими гигантами, как *Sun*, *Daily Mail*, *Daily Mirror*, часто опережая их как по количеству приверженцев в отдельных сетях, так и по общему числу друзей в соцсетях в целом. **Характерно, что в пятерке лидеров соцсетей лишь одно массовое издание – *Sun*, а все остальные – качественные!** Иначе говоря, сюда вошла почти вся пятерка ежедневной качественной прессы, тогда как *Daily Mail* – лишь на шестом месте, что вновь ставит под сомнение ее позицию как национального интернет-лидера. Отметим также, что *Times*, печатная версия которой традиционно остается достаточно влиятельной, в соцсетях занимает в десятке одно из последних мест. Очевидно, это результат монетизации ее информационных услуг и, как следствие, их малой доступности на просторах интернета, что, чем дальше, тем больше ведет к упадку газеты онлайн.

В целом при анализе позиций британских газет в соцсетях мы уже можем сделать предположение о том, что **переход в интернет более благоприятным образом сказался не на массовой, а на качественной прессе!** В таких показателях, как количество аудитории, влияние на нее,

качественная британская пресса в XIX веке стала превосходить массовую, что весьма необычно по сравнению с XX веком.

С 2010 г. слышны голоса пессимистов, утверждающих, что рано или поздно весь контент газет онлайн будет потребляться только платно, повторяя путь мердоковских *Times* и *Sunday Times*. По мнению, например, Д. Митчелла, *Guardian* и прочие газеты, позволяющие свободно читать свои материалы, прививают аудитории порочную привычку не платить за то, что составляет чью-то интеллектуальную собственность, после чего та «счастлива их довести до нищеты». Митчелл полагает, что возможность непосредственно взимать плату за чтение профессионального журналистского материала – это вопрос «будущего журналистики как оплачиваемого ремесла»; в конечном счете, это благо и для читателя: «многие люди ценят лишь то, за что они платят» [Mitchell 2010]. Поэтому Митчелл считает благом тот путь монетизации журналистского контента, который избрал Руперт Мердок для *Times* и *Sunday Times*.

Итак, Британия, классическая страна прессы, с точки зрения экономических перспектив не только для собственных СМИ, но и (в силу своей «эталонности») для СМИ других стран представляет несколько путей развития. Первый – предложенный Мердоком путь оперативной и непосредственной оплаты журналистского труда. Второй, также достаточно оперативный путь *Daily Mail*, – это оплата журналистского труда через рекламные деньги, привлеченные внушительным числом пользователей ресурса, накрученного хитростями поисковой оптимизации и упором в контенте на сплетни о знаменитостях, откровенными фотографиями, и пр. Третий, очевидно, более долговременный и трудозатратный, путь *Guardian*, *Independent*, *Telegraph*, и пр., – постепенное накопление и воспитание лояльной аудитории на всех доступных платформах с перспективой каким-то образом (это и есть самый больной вопрос) перевести ее внимание в деньги.

Примечания

¹ Показатели по онлайн-версиям *Financial Times* и *Times* отсутствуют, поскольку они не предоставлялись *ABC* и не публиковались *Guardian*.

Библиографический список

Беглов С.И. Печать Великобритании // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2000. № 3. С. 44–56.

Greenslade R. Time is short for papers to adapt to world of mixed media // London Evening Standard, 24.10.2010. URL: <http://www.standard.co.uk/business/markets/time-is-short-for-papers-to-adapt-to-world-of-mixed-media-6539670.html> (дата обращения: 02.04.2013).

Killman L. World Press Trends: Newspaper Audience Rise, Digital Revenues Yet to Follow // The World Association of Newspapers and News Publishers, 03.09.2012. URL: <http://www.wan-ifra.org/press-releases/2012/09/03/world-press-trends-newspaper-audience-rise-digital-revenues-yet-to-follow> (дата обращения: 02.04.2013).

Mitchell A., Rosenstiel T., Christian L. What Facebook and Twitter Mean for News // The Pew Research Center for Excellence in Journalism. The State of the News Media 2012. URL: <http://stateofthemedias.org/2012/mobile-devices-and-news-consumption-some-good-signs-for-journalism/what-facebook-and-twitter-mean-for-news/> (дата обращения: 02.04.2013).

Mitchell D. Rupert Murdoch may be evil, but that doesn't mean his paywall is Guardian. 11.07.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2010/jul/11/rupert-murdoch-guardian-paywalls> (дата обращения: 02.04.2013).

Preston P. New York Times bows to Mail Online – for now // Guardian. Mediablog, 29.01.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/media/2012/jan/29/new-york-times-mail-online> (дата обращения: 02.04.2013).

Preston P. The Mail's online miracle: or how to get paid without a paywall // Guardian. 18.07.2010. URL: <http://www.guardian.co.uk/media/2010/jul/18/peter-preston-mail-online-paywall> (дата обращения: 02.04.2013).

Rogers S. Digital and newspaper readerships combined: figures for major UK newspaper and magazine // Guardian, Datablog. 12.09.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/news/datablog/2012/sep/12/digital-newspaper-readerships-national-survey> (дата обращения: 02.04.2013).

Sturgeon W. Newspapers and a changing audience // The Media Blog, 08.05.2011. URL: <http://themediablog.typepad.com/the-media-blog/2011/05/media-readers-twitter-social-infographic.html> (дата обращения: 02.04.2013).

The State of the News Media 2012 // The Pew Research Center for Excellence in Journalism. URL: http://stateofthemedias.org/files/2012/08/2012_sotm_annual_report.pdf (дата обращения: 02.04.2013).

Yemma J. Zeitung flüchtet ins Netz // Financial Times Deutschland. 10.05.2009. URL: <http://www.ftd.de/it-medien/medien-internet/zukunft-des-journalismus-zeitung-fluechtet-ins-netz/510510.html> Перевод на рус.: Джон Йемма: «Печатная журналистика бесперспективна» // Медиаспрут. Теория и практика. URL: <http://www.mediasprut.ru/jour/theorie/yemma.shtml> (дата обращения: 25.03.2013).

A.V. Pustovalov

Reader of Journalism Department

Perm State National Research University

BRITISH NEWSPAPERS ONLINE: FORMS AND PERSPECTIVES

The article is devoted to problems and perspectives of development of English newspapers in situation of coexistence of two platforms – print and digital (online). It registers a crisis in state of traditional print form and continuous growth of a new, digital one; it also stresses a qualitative change, renewal and growth of the newspaper's audience. It analyses a position of the newspapers in social networks as a factor of estimation of their influence on the audience. In connection with transformation of media nature it

claims the necessity of forming of objective and independent parameters of estimation of online newspapers position as well as complex analysis of different form of newspaper as a whole.

Key words: print and electronic press; transformation of audience of quality press; mass media online and in social networks; problems of quantitative assessment; assessment of the impact

УДК [070:82.01] – 055.2

Русинова Ксения Александровна
студентка 4 курса филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
xenrus@yandex.ru

Черепанова Лариса Львовна
доцент кафедры журналистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Cherkaf@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ ЖЕНСКОМ ЖУРНАЛЕ

В статье представлены результаты исследования образа женщины в российском журнале XIX века «Женский Вестник». Характерные черты образа женщины, установленные в ходе исследования, связывают женские журналы разных исторических периодов. Обращение к истории женского журнала позволяет не только проследить становление это типа СМИ, но и выявить факторы, повлиявшие на формирование журнала и образа женщины в нем.

Ключевые слова: медиаобраз женщины; женский журнал; гендерные стереотипы.

Вариативность медиаобразов женщины, создаваемых российскими СМИ, в исследованиях справедливо связывается с социальными, экономическими и политическими условиями. С изменениями внешних условий происходит и трансформация медиаобраза женщины. Изучая особенности образа женщины перестроечного и постперестроечного периодов, Н.И. Ажгихина, А.В. Кириллина, А.Г. Ланько, Л.А. Воронова, И.А. Балалуева отмечают сексуализацию образа, подчеркнутое внимание СМИ к внешней привлекательности и возрасту героинь

публикаций. По мнению исследователей, типичными в современных СМИ стали медиаобразы «домохозяйка», «сексуальный объект», «женщина во власти», «бизнес-леди». Неизменно популярной остается «женщина, разрывающаяся между семьей и работой». Чтобы выявить истоки формирования этих типов мы обратились к одному из первых женских журналов России.

Объектом нашего исследования стал литературный журнал «Женский Вестник», который выходил в Петербурге с сентября 1866 г. по январь 1868 г. Журнал выпускался объемом от 20 до 25 полос (издательница А.Б. Мессарош, редактор Н.И. Мессарош). Из названия журнала понятно, что он был ориентирован на женскую аудиторию. Материалом исследования послужили семь выпусков журнала с 1866 по 1867 год.

Поскольку журнал был литературным, в *Основном разделе* печаталась публицистика и беллетристика. Вторым крупным разделом было *Современное обозрение* – критика и библиография. Значительно меньший объем занимали остальные разделы: *Библиографическое обозрение*, *Заграничная жизнь*, *Внутреннее обозрение*, *Наша современная журналистика*, *Новости петербургской жизни* и *Смесь*.

Среди авторов журнала были идеолог якобинского направления в народничестве П.Н. Ткачев, близкий к представителям «Народной Воли» писатель Г.И. Успенский, а также писательница, деятель русского женского движения Е.И. Конради. При этом количество публикаций, подписанных мужскими именами, в целом в журнале преобладает: В.В. Чуйко, Н.Г. Помяловский, П.А. Миртов, Н. Артов, Н. Бельский, Н. Черной, Н. Соколовский, Л. Пальмин, С.Я. Капустин, А. Михайлов, М. Палвховский, Я.П. Полонский. Женские имена немногочисленны: помимо Евгении Конради, Анна И-чь, Вера Павловская, Н. Вольская; несколько публикаций подписано инициалами, не поддающимися расшифровке: Н.М., М-на, В.Я., Т-ва, К. Г-ва, С., А.С.

В современной журнальной практике мы вряд ли найдем столь маскулинный состав авторов женского журнала. Это существенная характеристика «Женского Вестника», и связана она, разумеется, с особенностями социального, политического, экономического и гендерного порядка общества, к изменению которого журнал стремился.

Как заявлено редакцией журнала, в нем освещаются вопросы, актуальные для женщин второй половины XIX века: «Главная задача нашего журнала будет состоять в том, чтобы, обсуждая с разных сторон современное положение русской женщины, *изыскивать средства к улучшению этого положения на всех путях ее разумной и полезной деятельности, практически указывать на те отрасли труда, где*

женщина, самостоятельно улучшая свой экономический быт, может быть более полезна семье или обществу (выделено авт.)» [Русская периодическая печать 1959: 479]. Таким образом, редакция журнала «Женский Вестник» ставит своей целью вовлечение женщины в экономическую сферу и видит в этом основной путь, ведущий к улучшению ее положения в социуме. На наш взгляд, это представляет особую ценность для исследований, посвященных становлению женской гендерной идентичности, поэтому предметом нашего исследования стал образ женщины в этом журнале.

Результаты проблемно-тематического анализа показали, что публикации, в которых реализуется концепция журнала, составляют приблизительно лишь третью часть от общего объема. Они связаны преимущественно с темами *женского образования* (В. Павловская «Высшее образование женщины», вып. № 6; «Елизавета Блекуель», вып. № 2; Е. Конради Заграничная жизнь, вып. № 2; А. И-чь «Книга женщины девятнадцатого столетия», вып. № 3; В.В. Чуйко «Внутреннее обозрение», вып. № 4), *женского труда* (П.Н. Ткачев «Влияние экономического прогресса на положение женщины и семьи», вып. № 2; «Внутреннее обозрение», вып. № 3; С.С. Т...ва «Очерки женского труда», вып. № 7), *здоровья* («Гигиена» и «Уход за детьми физиологический и нравственный», перевод, составители Барановский, Комб, вып. № 3; В.Я. «Природа раннего детства», вып. № 4; Н.М. «Популярные лекции о холере», вып. № 4). Очевидно, по мнению редакции журнала, именно эти проблемно-тематические направления должны были воздействовать на аудиторию посредством информации, наиболее значимой для достижения журналом поставленной цели.

Посредством контент-анализа в семи выпусках журнала (с декабря 1866 г. по ноябрь 1867 г.) выявлялись тексты, в заголовках и в содержании которых упомянуто слово «женщина» и его синонимы. Таких текстов обнаружено четыре: *П.Н. Ткачев. Влияние экономического прогресса на положение женщины* («Женский Вестник», 1866 г., № 2); *Анна И-чь. Книга женщины девятнадцатого столетия* («Женский Вестник», 1867 г., № 3); *Внутреннее обозрение* («Женский Вестник», 1867 г., № 3); *Внутреннее обозрение* («Женский Вестник», 1867 г., № 4).

Для выявления смыслов, характеризующих медиаобраз женщины, который создавался в журнале, и особенностей гендерного порядка в российском обществе 60-х годов XIX века был проведен лексический анализ текстов. С этой целью применена методика, разработанная А.В. Кирилиной [Кирилина, Томская 2005] и широко применяемая в гендерных исследованиях текстов. Лексический анализ позволяет установить неявные смыслы, которыми автор текста наполняет образ

подсознательно. Из текстов выделены лексические единицы, семантически связанные с концептом «женщина»: 31 существительное, 28 прилагательных, 32 глагола.

Представим наиболее частотные *существительные*, синонимичные слову «женщина» (по убыванию): *мать, жена* (19 % от общего количества выписанных существительных), *женщина-врач* (16 %), *родительница, девушка* (12 %), *учительница, госпожа, работница* (9 %).

Результат оказался неожиданным: образ женщины-героини в журнале «Женский Вестник» связывается с традиционными номинациями: *жена, родительница*, но при этом – *женщина-врач*, т.е. работающая, а значит, обладающая материальной *независимостью* женщина. Напомним, что исследователи отмечают подобную черту образа женщины и в современных журналах: «женщина, разрывающаяся между семьей и работой».

Несколько прояснился этот результат при анализе *прилагательных*. Среди наиболее частотных обнаруживаем: *энергичная, публичная* (упоминается в 14 % случаев); *сумасшедшая, добрая, красивая, бедная* (10 %). Ниже в рейтинге расположились прилагательные: *слабая, твердая, молодая* (7 %).

Преобладающие характеристики героини, таким образом, связаны с ее большими душевными и физическими силами. Женщина *социально активна*. Но отношение к такому ее поведению выражается, на наш взгляд, определением *сумасшедшая* (используется в качестве характеристики женщины, получающей образование), чем подчеркивается некая нестандартность такого образа женщины.

Характер активности женщин устанавливался путем выявления смыслов через *глаголы*. Первые позиции занимает глагол *работать* (18 %), имеющий широкий смысл. Однако непосредственную связь этого глагола с трудовой деятельностью, на наш взгляд, демонстрируют глаголы, занимающие в рейтинге позиции ниже, после существенного перепада: *получать* (причем таким же частотным оказалось словосочетание *получать образование*), *познакомиться, приехать, заниматься* (9 %); еще ниже в рейтинге обнаруживаем глаголы *трудиться, рожать, зарабатывать, изучать, содержать, решаться, понять, умирать* (6 %).

Отметим важную, на наш взгляд, характеристику героини в «Женском Вестнике»: это женщина, занятая трудом, работающий человек. На уровень квалификации женщины отчасти указывает словосочетание *получать образование*. Поясним: получая образование, женщина могла приобрести профессию, а вместе с этим иметь и более высокий трудовой статус. Если исходить из этого предположения, более

высокий трудовой статус имеет лишь часть женщин-героинь, поскольку частотность этого словосочетания – 50 % от частотности глагола *работать*.

Итак, редакция журнала «Женский Вестник» в его первом номере назвала своей основной целью обсуждение социального положения женщины и поиски путей по его улучшению. Редакция связывает достижение этой цели с новым этапом социализации женщины – вовлечением ее в экономическую сферу, т.е. с *обретением ею новых социальных ролей*. Жизнь женщины-героини журнала не ограничивается только домом: героиня активна, в том числе и социально. Но ее профессиональные возможности ограничены определенными сферами (чаще это сфера медицины), нередко женщина выполняет тяжелый физический труд (например, работает на ткацкой фабрике). При этом в половине анализируемых текстов информационный повод связан с зарубежными событиями и персонами: *П.Н. Ткачев. Влияние экономического прогресса на положение женщины (Англия); Анна И-чъ. Книга женщины девятнадцатого столетия (Франция)*.

На зарубежном фактическом материале построено большинство публикаций во всех семи выпусках журнала. Информационный повод публикаций связан преимущественно с событиями на Западе: в Европейских странах (Англия, Франция, Германия) и Америке. Естественно, и героями публикаций были персоны, жившие за пределами России – в прогрессивной Европе или в Америке: «Общества рабочих в Германии» – вып. № 5, биографический очерк о Елизавете Блекуель (американка, первая женщина-хирург) – вып. № 2; статья «Женщины во Франции в XVII и XVIII веках» – вып. № 4 и др. Информационный повод, связанный с российскими событиями, обнаружен нами в трех выпусках из семи. Например, материал о женском училище во Владимире, об обществе, организованном для помощи бедным женщинам, – вып. № 4, Внутреннее обозрение.

Таким образом, журнал предъявлял аудитории западный опыт социализации женщины посредством таких жизненных сценариев, которые должны расширить и повысить ее социальный статус. Однако намерение привить прогрессивные западные образцы поведения женщины в текстах нередко сопровождается негативной его оценкой. Заметим, что оценка такого гендерного поведения обнаруживается на лексическом уровне. Вероятнее всего она дается авторами подсознательно, ведь многие из них официально были сторонниками прогрессивных взглядов.

Отметим, что после закрытия журналов «Современник» и «Русское слово» «Женский Вестник» пытался стать преемником демократических

изданий и занимал наиболее левую позицию в прессе. Однако четкой общественно-политической программы журнал не придерживался, за это он получил отрицательную оценку от Д.И. Писарева и Н.А. Благовещенского, а затем и совсем был закрыт [Русская периодическая печать 1959: 479].

Подведем итог. Желание изменить социальный статус российской женщины, вмешаться в консервативный гендерный порядок обернулось в журнале «Женский Вестник» своеобразной попыткой «привить» на российской почве некий западный и, вероятно, не совсем органичный для России образец. Возможно, поэтому основной характеристикой образа женщины в журнале остаются стандартные роли матери и жены, эти типичные для России образы ярко проявляются и в формально прогрессивных в проблемно-тематическом отношении материалах. Авторы «Женского Вестника», несмотря на заявленную цель, транслировали в общественное сознание медиаобраз женщины, в значительной степени наполненный стандартными, стереотипными смыслами. Многие из них без труда обнаруживаются и в современных СМИ. Популярность медиаобраза «женщина, разрывающаяся между семьей и работой» постоянно присутствует в СМИ, хотя интенсивность его проявления в разные исторические периоды менялась. Эту особенность, на наш взгляд, можно рассматривать как одну из типичных черт российских медиа и женских журналов в частности.

Исторический подход к изучению женского образа в российских журналах представляет собой богатый исследовательский материал и, на наш взгляд, позволяет установить наиболее точный механизм формирования модели женского журнала в типологическом аспекте.

Библиографический список

Женский вестник // Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 479–481. // ФЭБ [электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-4791.htm> (дата обращения: 01.04.2013).

Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата обращения: 01.04.2013).

К.А. Rusinova

Student of Philological Faculty, 4th year
Perm State National Research University

L.L. Cherepanova

Reader of Journalism Department
Perm State National Research University

ON FEMALE IMAGE CONSTRUCTION IN RUSSIAN WOMAN'S JOURNAL

The article presents the studies into the female image as a type that has been revealed in the XIX century Russian journal "The Woman's Herald". The characteristic features of the female image, being identified in the study, make it possible to associate Russian women's magazines of different historical periods. The appeal to the history of the woman's magazine development as a type makes it possible not only to trace the formation of this type in the Russian printed media, but also to identify both the factors that have influenced the formation of the magazine under study and the female image that it has implied.

Key words: media figure women; women's magazine; gender stereotypes.

УДК 81'42

Тихомирова Лариса Сергеевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tikhomirova.lar@yandex.ru

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ¹

В статье коммуникативно-прагматический подход к научно-техническому рекламному тексту раскрывается с помощью лингвопрагматических приемов. Рассматриваются стратегии и тактики речевого воздействия в данной сфере коммуникации.

Ключевые слова: научно-технический рекламный текст; научно-техническая реклама; стратегии и тактики рекламной коммуникации.

Научно-технический рекламный текст как лингвистическое явление сравнительно недавно стал объектом интереса современной лингвистики. Обзор трудов в соответствующей области знания позволяет детально рассмотреть рекламный текст в различных аспектах: структурно-семантическом, прагматическом, психолингвистическом, сопоставительном и др. Многогранность и разноплановость подходов к изучению текста рекламы объясняется, на наш взгляд, существенной ролью, которую реклама играет в жизни современного человека. Следует заметить, что некоторые ученые (Т.Б. Ерохина, А.Н. Лебедев, П.Н. Махнин и др.) по степени воздействия на читателя сравнивают

рекламу с религиозными и мифологическими культурами [Махнин 2005: 36].

Сегодня в лингвистике нет четкой дефиниции научно-технического рекламного текста. Мы придерживаемся трактовки, данной Р.А. Ивановой, которая понимает научно-технический рекламный текст как «текст, содержащий информацию о потребительских свойствах научно-технических изделий с целью продвижения данного продукта на потребительском рынке» [Иванова 2012: 163].

Коммуникативно-прагматический аспект научно-технического рекламного текста тесно связан со спецификой воздействия печатной рекламы на потребительскую аудиторию и восприятия рекламы потребителем. Любое рекламное объявление – это «своеобразный акт коммуникации, где имеются *участники (субъекты речи), способ контакта, код / язык, реакция на него*» [Там же: 164].

Проблема эффективности речевого сообщения в научно-технической рекламе (далее НТР) чрезвычайно актуальна на современном этапе развития коммуникативистики в связи с тем, что основная задача рекламодателя в этом процессе – предопределить развитие ситуации общения таким образом, чтобы вызвать определенные изменения в поведении потенциального партнера по коммуникации.

НТР как интерактивное общение с позиций лингвоперсонологического подхода представляет собой (за основу берется концепция Н.Д. Голева [Голев 2004]) взаимодействие языковых личностей в определенном персонологическом пространстве – в сфере науки и техники. Языковые личности, иницирующие общение, – субъект речи (автор текста) – и выступающие в качестве реципиента – адресат речи, являются активными участниками коммуникативного процесса: каждая из них, руководствуясь своими мотивами, целями, установками, учитывает при этом мотивы, цели, установки другого – своего «собеседника». Субъект речи, таким образом, воспринимает адресата не как объект, а как активного участника коммуникативного процесса. Это означает, что в НТР имеют место субъект-субъектные отношения, строящиеся на взаимодействии, взаимопонимании.

На основе собственных представлений и предположений относительно адресата субъект речи (автор) НТР старается «угодить» своему собеседнику, его запросам и потребностям. Иначе говоря, он приспособливается к адресату, реализуя свою многогранность. Субъект речи надевает на себя различные «маски», создавая нужный ему образ, имидж «себя»: имидж представляет собой специфический образ

воспринимаемого объекта, лица, когда ракурс восприятия умышленно смещен. В этом плане в НТР наблюдаются следующие варианты речевого поведения субъекта речи:

Автор текста может действовать настойчиво, убедительно, в приказательном тоне. В этом случае он предстает как Профессионал, авторитет, которому можно доверять:

Все возможности (сварочной) дуги. Она (дуга) вам нужна! Ее легко использовать. Расходы на нее окупятся. Очень скоро.

Субъект речи может вести себя как Друг, со всей готовностью «стремящийся» помочь своему «сослуживцу» разобраться в его проблемах, приводя убедительные факты и аргументы в пользу приобретения рекламируемого товара. Например: *Компания ASI располагает решением проблем применительно к вашей индустрии! Мы можем помочь вам снизить расходы на ваш инвентарь (оборудование), материалы и на оплату труда.*

Автор текста может выступать очень убедительно, констатируя особенности товара и его производителя:

Существует два типа газовых баллонов для системы питания на сжиженном газе: цилиндрические и торосферические (по форме запасного колеса) В частности, завод «Калининградгазавтоматика» выпускает комплекты газового оборудования, предусматривающие использование цилиндрических баллонов вместимостью... Фирма Stako S.C. (Польша) выпускает около 40 вариантов как цилиндрических, так и торосферических баллонов для сжиженного газа (реклама газовых баллонов) [<http://www.os1.ru/article/service/2007>].

Автор текста может психологически выступить выгодным «партнером»:

Для продажи предлагается широкий список маркетинговых исследований, проведенных в последние годы без эксклюзивных ограничений клиента. Стоимость этих тиражируемых маркетинговых обзоров на порядок ниже, чем на новые исследования (реклама ЗАО МОСВНЕШИНФОРМ) [http://www.bci-marketing.ru/2002/a_26.htm].

На основе вышесказанного можно заключить, что субъект речи вычисляет тип адресата и, подыгрывая ему, создает соответствующий образ «себя». Так осуществляется манипулятивная функция языка НТР. Поскольку этот образ определяет построение текста, то можно сказать, что тип субъекта речи определяет тип текста НТР.

В рамках рекламного текста субъект речи (автор) создает образ идеального адресата, который, по его мнению, мог бы эффективно

включиться в коммуникацию, найти с ним «психологическую совместимость».

В процессе когнитивного моделирования образа адресата субъект речи как бы «расщепляет» личность воображаемого собеседника на отдельные аспекты. Адресат предстает в сознании субъекта речи то как «профессионал», то как «реальный человек», то как «психологический субъект» [Иванова 2012: 24]. Иными словами, субъект речи воспринимает адресата как сложное явление, «поворачивающееся» к нему своими разными «гранями». Исходя из своего представления об адресате, субъект речи рисует возможные варианты отношения адресата в «его множестве лиц» к его рекламному тексту.

Так, например, он допускает, что адресат-профессионал находит товар заманчивым, но адресату-«психологическому субъекту» может не нравиться манера, в которой подан рекламный текст, и он может не дочитать его до конца. В другом случае адресат-«психологический субъект», напротив, находит рекламный текст в своем вкусе по стилю и по оформлению, но адресат-профессионал этот же текст считает недостаточно информативным [Махнин 2005: 26].

Таким образом, в сознании автора проверяются разные варианты предполагаемых реакций отдельных «составляющих» личности адресата на рекламное обращение. Поэтому автор рекламного текста должен учитывать все аспекты своего текста, считаясь с запросами каждого из «лиц» адресата и стараясь каждому из них угодить. Сознательно или бессознательно автор НТР (текста) создает образ адресата согласно своим представлениям о его компетенции в данной сфере рекламы, о его запросах и потребностях, о его возможностях воспринимать и понимать рекламный текст.

Кроме образа адресата автор для реализации своей цели создает образ рекламируемому *продукту*. Известно, что автор НТР «моделирует заманчивый образ товара (рассчитанный на то, чтобы вызвать нужные для реализации коммуникативной задачи эмоциональные реакции адресата), умышленно смещает ракурс восприятия: он, включая эмоциональные апелляции к положительным сторонам товара, тем самым отводит адресата от фактических свойств товара» [Беклешов 1999: 67]. Автор рекламного текста предлагает не реальный товар со всеми присущими ему достоинствами и недостатками, а некий «образ» идеального товара, полностью соответствующий, как он полагает, запросам адресата, т.е. между рекламным образом и реальным объектом существует определенный «разрыв достоверности».

Образ товара строится на сочетании нескольких «составляющих». Так, обратимся к рекламному тексту газонаполнительной станции УГНС [<http://dioksid.ru>], в котором можно выявить несколько составляющих:

1) Составляющая, идентифицирующая характеристики товара технологического и газового плана.

Универсальная высокотехнологичная газонаполнительная станция УГНС (азотная установка).

2) Составляющая, характеризующая свойства товара: *В комплект УГНС входят мощнейшие поршневые насосы, оснащенные современной системой охлаждения, позволяющей сократить потерю сырья. Установка оснащена новейшей системой управления,*

3) Составляющая, характеризующая производительность товара: *УГНС имеет высокие показатели производительности, износостойкости и может применяться в самых суровых условиях внешней среды. Температурный режим работы установки от -60°C до $+45^{\circ}\text{C}$.*

4) Составляющая, характеризующая конкурентоспособность товара: *Преимущества азотной технологии освоения скважин: освоение скважин с большим отбором скважинной жидкости...; снижение уровня скважинной жидкости от 0 до 3500 м... Универсальная высокотехнологичная газонаполнительная станция УГНС – одна из последних уникальных разработок компании «Диоксид» в нефтегазовой отрасли.*

5) Составляющая, связанная с созданием соответствующего образа фирмы, ассоциируемым с качеством товара. Образ фирмы строится различными способами: сообщением информации, свидетельствующей о хорошей репутации, которой пользуется фирма, или даже о ее лидерстве в сфере ее функционирования, о длительности периода времени существования этой фирмы, о тенденциях ее развития, ее перспективах и др.:

Применение УГНС компании «Диоксид» в нефтегазовой отрасли делает значительно эффективнее такие процессы.

Все составляющие образа товара нацелены в своем воздействии на адресата-профессионала, так как при покупке каждый из этих аспектов товара оценивается соответствующим специалистом, входящим в коллегия специалистов по покупке товара.

В своей установке на адресата автор НТР выполняет целый ряд коммуникативных ролей с соответствующими им стратегиями и тактиками. Так, например, роль инициатора речи автор текста реализует через **стратегию дискурсивного позиционирования**. Эта стратегия выстраивания отношений между адресантом и адресатом как

социальными субъектами. Она реализуется через **тактику солидаризации с адресатом**, которая выражается в стремлении создать впечатление общности взглядов, интересов пишущего и аудитории. Достигается благодаря таким приемам, как:

1. Использование речевых форм установления контакта (обращение на Вы, конкретному сегменту рынка профессионалов, инженерам, проектировщикам, травматологам и т.д.): *Прикладные программные продукты для проектировщиков; Для травматологов. Применение нового тотального протеза тазобедренного сустава...*

2. Выражение согласия с оценкой проблемы, признанной адресатом: *Следует признать сегодня...; действительно, сегодня ситуация на рынке обстоит острая...*

Суть **тактики отождествления** состоит в демонстрации символической принадлежности автора текста (его продукта, логотипа, названия производителя) к определенной социальной, профессиональной, статусной группе. Чтобы рекламируемый продукт стал «своим» для аудитории, необходимо говорить на языке той социальной группы, которая составляет круг его покупателей: *Все ультразвуковые системы GE Healthcare разбиты на 3 серии:*

Серия Logiq – для общих исследований

Серия Vivid – для кардио-сосудистых исследований

Серия Voluson – для акушерства и гинекологии

Кроме указанных, приемами реализации тактики отождествления с адресатом можно считать использование в НТР разговорных фраз, известных афоризмов, цитирование всем известных прецедентных текстов или ссылка на них: *можно вспомнить массу анекдотов о водопроводных устройствах еще советских времен, у которых то гайки нет, то там потекло, то тут протекло... пришло время сказать НЕТ всем устройствам типа...*

Обозначение своей принадлежности к определенному профессиональному (научному) обществу, присоединение к адресату достигается автором НТР через **тактику дистанцирования**, опирающуюся на коммуникативную оппозицию «наш – ваш»: ***Наши фильтры в ведущих отраслях промышленности... Наши конкуренты на первом этапе заявляли, что новые разработки электрофильтров ЗАО «Кондор-Эко» не жизнеспособны. Однако успешный пуск электрофильтров... с нашей научно-технической и производственной базой заставил тендерную комиссию пересмотреть свое решение в нашу пользу*** [http://www.gazoochistca.ru/main/4_6.htm].

Таким образом, мы представили репертуар тактик речевого поведения в рамках единой **стратегии самопозиционирования**. Анализ

материала показывает, что в зависимости от особенностей адресата, его профессионального статуса, культурного уровня моделируется ситуация инициативного общения.

Из вышесказанного следует, что исходя из ориентировки в социальной ситуации, а также цели, условий и средств общения, автор текста НТР определяет коммуникативную задачу с учетом опыта, знаний, интересов адресата, т.е. осуществляет внутреннее смысловое программирование, формирует замысел текста. Кодирование смысловой программы языковыми средствами в НТР происходит путем выбора стратегий и тактик, наиболее соответствующих реализации авторского замысла, связанного с психологическим и речевым воздействием на адресата. В результате языкового кодирования смысловая программа воплощается в текст [Махнин 2005]. Данный принцип порождения текста отражает психологическую динамику осуществляемого автором рекламной коммуникации воздействия и его одновременную лингвопрагматическую направленность на построение структуры понимания текста и структуры воздействия на адресата.

Итак, личностное начало, связанное с творческой установкой автора текста, в целях повышения степени воздействия научно-технического рекламного текста на потребителя находит отражение в композиции текста, в отборе языковых и паралингвистических средств, в стиле текста, что свидетельствует о непосредственном влиянии прагматической установки субъекта речи на построение текста НТР. Сказанное, таким образом, означает, что прагматическая установка текста НТР и прагматическая установка автора текста во всей его многоаспектности и многофункциональности совмещаются, накладываются друг на друга таким образом, что обе названные установки детерминируют процесс текстообразования.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 11-34-00228a1.

Библиографический список

- Беклешов Д.В. Реклама в промышленности. М.: Экономика, 1999. 78 с.
- Голев Н.Д. Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18–21 марта 2004 г.). Труды и материалы М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 2–22.
- Иванова Р.А., Филиппова С.Ю. Функциональная нагрузка текста научно-технической рекламы // Науковий вісник Південноукраїнського державного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського. 2012. № 14. С. 161–168.

Махнин Н.П. Психолингвистические аспекты воздействия рекламных текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 204 с.

Шестакова И.Г. Лингвопрагматический аспект научно-технической рекламы // Филология и человек. СПб, 2008. № 3. С. 18–30.

URL: http://www.bci-marketing.ru/2002/a_26.htm (дата обращения: 28.08.2013).

URL: <http://dioksid.ru> (дата обращения: 28.08.2013).

URL: http://www.gazoochistca.ru/main/4_6.htm (дата обращения: 28.08.2013).

URL: <http://www.osl.ru/article/service/2007> (дата обращения: 28.08.2013).

L.S. Tikhomirova

Reader of Russian Language and Stylistic Department

Perm State National Research University

SCIENTIFIC AND TECHNICAL ADVERTISING IN COMMUNICATIVELY-PRAGMATICAL ASPECT

The article is devoted to the communicatively-pragmatical approach to the scientific and technical advertising text. This approach reveals by means of linguistics reception. Strategy and tactics of speech influence in the given sphere of the communications are considered.

Key words: scientific and technical advertising text; scientific and technical advertising; strategy and tactics of the advertising communications.

УДК 8:070

Фомина Наталья Юрьевна

студентка 4 курса филологического факультета

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

n.meluzova@gmail.com

IPAD-ЖУРНАЛЫ – БУДУЩЕЕ МЕДИАРЫНКА?

В статье характеризуется такое явление в современной журналистике, как переход печатных изданий в электронный формат. Описаны наиболее популярные и актуальные способы распространения медиаконтента, а именно – iPad-журналы, выявлены их особенности и технические возможности.

Ключевые слова: Apple; iPad; гаджет; журнал; медиа; мультитач.

Многие эксперты медиарынка давно прогнозируют гибель печатной прессы в ее первоначальном виде. На выставке IPEx-2010 Колин Томпсон в докладе, посвященном цифровым медиа, отметил, что распределение объема информации между печатной и электронной

формой ее представления к 2025 году составит 35 и 65 % соответственно. В прошлом году это соотношение было равным, в 1998-м – 70 против 30 % [Шмаков: 2011]. По мнению футуролога Росса Доусона, печатная пресса утратит свое значение в США в 2017-м году, в Англии – в 2019-м, а в России – в 2036-м [Dawson: 2010]. Чтобы выжить, издатели вынуждены осваивать инновационные технологии. Коренным поворотом в истории журналов может стать факт появления на рынке продукта компании Apple под названием iPad, а также его последующих поколений.

iPad – это интернет-планшет, позволяющий просматривать электронные версии газет и журналов, дополненные инновационными интерактивными возможностями и контентом. Ведущие издания оперативно отреагировали на появление iPad и создали адаптированные под устройство iPad-версии. Первопроходцы индустрии – New York Times, The Wall Street Journal, GQ Magazine.

Среди преимуществ iPad-версии можно выделить его независимость от розничной сети и почты, доступ к полному журнальному контенту и эксклюзивным материалам, возможность поделиться понравившимися материалами через социальные медиа или электронную почту. Пользователю достаточно разово скачать номер, чтобы потом возвращаться к нему без интернет-соединения. Плюсом является снижение расходов издательств на печать, дистрибуцию и складирование печатных версий.

Один из основных недостатков iPad-журналов – их низкая доступность для широких масс в связи с высокой стоимостью гаджета. Так, в США iPad второго поколения предлагается по цене от \$399, iPad четвертого поколения – от \$499, а новинка – iPad Mini – от \$329.

Несмотря на это, аудитория владельцев iPad постоянно растет. Аудитория iPad – это люди с высшим образованием, с достатком выше среднего, 80 % пользователей – мужчины. Средний возраст аудитории – 39 лет. Россияне являются особо активными пользователями iPad, в некоторых случаях число планшетов на семью достигает четырех, а время пользования – четыре часа в день и более [Лаврентьева: 2011].

iPad-журналы имеют особую схему дистрибуции: они распространяются по всему миру через AppStore и Zinio. Zinio – крупнейший в мире электронный «газетный киоск». Большинство изданий, представленных в этом киоске, выглядят как PDF-версии печатных. Однако выпуск статичных копий журналов в среде медиа-экспертов считается неперспективным: «Онлайн-проекты могут выигрывать лишь за счет творческого преобразования, адаптации

журнального формата к цифровым носителям, а лучше – создания отдельной отрасли журналистики» [Короткин: 2010].

Zinio испытывает все более сильную конкуренцию со стороны журналов, которые распространяются через Apple AppStore и рекламируются через сервис Apple Newsstand («Киоск»), встроенный в iOS. Журналы, распространяемые через «Киоск», могут содержать любые интерактивные возможности. У «National Geographic Россия», например, есть версии как в формате Zinio (копия бумажного), так и интерактивная – для Newsstand. В киосках представлены как аналоги существующих печатных изданий (Vogue, Cosmopolitan, Men's Health и др.), так и digital-only издания, например, Фотоед, MacBang, iCreate и др.

Первый выпуск iPad-журнала обычно доступен для бесплатного скачивания. Для пользователей предлагается система скидок при подписке. Так, один номер журнала «National Geographic Россия» в киоске Zinio продается за 129 руб., в киоске Apple – 99 руб., печатная версия – 113 руб. Годовая подписка (12 номеров) стоит 899, 649 и 1032 руб. соответственно. Очевидно, что подписка на электронную интерактивную версию журнала более выгодна. По статистике, 30 % читателей iPad-журналов оформляют подписку сразу на длительный период.

Реклама в iPad-версии дает возможность на качественно новом уровне привлечь внимание высокодоходной аудитории, такую креативную рекламу нельзя просто пролистать. В iPad-журнале реклама «оживает», ее можно трогать, вращать, перемещать. Цены на рекламные модули варьируются от 120 до 600 тыс. руб.

Разработкой iPad-журналов занимаются специализированные дизайн-бюро, например Mercury Intermedia, The Wonderfactory, ArtMediaIpad (Россия) и др. Стандартный журнал (30 статей) с полным интерактивом обходится заказчику примерно в 100 тыс. руб.

Российское издание журнала «National Geographic» также имеет iPad-версию, в которой кроме основных материалов представлены видеоролики, 3D-иллюстрации, спецэффекты и анимации, карты и эксклюзивные фотографии.

Главный редактор журнала Александр Грек так прокомментировал выход iPad-версии в августе 2012 г.: «Статистика в США дала как прогнозируемые результаты (iPad-журнал выбирает в основном молодежь), так и неожиданные – бумажный NG читают в среднем 17 минут, а планшетную версию – 46!».

Назовем основные отличия iPad-версии от печатной. Во-первых, горизонтальная ориентация. Во-вторых, существенно меньшее количество рекламы и промо-материалов. В печатной версии 30 %

страниц содержат рекламные материалы. Более того, в комплекте с печатной версией поставлялись 2 объемных рекламных буклета. В iPad-версии нет ни одного рекламного материала, что улучшает впечатление от чтения. В-третьих, меньший объем страниц – 192 в печатной версии и 100 в электронной, хотя верстка совпадает.

Статьи в iPad-версии можно листать по горизонтали (переход от материала к материалу) и по вертикали (чтобы просмотреть статью или фотогалерею). Многие элементы журнальной верстки (врезки, вставки, подписи) скрыты, но появляются после нажатия на экран. Перечислим мультимедийные возможности, использованные в ноябрьском номере «NG Россия»: видео плавающих пингвинов, анимация-модель строения перьев пингвина, видео полета над пустыней, 3D-модель песчаных дюн, бег гепарда в замедленном действии, фотогалерея кристаллов пирита. Все это дополняет и украшает текст, делает его завершенным.

Функционал digital-платформы включает в себя также интеграцию с социальными, гео- и интернет-сервисами, сервис QR-кодов, сервис обратной связи с читателями, статистику на основе поведения читателя (что читал, как долго). Опция закладок позволяет сохранить понравившиеся статьи.

Медиа-аналитик Василий Гатов, вице-президент гильдии издателей России, рассуждая о перспективах развития медийной среды, отмечает, что нас ждет “device-based future”, когда типологию медиа определяют девайсы и их развитие: «Я думаю, что основные тенденции в медиа будут связаны с тач-скрином как интерфейсом» [Гатов: 2010]

Чтобы выжить, оставшимся на медиарынке издательствам необходимо перейти с бумажных носителей на цифровые, как это уже сделал американский “Newsweek”. Почти треть молодежи и взрослых в США сейчас имеют iPad. Благодаря этим гаджетам, люди стали читать новости на 13 минут в день больше [Digit.ru: 2012].

Библиографический список

Dawson R. Newspaper extinction timeline, 2004. URL: http://www.futureexploration.net/Newspaper_Extinction_Timeline.pdf (дата обращения: 08.11.2012).

Гатов В. Прямая речь: медиа-аналитик Василий Гатов / А. Сколков // портал Look At Me, 18 октября 2010. URL: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/media-radar/107679-kak-sozdat-svoe-smi> (дата обращения: 07.11.2012).

Короткин А. Интернет или бумага: за чем будущее журналов? // Частный корреспондент, 19 октября 2010. URL: http://www.chaskor.ru/article/internet_ili_bumaga_zhurnalov_20543 (дата обращения: 06.11.2012).

Лаврентьева Н. Россияне «подсели» на iPad сильнее всех в Европе // CNews, 14 октября 2011. URL: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2011/10/14/460171> (дата обращения: 10.11.2012).

Медиааналитик Кен Доктор рассказал о будущем газет и телевидения // Digit.ru, 15 марта 2012. URL: <http://www.digit.ru/video/20120315/390097577.html> (дата обращения: 10.11.2012).

Шмаков А. Год планшетов, или Издательство на ладони // КомпьюАрт № 5, 2011. URL: <http://www.compuart.ru/article.aspx?id=22233&iid=1017> (дата обращения: 07.11.2012).

N.Y. Fomina

Student of Philological Faculty, 4th year
Perm State National Research University

IPAD-MAGAZINES – THE FUTURE OF MEDIA

Author gives a characteristic to phenomenon of e-publishing, describes iPad-magazines as the most popular and current channels of distribution of media-content.

Key words: Apple; iPad; magazine; media; multi-touch.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 82.0

Антипина Зоя Сергеевна

зав. лабораторией политики культурного наследия
кафедры журналистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
afaneor@yandex.ru

УРАЛЬСКИЙ ДИСКУРС В ПУБЛИКАЦИЯХ «ПЕРМСКОГО СБОРНИКА» (1859–1860 гг.)¹

Краеведческие материалы пермского «толстого журнала» рассматриваются в контексте истории формирования уральского дискурса в российской периодической печати XIX века. В ходе анализа публикаций «Пермского сборника» в контексте пермской историографии XIX века были выявлены ключевые темы и сюжеты уральского дискурса, предложен тезис о ключевой роли «Пермского сборника» в формировании уральского дискурса.

Ключевые слова: уральский дискурс; периодическая печать; история Урала; «Пермский сборник».

Начальный этап формирования образа Урала в российской публицистике был тесно связан с развитием краеведения в российских провинциях в середине XIX века. В российских губерниях к этому времени были накоплены систематические описания истории края, из местной интеллигенции начал формироваться круг исследователей, на страницах «Губернских ведомостей» стали регулярно публиковаться исторические документы, статистические и этнографические обзоры, статьи о культурной жизни региона [Шурупова 2005; Михайлова 2006; Лепилкина 2008]. В 1859–1860-х гг. в России стали издаваться сразу несколько «толстых» провинциальных журналов – «Южный сборник» (1859), «Воронежский литературный сборник» (1861), «Архангельский сборник» (1863), «Новгородский сборник» (1865), «Нижегородский сборник» (1867). В ряду предреформенных провинциальных изданий ярким явлением стал «Пермский сборник» (далее – ПС), всего два номера которого вышли в 1859 и 1860 гг. Это было первое серьезное издание, которое представило Пермский край широкой российской общественности. Оба выпуска получили развернутые рецензии столичной печати [Добролюбова 1859, 1860; Михайлов 1859; Шелгунов

1859]. Издание было признано едва ли не образцовым для провинциального журнала. «Отечественные записки» прямо указывали: «"Пермский сборник" принадлежит к числу самых почтенных изданий, которые только появлялись в последнее время» [Б. 1860: 36]. «Современник» начинал рецензию на «Воронежский литературный сборник» ссылкой на «Пермский сборник», который «хорошо зарекомендовал перед публикой провинциальные сборники» [Чернышевский 1861: 189]. Структура и тематика пермского журнала не были оригинальны, издатель и редактор Д.Д. Смышляев избрал актуальные тематические направления, характерные для подобных изданий в большинстве губернских центров европейской территории России в это время: история, этнография, естественные науки, статистика [Бердинских 2003: 275]. Но злободневность ряда материалов, в частности, неизвестных ранее документов о Пугачевском восстании и статьи о низком уровне народного образования, обеспечили изданию пристальное внимание и похвалы демократической критики.

«Пермский сборник», хотя и собирался, и предполагался к печатанию в Перми, волею обстоятельств стал столичным изданием: книжки «Сборника» из-за несовершенства местной типографии печатались в Москве и в них были включены статьи известных российских ученых – профессоров С. Ешевского и М. Киттара. Важность этого обстоятельства отмечал Н.А. Добролюбов в рецензии на «Сборник»: «напечатанное в "Калужских" или "Новгородских ведомостях" не пойдет далее Калуги или Новгорода, а из Петербурга или Москвы сведение разойдется по всей необъятной России» [Добролюбов 1859: 361]. Думается, что Смышляев осознанно обращался не только к пермской, но и к российской аудитории и рассчитывал на широкий резонанс. На это косвенно указывает опубликованное редактором в «Пермских губернских ведомостях» объявление. Смышляев писал: «... льщу себя надеждой, что "Сборник" найдет как в самой Пермской губернии, так и в других местностях России сотрудников» [Пермские губернские ведомости 1858].

Анализ материалов «Сборника» позволяет говорить о системном подходе Смышляева к описанию Урала и Пермской губернии как наибольшей его части. Во всех статьях издания прослеживается последовательность в представлении и толковании истории Пермского края. Можно говорить о ряде сюжетов, которые создали общий взгляд на Урал и Пермский край, стали основными для пермского и уральского текстов русской культуры. Самым популярным стал «биармийско-чудской миф», формирование которого было описано В.В. Абашевым [Абашев 2008]. В «Сборнике» биармийско-чудскому прошлому

пермского прикамья посвящены статьи профессора С. Ешевского «Заметка о пермских древностях» [ПС 1859, Отд. I: 132–142] и «Пермские древности в Лазаревском институте восточных языков» [ПС 1860, Отд. I: 35–40]. Второй сюжет – это негативное описание жизни коренного населения Прикамья в статье Н. Рогова «Материалы для описания быта пермяков» [ПС 1860, Отд. II: 1–127]. Впервые описание жизни пермских аборигенов было опубликовано Роговым в «Журнале МВД» в 1855 году [Рогов], в 1860 году оно появилось в «Пермском сборнике», а опубликованный в 1864 году в Петербурге очерк Ф.М. Решетникова «Подлиповцы» уже в беллетристическом повествовании закрепил в сознании российского читателя предьявленный Роговым образ коми-пермяков как невежественного и грубого народа. Помимо публикации Рогова, «Краткий исторический очерк заселения и цивилизации» А. Крупенина также представляет собой образец колонизаторского взгляда на местное население. Автор пишет о прошлом чуди – финского племени, населяющего Пермский край: «... суровость и бедность окружающей природы имела на эти племена подавляющее влияние. Удаленный от общества народов цивилизованных, <...> одинокий среди дремучих лесов своих, <...> финн, естественно, должен был не развиваться, а тупеть и прозябать. Духовная природа его спала непробудным сном. Характер его был уныл и печален, как окружающая его природа» [ПС 1859, Отд. I: 4–5]. Подробно формирование и структура «коми-пермяцкого дискурса» были изучены Е.Г. Власовой [Власова 2010].

Следующая традиция восприятия истории Урала, представленная в сборнике, связана со взглядом на Чердынский край и Соликамск как места, где сохранилась давняя русскость со своими традициями [ПС 1859, Отд. II: 106, 118]. Автор, представляя описание свадебных обрядов г. Чердыни, особо отмечает «те черты, которые зашли в нее от древнейших времен русской жизни» [ПС 1859, Отд. II: 5]. Другие фольклорные записи, сделанные в русских же городах, Кунгуре и Шадринске, лишены подобных комментариев [ПС 1860, Отд. II: 128, 162]. «Русское происхождение» и древность Чердыни отмечались и во всех других известных обзорах истории Пермского края [Очерк... 1841; Смышляев 1883; Дмитриев 1889]. Почти дословно в них повторяется реплика: «Мы не знаем точного времени основания двух древнейших городов нынешней Пермской губернии – Чердыни и Соликамска, но <...> можем безошибочно заключить, что оба города происхождением своим обязаны выходцам новгородским, вологодским и другим» [ПС 1859, Отд. I: 10–11]. Таким образом, современная репутация Чердыни и

Соликамска как городов древних и русских сформировалась не позднее середины XIX столетия.

Горнозаводская тема также является одной из основных в «Пермском сборнике» и связана с именами Строгановых и Демидовых. Первые, во многом благодаря статье А.Ф. Теплоухова об устройстве лесного дела в их имениях [ПС 1859, Отд. III: 35–70], предстают перед читателем и рецензентом (например, в названном отзыве Добролюбова) оплотом просвещенности и «дельности». Облик вторых характеризуют цитаты, отмеченные тем же Добролюбовым, следующим образом: «Оно любопытно по манере выражения: через каждые две строчки бранное слово, а иногда и такая тирада: “Проснись, отчаянный, двуголовый архибестия, торгаш и промышленник озерный и явный клятвопреступник и ослушник! Ребра в тебе, ей-же-ей, божусь, не оставлю за такие паршивые малые выходы!..” и пр.» [Добролюбов 1859: 372]. Со схожей трактовкой образов уральских заводчиков Демидовых мы встречаемся в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка и – чуть позднее – сказах П.П. Бажова. Насколько укоренился представленный в «Сборнике» способ описания двух династий, можно судить по очерку нашего современника Алексея Иванова «Рядом и порознь. Строгановы и Демидовы: противостояние традиций» [Иванов 2007]. Автор развивает оценки, представленные в статьях «Пермского сборника» и размышляет о «двух парадигмах» – просветительстве Строгановых и «диком счастье» Демидовых.

Важными для современников стали публикации в «Пермском сборнике» материалов о Пугачевском бунте на Урале, которые были оценены как наиболее значимые для понимания одного из самых неразъясненных явлений новой русской истории. Но впоследствии, в XX веке, эта тема ушла из представлений о собственно пермской истории (она теперь рассматривается в частном аспекте – применительно к истории города Осы). Случилось это во многом вследствие административных реформ: территории, где находился центр волнений, уже почти столетие относятся к другим административным областям.

Со временем оказались отделены от пермской истории и другие имена и города. Как, например, история заводчиков Демидовых, нижнетагильских и невянских заводов, екатеринбургских золотопромышленников теперь более актуальны для восточного Урала.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 13-14-59010 «Формирование уральского дискурса в российской печати XIX – начала XX вв.».

Библиографический список

- Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь, 2008. 496 с.
- Б. Различные направления в изучении русской народности // Отечественные записки. 1860. № 3. С. 24–44.
- Бердинских В.А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М.: НЛЮ, 2003. 528 с.
- Власова Е.Г. Пермь о пермяках: коми-пермяки в изображении русской периодики Перми XIX – начала XX вв. // Литература Урала: история и современность. Вып. 5. Екатеринбург, 2010. С. 81–90.
- Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. I: Древности бывшей Перми Великой. Пермь, 1889. 218 с.
- Добролюбов Н.А. Пермский сборник. Повременное издание. Книжка I. 1859 [Рецензия] // Современник. 1859. № 10. С. 357–372.
- Добролюбов Н.А. Пермский сборник. Повременное издание. Книжка II. 1860 [Рецензия] // Современник. 1860. № 5. С. 62–66.
- Иванов А. Рядом и порознь. Строгановы и Демидовы: противостояние традиций // Урал. 2007. № 7. С. 181–191.
- Лепилкина О.И., Клец Ю.А. «Ставропольские губернские ведомости» (1850–1917 гг.) в разные периоды развития: изменения типологических характеристик // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. Вып. 58 (5). С. 53–60.
- Михайлов М.Л. Пермский сборник. Повременное издание. Книжка первая [Рецензия] // Русское слово. 1859. № 10. С. 37–48.
- Михайлова М.Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. 30 с.
- Очерк истории Пермского края // Пермские губернские ведомости. 1841. № 2. Пермский сборник. Кн. I. Москва, 1859.
- Пермский сборник. Кн. II. Москва, 1860.
- Рогов Н.А. Иньвенская дача и хозяйственный быт населяющих ее // Журнал Министерства внутренних дел. 1855. Кн. II. С. 28–42.
- Смышляев Д.Д. Краткий обзор истории Пермского края // Пермские губернские ведомости. 1883. № 2.
- Чернышевский Н.Г. «Воронежский литературный сборник» [Рецензия] // Современник. 1861. № 12. С. 189–194.
- Шелгунов Н.А. [О «Пермском сборнике»] // Русское слово. 1859. № 10. С. 48–49.
- Шурупова Е.Е. «Губернские ведомости» и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции (на материалах Архангельской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. 25 с.

Z.S. Antipina

Head of Cultural Heritage Policy Laboratory of Journalism Department
Perm State National Research University

THE URAL DISCOURSE IN PUBLICATIONS “THE PERM COLLECTION” (1859–1860)

Local history materials Perm “the thick magazine” are considered in a context of

history of formation of the Ural discourse in the Russian periodicals of the XIX century. During the analysis of publications “The Perm collection” in a context of the Perm historiography of the XIX century key subjects and plots of the Ural discourse were revealed, the thesis about a key role of “The Perm collection” in formation of the Ural discourse is offered.

Key words: Ural discourse, periodicals, history of Ural, “The Perm collection”

УДК 811.161.1 + 81'373.21

Боброва Мария Владимировна
доцент кафедры русского языка
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
bomaripgu@yandex.ru

ТОПОНИМИЯ С. ТРОЕЛЬГА КУНГУРСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Статья продолжает ряд публикаций, посвященных анализу ономастики, функционирующей в речи жителей одного уральского села. Автором различаются лексический и семантический подходы, которые последовательно применены в отношении имен собственных различных разрядов, собственно русского и иноязычного происхождения. Сделаны выводы об общерусской и региональной специфике проанализированных имен собственных.

Ключевые слова: Пермский край; ономастика; лексико-семантический анализ.

В настоящей статье мы продолжаем изучение топонимии, функционирующей в речи жителей одного уральского села – с. Троельга Кунгурского района Пермского края. Всего выявлено² 101 наименование 99 объектов, из них: 51 агрооним, 32 ойконима, 12 гидронимов, 5 оронимов, 1 дримоним. Ранее материалы были проанализированы нами с точки зрения структуры производящих основ [Боброва 2012]. В продолжение начатых изысканий мы задались целью осветить основные лексико-семантические особенности собранных географических онимов и их производящих основ. В настоящей статье мы обращаемся к описанию одной из групп актуальной топонимии (официальных названий – и названий, локально ограниченных в своем употреблении; известных местным жителям – и не обнародованных ранее).

Подчеркнем, что мы разводим классификации с точки зрения происхождения онимов и с точки зрения семантики мотивирующих

основ, которые обычно смешивают. Полагаем, что классификация на двух основаниях неизбежно приведет к противоречиям (более или менее значительным), которые можно избежать, следуя элементарным принципам логики. Кроме того, считаем возможным при лексической и лексико-семантической классификации учитывать не только собственно русскую, но и иноязычную лексику, что расширяет горизонты исследований, в том числе в сравнительно-типологическом аспекте.

1. Ойконимы (названия населенных пунктов).

Происхождение ойконимов отвечает следующей классификации.

I. Собственно русские ИС.

1. Оттопонимные: 1) отгидронимные: д. *Евангелька, Песчанка, Польшгорец*; 2) (условно в этой группе) от наименований церквей: д. *Богородск* (в деревне была построена церковь Пресвятой Богородицы).

2. Отантропонимные: 1) отыменные: некалендарное имя *Шум (Шумило) > Шумиловка*; 2) отпрозвищные (от прозвища (далее – пр.) первопоселенца): д. *Ерши, Заборское* (связано с родовым прозвищем *Заборских*, жителей д. Юмыш), *Лагуново, Нивино*, др.; 3) отфамильные (от фамилии первопоселенца): д. *Романовка, Сереткино* (деревня была основана Иваном Сереткиным), др.

3. Отапеллятивные: 1) отсубстантивные: д. *Грамотеево* (здесь была открыта первая школа) < *грамотей*; 2) отадъективные: д. *Зеленовка* (деревня расположена в лесу) < *зеленый*.

II. Заимствованные ИС.

1. Оттопонимные: 1) отгидронимные: д. *Юмыш, Верхний Шавляш*.

2. Отантропонимные: 1) отыменные: д. *Юшковка* (от неполного имени Юшко к календарному неполному Юша [СПФ: 455]).

3. Отапеллятивные: 1) отсубстантивные: с. *Бым* < татарское *би* (*би* < *бик* < *бек* ‘князь, повелитель, начальник, руководитель, глава, хозяин, господин’, «антрополоксемы, активно используемые при образовании составных тюркских имен» [Татарские...]) + *-им* (формант тюркской гидронимии) (?) < р. *Бым* < р. *Бим*.

4. Комбинаторные (имеющие в основе как онимы, так и апеллятивы): д. *Баймура* < (в соответствии с легендой) татарское *бай Мура (Мурат?)*, где *бай* – ‘богатый землевладелец, скотовод’, *Мура(т)* – личное имя; с. *Троельга* < р. *Троельга* < татарское *Тор елга*, где *Тор* – название башкирской родовой группы, *йылга* – башкирское ‘река’.

Лексико-семантическая классификация производящих ойконимы основ может быть представлена следующим образом.

I. Русизмы.

1. Лексика, отражающая особенности ландшафта, в т. ч.

географические термины: *польшгорец* ‘речка, истекающая из горы’ > р. *Польшгорец* > д. *Польшгорец*.

2. Лексика, отражающая особенности объекта номинации: *песчаный* > р. *Песчанка* (река имеет песчаное дно) > д. *Песчанка*.

3. Лексика, связанная с флорой: *осина* > д. *Осиновка*.

4. Лексика, связанная с фауной: *ерш* > пр. *Ерш* > д. *Ерши*; *синица* > пр. *Синица* > д. *Синицино*.

5. Названия предметов быта: *лагун* ‘бочонок с плотно входящей крышкой’ [СПФ: 209] > ‘полный человек’ > пр. *Лагун* > д. *Лагуново*.

6. Названия предметов одежды, обуви: *вачега* ‘рабочая рукавица’, ‘суконная шитая рукавица’ > ‘неопрятная женщина’ / *вачега* ‘грибной нарост на стволе березы, чага’ > ‘неуклюжий, неповоротливый человек’ [СПФ: 75] > пр. *Вачега* > д. *Вачегино*.

7. Названия кушаний: *блин* > пр. *Блин* > д. *Блины*; *середка* ‘кусочек, ломоть’ [СПФ: 344] > пр. *Середка* > д. *Сереткино*.

8. Этнонимы: *пермяк* ‘представитель коми-пермяцкой или коми-зырянской народности’ [СПФ: 290] > пр. *Пермяк* > д. *Пермяковка*.

9. Названия человека по роду занятий, профессии: *калачник* / *калашник* ‘человек, который печет и продает калачи’ [СПФ: 154] > пр. *Калашник* > д. *Калашниково*; *мясник* ‘тот, кто занимается убоем скота’ (?) [СПФ: 253] > пр. *Мясник* > д. *Мясниково*.

10. Названия человека по моральным, интеллектуальным и т.п. особенностям: *грамотей* > д. *Грамотеево*; *мясник* ‘тот, кто занимается убоем скота’ > ‘жестокий человек’ (?) [СПФ: 253] > пр. *Мясник* > д. *Мясниково*.

11. Названия человека по особенностям внешности, речи и т.п.: *барбаут* ‘человек, который постоянно что-то бормочет, разговаривает сам с собой’ (ср. *барбаушить* ‘говорить самому с собой’ [СРНГ II: 111]) > пр. *Барбаут* > д. *Барбаутово*; *кужель* (‘кудель’ >) ‘человек с похожими на лен волосами’ [см. КУДЕЛИН в: СПФ: 200] > пр. *Кужель* > д. *Кужлево*; *шавкун* ‘человек, который говорит как беззубые, с прищипом’ [СПФ: 428–429] > пр. *Шавкун* > д. *Шавкуново*.

12. Лексика, связанная с трудовой деятельностью: *кужель* ‘кудель’ > пр. *Кужель* > д. *Кужлево*.

13. Лексика религиозной сферы: *Пресвятая Богородица* > церковь *Пресвятой Богородицы* > д. *Богородск*.

14. Мифологическая лексика: *банник* ‘мифическое существо, обитающее в бане’ [СРГСПК I: 57; СПФ: 37] > пр. *Банник* > д. *Банниково*.

II. Заимствования.

1. Лексика, отражающая особенности объекта номинации: *йому* ‘закрывать’, ‘сжимать’ (?) [ТРБС: URL] + *-ыш* (формант тюркской гидронимии) (?) > р. *Юмыш* > д. *Юмыш*.

2. Лексика, указывающая на социальное положение человека: татарское *бай* ‘богатый землевладелец, скотовод’ > д. *Баймура*; *би* > р. *Бим* > р. *Бым*.

Полисемичность производящей лексики, существование семантических переносов (метафоричность лексики), многоступенчатый характер процесса онимизации апеллятивов, а также (для абсолютного большинства онимов) невозможность выявления для конкретного ИС актуального значения легшей в основу многозначной лексемы обуславливают возможность учета реконструируемых слов в нескольких семантических группах. Мы не рассматриваем это как недостаток классификации, а, наоборот, склонны считать это достоинством, позволяющим более широко обозреть языковую картину мира номинаторов.

2. Оронимы (названия изменений ландшафта).

Все оронимы – названия возвышенностей. Наименования низменностей отсутствуют.

I. Собственно русские ИС.

1. Отапеллятивные: 1) отсубстантивные: *Галечная гора* < *галька*; 2) отадективные: *Гранская гора* < *гранской* < *грань*.

II. Заимствованные ИС.

1. Отантропонимные: 1) отыменные: *Пантюшкина гора* < *Пантюшка* < *Пантелеймон*; *Пахомыч Угор* < *Пахомыч* < *Пахом*.

Семантическая классификация такова.

I. Русизмы.

1. Лексика, отражающая особенности ландшафта, в том числе географические термины: *галька* > *Галечная гора* (возвышенность усыпана камнями); *грань* ‘граница, раздел, межа’ (ср. *грань* ‘граница между колхозными и государственными угодьями’, ‘граница полей между колхозами’ [СГТ: 98]) > *Гранская гора* (гора разделяет пределы соседних деревень).

2. Лексика, отражающая особенности объекта номинации: *золотой* ‘представляющий собой ценность’ > *Золотая гора* (на возвышенности всегда снимают большой урожай).

3. Гидронимы (названия водных объектов).

Выделены такие группы гидронимов по происхождению.

I. Собственно русские ИС.

1. Отыменные: *Антоновский* ключик < *Антон*.

2. Отапеллятивные: 1) отсубстантивный: р. *Каменка* < *камень*; 2) отадъективные: р. *Грязнушка* < *грязный*, *Черное озеро* < *черный*.

II. Заимствованные ИС.

1. Отапеллятивные: 1) отсубстантивные: р. *Бым* < *бым*; р. *Майоровка* < *майор*; 2) отглагольные: р. *Юмыш*, *Малый Юмыш* < йому 'закрывать', 'сжимать' [ТРБС: URL] + *-ыш* (формант тюркской гидронимии) (?).

2. Комбинаторные: р. *Троельга* < *Тор елга*.

Семантическая классификация такова.

I. Русизмы.

1. Лексика, отражающая особенности объекта номинации: *песчаный* > р. *Песчанка* (дно реки песчаное), *черный* > *Черное озеро* (озеро расположено в лесу в тенистом месте).

2. Лексика, отражающая особенности ландшафта, в том числе географические термины: *камень* > р. *Каменка* (русло реки каменистое), *полыгорец* > р. *Полыгорец*.

3. Лексика, отражающая особенности растительности: *сосна* > р. *Сосновка*.

II. Заимствования.

1. Лексика, отражающая особенности объекта номинации: йому 'закрывать', 'сжимать' > р. *Юмыш*, *Малый Юмыш*.

2. Лексика, отражающая социальное положение человека: *би* > р. *Бим* > р. *Бым*; *майор* > р. *Майоровка*.

3. Лексика религиозной сферы: *евангелие* > р. *Евангелька* (вероятно, в реке крестили местных жителей, здесь – татар);

4. Агроонимы (названия земельных участков, пашен, полей).

Выделены такие группы названий полей, лугов по происхождению.

I. Собственно русские ИС.

1. Оттопонимные: 1) отгидронимные: *Майоровка*; 2) отойконимные: поле *Лесинское* < выс. *Лесинский*.

2. Отантропонимные: 1) отпрозвищные: *У Тюньки* < *Тюнька*; 2) отфамильные: *Драковское* < *Драков*, *Мясниковка* < *Мясников*, *У Пушкинцева* < *Пушинцев*, *Филинское* < *Филин*.

3. Отапеллятивные: 1) отсубстантивные: *Бобылки* < *бобылки* < *бобыль*, *Межлоговьё* < *лог*, *Огуречник*, *Ольховки* < *ольха*, *Поповские Луга* < *поп*, *У Сосны* (всего 18 онимов); 2) отадъективные: *Грязнуха* < *грязный*; 3) отглагольные: *Корчёвка* < *корчевать*; 4) от словосочетания: *Долгая Релка*, *Круглые Переменки*, *Ледяной Лог*, *Солдатская Точка*.

5. Отаббревиатурные: *Биомедовское* поле < *Биомед*.

II. Заимствованные ИС.

1. Оттопонимные: 1) отойконимные: поле *Берлин* < г. *Берлин*;

2) отхоронимные: поле *Турция* < государство *Турция*.

2. Отантропонимные: 1) отыменные: *За Данилой* < *Данила*, *Семина Луг* < *Сема* < *Семен*, *Спиринское* < *Спиря* < *Спиридон*, *Филинское* < *Филин* < *Филимон*, *Филипп*; 2) отфамильные: *У Байсовых* < *Байсов*.

3. Отэргонимные: поле *Пионер* < колхоз *Пионер*.

4. Отапеллятивные: 1) отсубстантивные: *Аэродром*, *Канавы*, *Кордон*, *Пионер*, *Сапог*, *Согра*, *У Тумбы*, *Челпаны*.

Семантическая классификация такова.

I. Русизмы.

1. Лексика, отражающая особенности ландшафта, в том числе географические термины: *бобылки* > *Бобылки* (рядом с полем когда-то жил бобыль, безземельный крестьянин), *грязнуха* 'постоянно сырой и грязный участок на почве' [СГТ: 102] > *Грязнуха* (поле расположено в очень грязном труднодоступном месте), *лог* > *Ледяной Лог* (поле расположено в лесу и сильно затенено деревьями, из-за чего с него подолгу не сходит снег), *Межлоговые* (поле расположено между двумя логами), *переменка* (ср. *перемена* 'пашня среди пастбищ или в лесу' [СРНГ XXVI: 155]) > *Круглые Переменки* (поля в лесу, округлые по форме, разделены небольшими перелесками), *прокос* > *Прокосское* (большое поле, на котором делали прокосы, чтобы получить больше сена), *рассоха* (ср. *рассоха* 'разветвление, раздвоение дороги, реки, оврага и т.д.' [СРНГ XXXIV: 221]) > *Рассохи* (широкое поле, раздваивающееся с одного конца), *точка* > *Солдатская Точка* (рядом с полем раньше находились ракетные установки), *штаны* (ср.: *штаны* 'лог, разделяющийся надвое' [СГТ: 404]) > *Штаны* (раздваивающееся поле), и др.

2. Лексика, отражающая особенности объекта номинации: *раздолье* > *Раздолье* (поле очень большое).

3. Лексика, связанная с обработкой участков: *корчевать* > *Корчёвка* (поле на месте сведенного леса).

4. Лексика, связанная с растительностью: *ольха* > *Ольховки*, *сосна* > *У Сосны* (на поле растёт огромная сосна).

5. Лексика, называющая предметы творчества: *памятник* > *У Памятника* (поле расположено рядом с памятником погибшим в Гражданской войне).

6. Названия предметов быта: *чугунок* > *Чугунки* (поле по форме напоминает такой горшок).

7. Лексика, отражающая социальное положение человека: *поп* > *Поповские Луга* (поле когда-то принадлежало церкви).

8. Наименования человека по роду занятий, профессии: *мясник* 'тот, кто занимается убоём скота' (?) > пр. *Мясник* > поле *Мясниковка*.

9. Названия человека по моральным, интеллектуальным и т.п. особенностям: *мясник* ‘тот, кто занимается убоем скота’ > ‘жестокий человек’ (?) > пр. *Мясник* > д. *Мясниково*.

II. Заимствования.

1. Лексика, отражающая особенности ландшафта, в т.ч. географические термины: *аэродром* > *Аэродром* (на поле когда-то находился аэродром), *согра* ‘низкое, сырое, болотистое место’ [СГТ: 355] > *Согра* (поле расположено на сыром, болотистом участке), *челтан* ‘гора, холм округлой формы с высокими склонами’ [СГТ: 397] > *Челтаны* (поле с холмистой поверхностью).

2. Лексика, отражающая особенности объекта номинации: *сапог* > *Сапог* (поле имеет г-образную форму).

3. Лексика, связанная со строительством и т.п.: *тумба* > *У Тумбы* (рядом с полем когда-то стоял огромный столб).

4. Лексика идеологической сферы: *пионер* > *Пионер*.

5. Лексика, отражающая социальное положение человека: *майор* > р. *Майоровка* > поле *Майоровка*.

5. Дримонимы (названия участков леса).

Единственный дримоним собственно русского происхождения, является сочетанием притяжательного отыменного прилагательного с географическим термином: *Мосин Березник* < *Мося* < *Моисей*, < *березник*.

Таким образом, лексика, представленная в топонимии даже небольшой территории, демонстрирует значительное разнообразие. Здесь представлены слова различного происхождения. Заимствования отличаются разной степенью давности вхождения в язык-реципиент и освоенности им (*аэродром*, *бым*, *кордон*, *сапог*, *Фрол*, *челтан*, *шавляш*), разных разрядов – нарицательные и собственные (*Байсов*, *Берлин*, *Турция*).

В основе онимов обнаруживается лексика как общерусская, так и диалектная (например, *березник*, *грань*, *кужель*, *рассоха*, *угор*, *штаны*). Частично лексика встречается впервые, не зафиксирована диалектными словарями (например, *барбаут*, *бобылки*, *гранской*, *полыгорец*), что важно для реконструкции лексики прошлого.

Географические названия демонстрируют традиционные для русской топонимии тенденции: ойконимы – преобладание отантропонимных названий, восходящих к именованиям первопоселенцев, агроонимы – преобладание случаев онимизации апеллятивов, причем попавших в номинации полей метонимически. Очевидно, при назывании поселений более актуальны сведения о жителях – пользователях природных ресурсов, в то время как поля и их

названия служат ориентиром на местности. Как следствие, лексика, отраженная в этих двух группах номинаций, крайне разнообразна, преимущественно принадлежит тематическим и лексико-семантическим группам «Человек», «Хозяйство», «Сельскохозяйственные угодья». Несомненна прагматическая направленность номинаций.

Перспективу исследования определяет возможность не только дать традиционное описание местного ономастикона, но и сделать обобщения лингвокультурологического и этнолингвистического характера.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 11-34-00330а2, 12-34-01043а1).

² Материалы собраны Ю.Ю. Посохиной, выпускницей филологического факультета Пермского педуниверситета, в 2007–2009 гг.

Библиографический список (с использованными сокращениями)

Боброва М.В. Топонимия с. Троельга Кунгурского района Пермского края: структурный аспект // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 6 апреля 2012 года. Пермь, 2012. С. 143–148.

СГТ – Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007.

СПФ – Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1: А–В.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1965–2012. Т. 2, 26, 34.

Татарские мужские имена // URL: <http://tatarisem.narod.ru/tatarskie-mujskie-imena.html> (дата обращения: 23.05.2013).

ТРБС – Татарско-русский большой словарь // URL: tatar.com.ru/dict/ii.php (дата обращения: 23.05.2013).

Шумилов Е.Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки: Географические названия и фамилии Пермского края. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991.

M.V. Bobrova

Reader of Russian Language Department

Perm State Humanitarian Pedagogical University

TOPONYMY OF THE VILLAGE TROYEL'GA OF KUNGUR DISTRICT OF PERM REGION: LEXICAL AND SEMANTIC ASPECTS

The article is one of some articles which are about onomastics which function at speech of the country folk of the one of Ural village. The author distinguishes lexical and semantic aspects and applies its in relation to the proper nouns of different classes in

series. The author drew a conclusions about the general Russian and the region features of the examined proper nouns.

Key words: Perm region; onomastics; lexical and semantic analysis.

УДК 82.091(4/9)-43(470.5)

Власова Елена Георгиевна
доцент кафедры журналистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
elena_vlasova@list.ru

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ ГЕОПОЭТИКИ¹

Особое значение путешествий в истории уральской геопоэтики связано с тем, что первые описания Урала были сделаны именно в жанре травелога (от «Аримаспеи» Аристея до путевых очерков В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка). В дальнейшем путешествие становится важнейшим элементом большой прозы об Урале («Без названия» Д. Мамина-Сибиряка, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Сердце Пармы», «Золото бунта», «Географ глобус пропил» А. Иванова). Представляется, что путешествие, органично воплощая основные значения уральского пространства (удаленность, труднодоступность, опасность, сложность преодоления), из формообразующего приема превращается в репрезентативный сюжет уральской геопоэтики.

Ключевые слова: геопоэтика Урала; травелог; путешествие; образ уральского пространства.

Описание путешествий занимает особое место в уральской историографии. Удаленность от цивилизационных центров, сложный горный рельеф и суровый климат долгое время сохраняли за Уралом ореол *terra incognita*. Исследование этой земли было связано с торговыми, дипломатическими, а позднее научными и литературными поездками иностранных и русских путешественников. В результате сформировался представительный корпус путевых отчетов, который положил начало формированию образа уральского пространства. Учитывая значимость путевого дискурса² в становлении образа Урала, постараемся выявить образно-символические константы, которые сложились в уральской геопоэтике³ благодаря путешествиям, а также наметить эволюцию приемов их воплощения.

В истории формирования уральского путевого дискурса можно выделить два основных этапа. Первый из них связан с особенностями

процесса освоения Урала, которое носило колонизаторский характер, т.е. представляло собой экспансию более развитой культуры.

Первые свидетельства об Урале относятся к античным временам – это свод разнообразных путевых отчетов торговцев, дипломатов и ученых, общей особенностью которых являлся мифогеографический характер уральского пространства: путешественники чаще воспроизводят услышанные ими рассказы о таинственных северных народах, обитающих возле Рифейских гор.

Наиболее известными среди античных травелогов считаются произведения Алкмана, Гекатея, Эсхила, Дамаста Сигейского, Помпония Мела, Плиния Старшего, и, конечно, «История Геродота». Во всех этих текстах основным источником сведений об Урале явилась поэма «Аримаспея», в которой ее автор Аристей, живший в 7 в. до н.э. в греческом Проконнесе, описывает свое путешествие в страну гипербореев. Любимцев Аполлона Аристей не нашел, однако, привез немало рассказов о таинственных племенах, живущих севернее скифов. «Отечественная научная традиция уже давно сформировала свой особый образ Аристея, видя его, прежде всего, в роли коммуникатора – человека, который впервые установил контакт между Элладой и народами, населявшими в древности территорию России, вписав их тем самым в античную картину мира», – пишет об этом историческом персонаже Д.А. Щеглов [Щеглов 2010: 9]. Поэма дошла до нашего времени в отдельных небольших фрагментах, что породило многочисленные трактовки в ее интерпретации. Так, например, до сих пор остается неясной сама локализация аристеевского путешествия. Описанные в нем страны, расположенные возле высоких и холодных гор, размещаются учеными и на территории современных Альп, и на Алтае, и на Тянь-Шане и даже в Карелии. Однако основной считается версия об уральской локализации Аримаспеи. В поэме рассказывается о таинственных племенах одноглазых аримаспов, находившихся в постоянной вражде со своими соседями: на юге они воевали с исседонами, на севере – с грифонами, охранявшими золото Гиперборейских гор.

По преданиям Аристей был служителем культа Аполлона, поэтому его путешествие в поисках гиперборейцев многие толкователи связывают с религиозными мотивами. И.В. Пьянков отмечает: «... путешествие проконнесца следует считать скорее чем-то вроде религиозного паломничества, нежели торговым предприятием, связанным с колонизационной деятельностью его современников» [Пьянков 2005: 16]. Таким образом, самое первое свидетельство об Урале оказывается поэтическим описанием путешествия в поисках

идеальной, божественной земли, достичь которую не удалось. Мечта об идеальном мироустройстве осталась нереализованной возможностью уральского пространства, которое в мифологическом сознании античных путешественников оказалось связанным с семантикой потустороннего мира. Благодаря многочисленным повторам «Аримаспея» стала своего рода прецедентным текстом в формировании образа Урала как мифического пространства, населенного воинственными одноглазыми племенами и скрывающего в себе множество богатств.

Подобный сказочный образ складывается и в культуре Арабского халифата. Уральские свидетельства этого периода представляют собой путевые отчеты арабских купцов, послов и ученых. Обширная территория, лежащая к северу от Булгарского царства, описывается арабами как страна страшных народов – яджуджей и маджуджей, звероподобных великанов, у которых четыре глаза (по два – на лбу и на груди), уши, свисающие до плеч и густая шерсть, покрывающая все тело. Как отмечает автор фундаментального исследования «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей» М.П. Алексеев, несмотря на то что в путевых отчетах арабских путешественников сохранилось немало вполне реальных подробностей жизни Булгарского царства и его северных соседей, фантастические представления о страшных северных племенах оказались самым устойчивым сюжетом этих описаний, превратившись в своего рода литературную традицию [Алексеев 1941: XXXIV]. Именно эта легендарная часть арабских путешествий была впоследствии с наибольшим интересом воспринята западноевропейской культурой. Соглашаясь с мнением М.П. Алексеева, современный исследователь уральско-сибирских путешествий К.В. Анисимов также отмечает: «Архетип, реализуясь в тексте, опережал описание подлинного ландшафта, а точнее, вовсе в таком описании не нуждался <...>. Эта ситуация практически не изменилась к концу периода средневековья <...>. “Дивьи люди” и “чудесные земли” обсуждались в литературе не менее интенсивно <...>» [Анисимов 2006: 23].

Отголоски фантастических рассказов можно разглядеть и в отчетах западноевропейских путешественников XVI в., которые, казалось бы, уже неплохо знали северную территорию Урала. Так, в знаменитых «Записках о Московских делах», написанных австрийским дипломатом Сигизмундом Герберштейном в 1549 г., воспроизводятся сведения о «разнообразных и многочисленных народах, которые называются общим именем Самояди (т.е., так сказать, сами себя ядущие)» [Герберштейн 1908: 129], а также живущих за рекой Тачнин «людях

чудовищного вида: у одних из них наподобие зверей все тело обросло шерстью, у других – собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь или (у других) длинные руки, но без ног» [Герберштейн 1908: 131]. Оценивая значение уральского пространства в описаниях средневековых путешествий, К.В. Анисимов справедливо отмечает, что Уральские горы воспринимаются западной культурой как «черта цивилизационного разлома, за которой люди все более утрачивают человеческие черты, природа становится иррельной, а география условной» [Анисимов 2006: 27]. Более того, в контексте христианских представлений «восточные горы как цивилизационный рубеж обрели для европейских наблюдателей эсхатологический смысл» [Анисимов 2006: 25]. Тем самым, образ Урала, сложившийся в культуре Средневековья, лишился характеристик того идеального пространства, о котором мечтал Аристей. Сказочность Урала все гуще окрашивается в эсхатологические краски страшного потустороннего мира.

Дальнейшее знакомство западной, в том числе и русской культуры, с Уралом и Сибирью, по точному замечанию Алексева, представляет собой «историю борьбы легендарной традиции с наблюдением и опытным исследованием» [Алексеев 1941: XVIII]. Ведущую роль в уральской историографии начинают играть научные путешествия русских ученых периода горнозаводской колонизации края. Прежде всего, это географические отчеты В.Н. Татищева и путевые дневники академиков И.И. Лепехина, П.-С. Палласа, Н. Рычкова и И.-П. Фалька, возглавивших уральские экспедиции Российской Академии наук конца XVIII в. В истории формирования образа уральского пространства основным итогом этих путешествий становится формирование семантических презумпций, возникающих благодаря накоплению и детальному описанию эмпирических фактов⁴. Важнейшие из этих презумпций группируются вокруг горных промыслов Урала и уральских древностей – палеонтологических находок, чудских копей, древних городищ и капищ. В общесемиотическом плане научные дневники закрепляют за уральским ландшафтом значения древности местной истории, глубины и таинственности недр, а также самобытности культуры, связанной с многонациональным заселением и горнозаводским характером экономического уклада.

Намеченные в уральских травелогах XVIII века семантические презумпции подготовили формирование первых обобщающих литературных репрезентаций Урала, которые состоялись в путевых очерках писателей XIX века – прежде всего, В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка. В этих очерках, соединивших непосредственное наблюдение и художественное обобщение, начинают

складываться основные элементы уральской геопэтики. В них формируется образ горнозаводского Урала, глубинным основанием которого становится теллурическая мифопоэтика⁵.

Таким образом, первый этап формирования путевого дискурса уральской геопэтики связан с описанием реальных путешествий на Урал. Его развитие определяется разнообразными жанровыми формами документального травелога: дипломатические и торговые отчеты, научные дневники, путевые очерки и заметки, в которых и происходит становление основных геопэтических доминант уральского ландшафта.

Второй этап уральского путевого дискурса характеризуется превращением путешествия из формообразующего элемента в один из важнейших сюжетов уральской геопэтики. Речь идет о сюжетообразующей роли путешествия, закрепившейся в большой прозе об Урале.

Впервые путешествие как важнейшая составляющая образа Урала предстает в романе Мамина-Сибиряка «Без названия» (1894). Главный герой романа, прогрессивный предприниматель Василий Тимофеевич Окоемов, коренной москвич, едет на Урал для организации золотопромышленной артели. Эта поездка в художественном пространстве романа приобретает значение открытия России и подлинного, значительного существования в целом. Роман Мамина-Сибиряка актуализирует в образе Урала значение путешествия как поиска смысла жизни. Важно, что при этом он отсылает к античной мифопоэтике Аримаспеи. По пути на Урал главный герой романа вспоминает о древнегреческой легенде и грифонах, стерегущих несметные богатства Рифейских гор. Тем самым рассказ о деловом путешествии на Урал ментально соединяется с античной поэмой Аристея. Созданный Маминым-Сибиряком образ Урала при всей своей социокультурной и этнографической точности опирается на глубокое знание локальной мифологии и образное обобщение.

Онтологическое значение путешествия на Урал в романе «Доктор Живаго» отмечал в своих исследованиях геопэтики Б. Пастернака В.В. Абашев. Путешествие на Урал предстает здесь как воплощение судьбы героя, уральский Юрятин – это «пространство символа и смысла», «пространство судьбы» [Абашев 2010: 13]. Конечно, сюжет путешествия в Юрятин для его автора не был напрямую связан с экспликацией образа Урала. Пастернак, безусловно, в большей степени опирался на общекультурную семантику путешествия как жизненного пути и самопознания. Однако в контексте рассмотренных нами значений путевого дискурса уральской геопэтики преодоление границы реального и поэтического мира, пережитое доктором Живаго при

подъезде к Юрятину, смыкается с древними представлениями о пограничности Урала между реальным и мифологическим пространством. Общекультурные смыслы путешествия как архетипического сюжета мировой литературы накладываются на локальную традицию, давая новый толчок для ее развития. При ретроспективном взгляде на процесс утверждения путешествия в качестве важнейшего сюжета уральской геопоэтики, роман «Доктор Живаго» – даже помимо воли его автора – становится литературным оформлением геопоэтической модели «путешествие на Урал». Исходя из этого, путешествие Юрия Живаго вносит в геопоэтический образ Урала значение бегства из мира распавшейся культуры в спасительный мир природы. Образ уральского Варыкина, где разрешились все основные линии романа, становится местом подведения итогов, некоего абсолютного пространства, открывающего истину.

Сопоставление сюжетов путешествия в романах Мамина-Сибиряка и Пастернака, учитывая их влияние на становление уральской литературной традиции, позволяет говорить о формировании особой символической роли путешествия в уральской геопоэтике. Путешествие на Урал становится движением к своей судьбе, а за уральским пространством, как целью путешествия, закрепляется значение онтологического центра.

Подобный глубоко философский подход к интерпретации уральского ландшафта проявляется и в современной уральской прозе – прежде всего, у Алексея Иванова. Г.В. Ребель, оценивая образ главного героя повести «Географ глобус пропил», отмечает сюжетобразующую роль путешествия: «Для Служкина “поход – это как заповедник судьбы” (275), и сам он для своих учеников по мере продвижения вглубь и вдаль всё более явственно выполняет функции жесткой, прихотливой, коварной, непредсказуемой, но в конечном счете все-таки милосердной судьбы, которая подвергает нешуточным испытаниям, ведет по самому краю пропасти, но хранит от непоправимого несчастья» [Ребель 2006].

В исторических романах А. Иванова путешествие героев также выполняет сюжетостроительную функцию. Один из первых рецензентов А. Иванова Лев Данилкин так пишет о месте «Золота бунта» в истории русского романа: «Это роман про “поход за непосильным”, про фундаментальные для Большой русской литературы “поиски правды” – о спасении души...» [Данилкин 2005]. Выделение слова «поход» при характеристике художественной идеи романа подчеркивает значимость географической динамики в сюжетном развитии повествования.

Особая связь сюжета путешествия с уральским ландшафтом контрастно оттеняется новым проектом А. Иванова под названием

«Псоглавцы». Писатель делает неожиданный шаг: пространство с уже заданными самим писателем в предыдущих романах приметам уральского ландшафта (сочетание топосов зоны, карьера, раскольничьих скитов, узкоколейки) намеренно отрывается от Урала и переносится в нижегородскую область. Также как за нижегородским Алексеем Мавриным скрывается уралец Алексей Иванов, так и за Калитиным видится уральский Нырб, где в церкви Николая Чудотворца сохранилась одна из четырех оставшихся в России фресок Христофора Псоглавца. При такой локализации романного повествования четко выстраиваются все перечисленные значения уральского путешествия – архетип свершения судьбы, пограничность уральского пространства, его символическое богатство, охраняемые звероподобными существами, покрытыми шерстью – псоглавцами. Возможно, писателю показалось важным подчеркнуть общероссийский характер созданного образа: поволжское пространство этим задачам соответствует в большей мере. Однако случившийся отрыв узнаваемого уральского кода от аутентичной ему географии вызывает ощущение искусственной театрализации действия, что усугубляет схематизм созданных в романе образов.

Подводя итоги, нужно сказать, что путешествие, органично воплощая основные значения уральского пространства (удаленность, труднодоступность, опасность, сложность преодоления), из формообразующего приема превращается в важнейший сюжет большой прозы об Урале. На разных этапах своего вербального воплощения, путешествие фиксировало в образе Урала семантику границы – между реальностью и мифом, наполнение которого варьировалось внутри онтологической оппозиции умирания и воскрешения. В этом отношении локальная семантика уральского ландшафта оказывается встроенной в общий семиотический контекст путешествия как архетипического сюжета мировой культуры. На наш взгляд, благодаря пограничному положению Урала, связанному с горным характером местности, осмысление уральского ландшафта невозможно без учета особой роли путешествия / преодоления в истории его культурного освоения.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект 13-14-59010 «Формирование уральского дискурса в российской печати XIX – начала XX вв.».

² Путешествие рассматривается нами как специфический дискурс, соответствующий определенному способу взаимоотношения с миром, который основан на движении в пространстве.

³ Мы будем исходить из представления о геопоэтике, предложенного В.В. Абашевым, – это «исторически складывающаяся система образно-

символических констант в репрезентации географической территории как единого целого» [Абашев 2008: 475].

⁴ Подробнее об этом в ст. Е.Г. Власовой «У истоков образа Урала: отчеты об учёных путешествиях конца XVIII в.» (Культурная и гуманитарная география. 2013. Том 2, № 2).

⁵ Тему теллуризма уральской геопозтики впервые обосновал В.В. Абашев [Абашев 2008, 2009]

Библиографический список

Абашев В.В. Геопозтический взгляд на историю литературы Урала // Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в истории русской культуры и литературы XX века. Пермь, 2008. С. 473–493.

Абашев В.В. Мамин-Сибиряк: у истоков геопозтики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1(22). С. 51–59.

Абашев В.В. Путешествие с доктором Живаго: Борис Пастернак в Пермском крае. СПб., 2010. 98 с.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. Иркутск: ОГИЗ, 1941. LXI. 609 с.

Анисимов К.В. Урал глазами путешественников: мифопоэтика, идеология, этнография (раздел в коллективной монографии) // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII вв. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. С. 21–51.

Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Том 2, № 2. С. 159–171. URL: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73> (дата обращения: 10.10.2013).

Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московских делах. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1908.

Данилкин Лев. Капитанский сынок // Афиша. 23 августа 2005. URL: <http://www.afisha.ru/personalpage/191552/review/150919/> (дата обращения: 10.10.2013).

Пьянков И.В. Аристей: путешествие к исседонам // Исседон. 2005. Т. III. С. 15–35.

Ребель Г.В. Уроки географа // Литература. 2006. № 12. URL: <http://lit.1september.ru> (дата обращения: 10.10.2013).

Щеглов Д.А. Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации // Аристей. Классическая филология и античная история. 2010. Том. 1. С. 9–34.

E.G. Vlasova

Reader of Journalism Department

Perm State National Research University

THE TRAVEL IN THE URALS GEOPOETICS HISTORY

The peculiar significance of travels in the Urals geopoetics history is justified by the fact that it is the travelogue genre in which the first descriptions of Urals were created

(from “The Arimaspea” by Aristeas up to the traveller’s sketches by Vassily Nemirovich-Danchenko and Dmitry Mamin-Sibiryak). Further on the travel becomes the significant element of the big prose about the Urals (“Bez Nazvaniya” /*Without Title*/ by Mamin-Sibiryak, “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak, “Serdtshe Parmy ” /*Parma’s heart*/, “Zoloto Bunta” /*Revolt’s Gold*/, ”The Geographer Drank His Globe Away” by Alexei Ivanov). It is believed that the travel being the in-built representation of the Urals space main meanings (the remoteness, hardness, danger, difficulty of passage) out of the matrix method is being changed into the Urals geopoetics representative plot.

Key words: Urals geopoetics; travelogue; trave; Urals space image.

УДК 8:070

Дунаева Полина Николаевна
студентка 4 курса филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
polyanka_06@mail.ru

ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА И ГУМАНИТАРНОЙ ПРАКТИКИ А. ИВАНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГОСФЕРЫ)

Статья посвящена такому направлению современной журналистики, как блоггинг. Подробно анализируются отклики блоггерров о творчестве и гуманитарной практике Алексея Иванова. Рассматривается формирование образа писателя в блогосфере на основе полученных результатов.

Ключевые слова: Livejournal; Алексей Иванов; блогосфера; веблог; гражданская журналистика; читательское восприятие.

Сегодня в системе отечественных СМИ стремительно развивается такое направление, как гражданская журналистика. Этот вид журналистики подразумевает активное участие аудитории в процессе сбора, анализа и распространения новостей и информации. Как отмечают в статье «Аудитория, создающая новость: Новые течения в современной Зарубежной журналистике» А.В. Пустовалов и И.А. Березина, «в отечественной практике гражданская журналистика в большей степени связывается с блоггерством (в частности, с известным сервисом Livejournal)» [Пустовалов, Березина 2012: 195]. Веблог – это информационно наполненный дневник, т.е. одна из форм авторского проекта. Авторы веблогов (блоггеры), как правило, пишут о том, что с ними происходит, высказывают свои мнения по поводу тех или иных

политических и культурных событий, а также комментируют публикации в Интернете, связывая комментарии гиперссылками с источником [Калмыков, Коханова 2005: 90]. Можно говорить о том, что блоггеры находятся ближе к аудитории, они представляют такой текст, который воспринимается как не связанный с «профессиональными» СМИ и, следовательно, неангажированный [Пустовалов, Березина 2012: 195]. Помимо всего прочего, в блогосфере формируется массовое представление о том или ином явлении действительности. Лауреат премии журнала «Знамя», екатеринбургская писательница Ольга Славникова, рассуждая о том, чем отличается восприятие так называемого широкого читателя от профессионала, отмечает: «Сегодня эхо широкого читательского восприятия можно уловить в блогосфере». Итак, о читательском восприятии фигуры Алексея Иванова мы будем судить по публикациям в блогосфере.

Мы поставили перед собой задачу проследить, как блогосфера реагировала на творчество и гуманитарные практики Алексея Иванова, каким в блогосфере предъявлен образ писателя. Для решения этой задачи был проведен фронтальный контент-анализ публикаций, размещенных на самой популярной в России блогплатформе Livejournal.com и касающихся Алексея Иванова. Были собраны публикации с 2009 по 2012 годы: именно в этот период творчество и культурная деятельность Алексея Иванова становятся особенно обсуждаемыми. Во-первых, это связано с выходом книг «Летоисчисление от Иоанна», «Хребет России», «Увидеть русский бунт», «Псоглавцы», «Комьюнити» и др.; фильмов «Царь», «Хребет России». Во-вторых, Иванов не только пишет и издает романы и повести, но и участвует в создании фотокниг, телевизионных фильмов, в 2009–2012 годах писатель принимал активное участие в дискуссии вокруг культурной политики в Пермском крае и стал одним из главных голосов пермской стороны конфликта. Исходя из этого, основными направлениями деятельности Алексея Викторовича можно назвать и собственно литературное творчество, и гуманитарную практику. Им и посвящена большая часть публикаций в блогосфере.

Произведения писателя отмечаются блоггерами не только однословными «понравилось» или «не понравилось», но и глубокими серьезными рецензиями. Самым популярным в блогосфере является один из первых романов писателя – «Географ глобус пропил». Это произведение не только регулярно появляется в списке рекомендуемых к прочтению книг, но и постоянно цитируется, сопровождаясь при этом длинной цепью комментариев. Цитируются, обсуждаются и другие произведения Иванова. Особое внимание уделяется роману «Сердце

Пармы» (или «Чердынь – княгиня гор»); многие считают его лучшим произведением автора, которое одно может оставить имя автора в истории литературы. Распространены рецензии на романы «Обцага на крови», «Золото бунта», «Блудо и Мудо». Но, безусловно, наряду с высокими оценками произведений Алексея Иванова, есть и очень критичные отзывы, однако первые всё же преобладают. Вместе с тем последние произведения Иванова – «Псоглавцы», написанные под псевдонимом Алексей Маврин, и «Комьюнити» – были восприняты неоднозначно и вызвали бурное обсуждение. Если роман «Псоглавцы» имел преимущественно положительные отзывы, то «Комьюнити» читатели-блоггеры встретили резко отрицательно.

Произведение «Хребет России» и одноименный телепроект называют отправной точкой в широкой известности Алексея Иванова. Часто встречаются материалы, в которых блоггеры, рассуждают о своей родине, отмечая, что узнали о многих исторических фактах из фильма «Хребет России». Также распространены комментарии о возникшем желании побывать в местах, описанных автором, после просмотра фильма и прочтения краеведческих книг Алексея Иванова. Зачастую появляются путевые очерки, посвященные местам, описанным в произведениях писателя. Пользователь me7janin пишет, что Иванов «поднял из глубокого забвения континент Урал с его Пермью, вогулами, казаками, самостийными князьями, горнорабочими и сплавщиками». Блоггер water_nymph7 делится своими впечатлениями от фильма «Хребет России»: «Раньше я не очень интересовалась историей Урала, но после фильма просто ей загорелась». Такие высказывания среди блоггеров не единичны, что позволяет сделать вывод – Алексей Иванов успешно привлекает внимание потенциальных туристов к Пермскому краю.

Большие споры вызывает язык писателя. Есть мнение, что «язык Иванова вообще рассчитан на не слишком требовательного читателя», «язык так себе». Часть аудитории, напротив, отмечает, что «написано неплохим языком». Третьи говорят, что язык уникальный – «его не спутаешь ни с чьим».

Мы можем сделать вывод, что в основном оценка творчества Алексея Иванова положительная. О нем говорят, как о «великом», «крайне популярном», «лучшем» современном писателе, «классике», «одном из ведущих современных прозаиков», «золотовалютном резерве русской литературы», «номере один в России». Пользователь uksare пишет: «... у него книги, как реки, да, только уральские». Примечательно, что некоторые блоггеры ставят Иванова на одну

ступень с такими известными писателями, как К.Г. Паустовский, А.В. Вампилов и даже Л.Н. Толстой.

В блогосфере активно обсуждаются и такие смежные с литературным творчеством направления деятельности А. Иванова, как краеведение, историография. Блоггерами отмечается, что Иванов не только пишет романы на краеведческой основе, но и выступает как исследователь. Так, например, блоггер *sotivs* из Оренбурга в публикации «Стиль жизни – исследование пещер. Кызыладырское карстовое поле» пишет: «С красной планетой сравнивал наш край Алексей Иванов – краевед, историк из Перми». Следовательно, мнение Алексея Викторовича считают авторитетным и приводят его суждения, цитаты из книг как аргументацию к своим тезисам. Этот авторитет распространяется и на события в сфере культуры. Так, *mr_k_bx* пишет: «В вопросах, связанных с Пермью, всегда прислушиваюсь к мнению великого современного писателя пермяка Алексея Иванова».

Уже несколько лет большое внимание в СМИ, не только региональных, но и федеральных, уделяется конфликту в пермской культурной сфере. Активное обсуждение этой темы особенно наблюдается в сети, в большей степени в блогосфере. Начальная точка конфликта связана с приездом в Пермь московского галериста Марата Гельмана и реализацией в городе под его патронатом новой культурной политики. Дискуссия развернулась между московскими деятелями культуры во главе с Гельманом и пермскими, одним из лидеров которых стал Иванов. Так, в газете «Новый компаньон» и на сайте писателя в 2009 году было опубликовано около десятка развернутых реплик и статей Иванова, в которых он обосновывал свое отношение к приезжим культуртрегерам и решениям пермских властей в сфере культуры. Точное соотношение различных мнений блогосферы по этому поводу требует тщательных подсчетов, мы же постараемся обозначить общие направления размышлений.

В блоге пользователя *patryot2010* приводится высказывание публициста Егора Холмогорова, который сетует на то, что с творчеством Иванова в Перми обозначилась «... явная точка роста, и вдруг на эту точку садится стервятник и начинает кричать, что он сделает тут что-то невероятно крутое, привлекает все внимание на себя. А люди, которые эту точку роста развивали, вынуждены значительную часть своих сил тратить на то, чтобы от него отбиваться». Многие блоггеры поддерживают такую точку зрения. Так, *aksenija* пишет: «Все-таки жалко, что именно Иванов возглавляет эту пермскую оппозицию. И он писатель хороший, и Гельман дело делает. Но зато интрига есть». В

ответ adlov возмущается: «Иванов не может сделать лучше Гельмана. Но оценить сделанное Гельманом – почему нет».

Особо бурные обсуждения в блогосфере разгорались после выхода интервью с Ивановым в «Русском репортере» под названием «Россия: способ существования. Где искать национальную идентичность и как с ней жить» и «Алексей Иванов: “Пермский опыт изнасилования теперь будет распространяться на всю Россию”» на РИА «ФедералПресс», публикаций писателя в газете «Новый компаньон», а также отказа Алексея Иванова от Строгановской премии и начала реализации его творческих проектов в Екатеринбурге.

Все это позволяет говорить о том, что Иванов открыто заявляет о своей позиции в общественной жизни и формирует свою культурную стратегию не только посредством литературных текстов, но и посредством публичных действий и заявлений. Блогосфера активно откликается на общественную деятельность писателя. В публикациях, посвященных полемике о культуре, к имени Алексея Иванова прибавляются определения: «вечный оппонент», «гонитель Гельмана», «гельманоборец», «главный пермский оппонент».

Итак, можно сделать вывод, что образ Алексея Иванова, создаваемый в блогосфере, весьма неоднозначный. С одной стороны, Иванов как писатель, краевед и историк по большей части положительно оценивается блоггерами, с другой стороны, к его общественной деятельности многие авторы блогов относятся негативно, иногда с некоторой иронией. Однако блоггеры, которые не поддерживают Алексея Иванова в полемике о пермской культуре, подчеркивают его творческие заслуги. В заключение позволим себе патриотически отметить, что наиболее частотными определениями, относящимися к личности Алексея Иванова в российской блогосфере, являются «пермский», «провинциальный», «местный», «уральский».

Библиографический список

Жукова Н. Алексей Иванов: Пермский опыт изнасилования теперь будет распространяться на всю Россию // URL: http://old.fedpress.ru/federal/press_center/interview/id_197966.html (дата обращения: 15.03.2013).

Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика: Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 383 с.

Мильчин К. Россия: способ существования. Где искать национальную идентичность и как с ней жить // Русский Репортер. 2010. № 39. // URL: <http://rusrep.ru/article/2010/10/05/literatura> (дата обращения: 15.03.2013).

Пустовалов А.В., Березина И.А. Аудитория, создающая новость: новые течения в современной зарубежной журналистике // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2(18). С. 194–201.

P.N. Dunaeva

Student of Philological Faculty, 4th year
Perm State National Research University

READER'S PERCEPTION OF CREATIVE AND PUBLIC ACTIVITIES OF A. IVANOV (BASED ON BLOGOSPHERE)

The article is devoted to blogging. Author explores how bloggers react on creative and public activities of writer Alexey Ivanov. Author is forming the image of writer in blogosphere basing on research's results.

Key words: Livejournal; Alexey Ivanov; blog; blogosphere; citizen journalism; reader's perception.

УДК 81'374 (470.53)

Зверева Юлия Владимировна

лаборант кафедры общего и славянского языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
zv.ul@mail.ru

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ВЫПЕЧНЫХ ХЛЕБНЫХ ИЗДЕЛИЙ В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ¹

В статье рассматриваются названия выпечных хлебных изделий в пермских говорах. Выявляется мотивация языковых единиц этой группы, анализируются лексемы иноязычного происхождения. Названия этой тематической группы отражают особенности быта русских на территории Пермского края, а также языковые контакты русских с другими народами.

Ключевые слова: лексика; лексико-семантическая группа; пермские говоры; выпечные изделия.

В пермских говорах представлено большое количество наименований, относящихся к тематической группе слов «Питание», ЛСГ 'наименования выпечных изделий' также входит в эту группу. В питании жителей Пермского края существенное место занимали блюда из выращиваемых здесь зерновых культур, традиционный стол всегда включал в себя различные виды выпечных изделий. В говорах региона отмечается более 150 языковых единиц, называющих эти блюда.

Лексика питания пермских говоров нашла отражение в работах И.И. Баклановой, Ю.В. Зверевой [Бакланова 2008; Зверева 2008, 2009,

2011], на материале памятников письменности рассматривает языковые единицы этой группы Е.Н. Полякова [Полякова 2009а, 2009б, 2010]. Пища как неотъемлемая часть бытовой и культурной жизни народа описывается также этнографами, например, в работе А.В. Черных «Народы Пермского края» [Черных 2007], а также в коллективной монографии «Народы Поволжья и Приуралья» [Народы Поволжья и Приуралья 2000].

Способы номинации лексем, входящих в эту группу, разнообразны. Так, выпечные изделия (без конкретизации признаков) обычно мотивируются глаголом *стряпать* (*постряпать*): **пострепе'ньки, постряпу'шки, стряпаньё, стряпени'на, стряпно'е, стряпня'** 'печёные хлебные изделия'. Для собирательного обозначения выпечных изделий используется также лексема **хле'бное** (*Хлебное у каждого своё – кто шаньги, кто печенье, булочки* (Меча Киш.) [СРГЮП 3: 308]).

Вид муки, используемой для приготовления изделия, лежит в основе именования таких единиц, как: **аржани'на, ржани'на, ржани'нка, ржану'шка** (*В магазин опеть ржанину привезли* (Камгорт Черд.); *Ржаной хлеб. Ниче в лавке не было, одна аржанина, а я не могу есть аржаной хлеб* (Вильва Сол.) [КСРГСПК]; *В тряпочку начавкают хлеба ржаного с сахаром и дадут робёнку; мозгочит робёнок... Со ржанушки-то, как осколки, растут* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 291]; *Ржанинку каку-ко намажешь... Чем богаты, тем и рады* (Акчим Краснов.) [АС 5: 30]; **горо'ховик** 'лепешка из гороховой муки' (*Раньше любили гороховики стряпать. Натолкёшь мелко гороху и лепёшками печёшь. Как нонче оладьи делают* (Шаврята Ильинск.) [СПГ 1: 181]); **гречи'шник, гречу'шник** (*Я записался в колхоз, там де все пшеничники едят, а этто все гречишники, тут всё и робил в колхозе.* (Шульдиха Ел.); *Гречушник – это хлеб из гречневой муки.* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП 1: 201]); **пшени'чник** (*Раньше мы пшеничники пекли* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]); **овся'ница** (*Овсеница – овсяный хлеб* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]); **яру'шник** (*Ерушники – еровой хлеб. Из ячменю делали, не ржаной, а еровой. Они скусные были, хорошие* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]); **я'сник** (*Ясник из ясной муки, или ячменной, только на сыворотке, простокваше. Разболтают, когда творим, когда кладём гуцу, а утром кладём на листы* (Покча Черд) [КСРГСПК]). Лексемы, перечисленные выше, свидетельствуют о том, что в традиционном питании использовалось больше видов муки, чем в современном хлебопечении. Кроме того, пшеничный хлеб выпекался довольно редко и считался праздничным: *На праздник пшеничники пекли. Пшеница-то белая, а белый хлеб только ко празднику пекли* (Кривец Ильинск.) [СПГ 2: 250];

Ярусник пекли к празднику, из белой муки. Вот на свадебный стол. Тесто аржано, белый хлеб редко едали, токо попы да богаты (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК].

Наименование муки мотивирует также наименование **му'чник** (**му'сник, му'шник**) 'хлебное изделие, представляющее собой тонкую пресную лепешку, на которую накладывается квашеное тесто из ржаной или ячменной муки': *Мусник стряпашь – сочень вот какой соскёшь; и накладешь на его теста из квашонки; ничем не мажешь, ежели наголо ржаной, рубчики по краям сделаешь. Я седни хлеб-от испекла мусниками* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 531]; *Мусники из аржаной муки или из гороховой пекли* (Илаб Сол.) [КСРГСПК].

Обычно хлеб выпекался в домашнем хозяйстве, он редко был покупным. Именно поэтому в говорах зафиксированы антонимичные определения хлеба: **казённый** (**база'рский, бра'нный**) 'о хлебе недомашней выпечки' (*Ешьте этот хлеб, казенной-то хлеб, поди, надоел* (Сильново Караг.) [СПГ 2: 499]; *Накормила ребят браным хлебом, ржаной хлеб, не белый* (Езова Черд.); *Дак щас хлеб-от не пекём, всё базарский покупаем* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]) и **крестьянский** (**домашний**) 'о хлебе, выпеченном в русской печке' (*Крестьянской хлеб-от вкусняя магазинного* (Сильново Караг.) [СПГ 2: 499]; *В печи ярушник-то выпекали, домашний-то хлеб* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]). Этим же обстоятельством объясняется большое количество единиц, которые называют неудавшийся (неподнявшийся) хлеб: **алья'буш, бы'нда, закала', зака'ло, зака'льник, зака'листый** (**закалова'тый, зака'льный**) хлеб 'хлеб с непропеченным сырым слоем у нижней корки', **корка на подпорках** 'о неудавшемся хлебе, пироге и т.п. с отставшей коркой', **кулеба'ка** (**кулебе'ня**), **лачка'н, ля'ля, недо'ка, недопёка, неизда'ча** (**неуда'ча**), **неизда'шный хлеб, несами'к, ня'ча, узьма'лый хлеб.**

Часть единиц этой группы мотивирована способом изготовления теста, а также продуктами, которые входили в состав теста. Так, тесто могло быть дрожжевым или изготовленным без дрожжей: для обозначения первого в пермских говорах используются лексемы **квашо'нка** (*Растворила квашонку, а муки мало, не хватат* (Акчим Краснов.) [АС 2: 40]) и **кваша'** (*Утром стала пораньше – квашу месить на хлебы* (Дуброво Ел.) [СПГ 1: 386]), бездрожжевое тесто называется **пресным**: *На свадьбу вахли стряпали. Стряпали их из пресного теста. Они такие мягкие, хорошие были* (Вогулка Ус.) [СПГ 1: 79]. Кроме того, тесто могло быть заварным, которое получается путем заваривания муки с водой, маслом и солью и последующего замешивания заваренной массы с яйцами. В пермских говорах отмечается лексема **завару'шка**

‘изделие из заварного теста’ (*Масло вскипятим, маленько муку, маленько крахмал, заварённые заварушки звали их. Заварушки-то: колобок сделают и ямоцьку и потом пропекают* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]).

В говорах также фиксируются единицы, в которых отражается и такое качество теста, как сдобность: **моло’сный хлеб** ‘хлеб, в тесто которого добавляется молоко’ (*Разговлеются, там молоко нарежают, хлеб молосной стряпают* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]), **песо’чник** ‘изделие из песочного теста’ (*К свадьбе песочники стряпали, понынешнему печенье* (Тюлькино Сол.) [СПГ 2: 95]), **по’стник** ‘постный пирог’ (*Постничали – постники стряпали. Уже без масла, без молока тесто. Положишь капусту, грибы ли, редьку ли, и всё* (Сёйва Гайн.) [СРГКПО: 96]); **сдо’бник** ‘пирог из сдобного теста’ (*Каша. Кто поллитру водку к другу ходят, у кого ребята есь, у кого нет. Сдобники настряпают* (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК]). Такие языковые единицы отражают специфику традиционной кухни, в которой блюда делились на постные и скоромные.

Важным признаком мотивации выпечных изделий является место выпекания. Наибольшее количество единиц связано с номинацией хлеба, испеченного на листе в русской печи: **листво’й хлеб, листовя’нка** (**листя’нка, листя’нка**), **нали’ственник, налистя’шка**. Кроме того, хлеб мог быть испечен на поду в русской печи, отдельных единиц, его называющих, в пермских говорах не встречается, обычно к виду хлеба добавляется определение **подо’й** (**пото’й, по’дный**). Такие лексем, как **надпы’льник** ‘пирожок с капустой, испеченный над пылом – на углях в устье печки’ и **шесто’чник** ‘пирожок с капустой, испеченный на шестке, перед огнем русской печи’ также мотивированы местом выпекания.

В говорах Прикамья фиксируется большое количество лексем, обозначающих пироги и шаньги, названия которых зависят от начинки. Такие наименования могут иметь форму номинативного сочетания и отдельной лексической единицы, оформленной с помощью суффиксов **-ник, -овик, -ушк**. Так, фиксируются названия пирогов, мотивированные наименованиями **овощей**: **калежный пирог, капу’стник, карто’вник** (**карто’вошник**), **лу’ковик** (**лу’кович**) и **луковышный пирог, морко’вник, ре’пник** и **ре’пный пирог, ре’тешник** и **ре’тешный пирог, свеко’льник, си’тченый пирог** (пирог из *си’ченки* ‘квашеной капусты, приготовленной из мелко нарубленных зеленых листьев’); **ягод**: **брусничник, кали’новик** и **кали’новый пирог, черёмушник, черни’чник, я’годник**; **грибов**: **грибник, гу’бник** ‘пирог с грибами’ и **гу’бный пирог, грузлёвик** ‘пирог с солеными груздями’. Кроме

овощей, грибов и ягод, в качестве начинки использовались и такие дикоросы, как *пестики* ‘побеги хвоща полевого’, *пиканы* ‘один из видов борщевика’, *щавель*. Пироги соответственно назывались **пестичными** (**песто’вными**, **пестяны’ми**), а также **писте’шниками** (**пистельниками**, **пи’стешками**); пироги с пиканами – **пика’нниками**, со щавелем – **ки’слениками** (кисленка ‘щавель’ в пермских говорах). В традиционном питании жителей Пермского края были распространены также выпечные изделия с крупой, о чем свидетельствуют такие языковые единицы, как: **крупиня’к**, **кру’пный пирог** ‘пирог с крупой’, **нале’вник**, **налеву’шка** ‘изделие из теста (обычно квашеного), испеченной с вареной крупой’, **перло’венная шаньга** ‘шаньга с начинкой из перловой крупы’, **про’совая шаньга** ‘шаньга с начинкой из пшеничной крупы’. В качестве начинки использовалось также семя конопли, что нашло отражение в таких единицах, как: **сокови’к** (*Комок разогревается, и масло бежит, чисто масло бежит. А это остается сок. Из его пекут пироги, соковые пироги, хорошие, вкусные* (Акчим Краснов.) [АС 5: 113]) и **со’ковый пирог** (*Конопляные пироги – соковы, соковики. Не называют конопляники, называют соковики* (Ужиткарс Гайн.) [КСРГСПК]).

Начинкой пирогов могла быть соль, что нашло отражение в таких номинациях, как: **соло’ни’к** (*Солоники были. Тесто, сочни, накладывают туда соли и испекут. Вот и ели* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]) и **шабу’рник** (*А у нас ещё шабурники всё стряпал. Тесто наскут, солью посыпят, вот тебе и шабурники* (Тагьяшер Черд.) [КСРГСПК]). Внутренняя форма слова **солоник** прозрачна, лексема **шабу’рник**, скорее всего, мотивирована словом *шабу’р* ‘старинная верхняя одежда, сшитая из домотканого холста’. Основанием переноса названия одежды на выпечное изделие, видимо, является или признак внешнего вида: ржаное тесто по цвету похоже на грубый холст, или признак повседневного (непраздничного) употребления. Большое число названий пирогов в пермских говорах говорит и о большей детализации, которая свойственна диалекту по сравнению с литературным языком, и о том, что продуктов для начинки выпечных изделий в традиционной кухне использовалось больше, чем в современном питании.

Пироги и шаньги начиняли также продуктами животного происхождения. Так, рыбный пирог часто был ритуальным блюдом: его пекут на свадьбы и поминки: *Пирог рыбной на свадьбе, холодец, пиво* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]; *Первое кутья, там суп, парёнки могут быть, пироги рыбные, капустаные* (Посад Киш.) [СРГЮП 2: 288]. Для номинаций пирога с рыбой в пермских говорах используются лексемы **ры’бник**, **снето’вник** (*Стряпаем пироги с рыбой. Рыбник, снетовник*

(Камгорт Черд.) [КСРГСПК]); **тобо'лка** (*Тоболка – пирожок маленький с рыбой* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]).

Если не было поста, то в качестве начинки использовали молочные продукты. Обычно начиняли пироги творогом, выпечные изделия с ним назывались **творо'жниками**, **сы'рными пирогами** и **сы'рниками**. В традиционной кухне сыром называли творог, из которого под прессом удалили лишнюю жидкость, а затем высушили для хранения впрок: *Сыр с осени делали из своего творога – катали колобками, сушили у окна на полочках, а зимой размачивали в молоке* (Бахари Краснов.); *Колобки из сыра. Творог выцедишь, посолишь, вымесишь, колобки сделаешь, сушишь, сыр получатся* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]. Явное преобладание названий пирогов, в которых начинкой были продукты растительного происхождения, свидетельствует о том, что в традиционной кухне постная пища была основной. С течением времени в кухне жителей Пермского края появились новые продукты, что привело к возникновению таких языковых единиц, как: **изю'мник**, **изю'мный пирог**, **пови'дленник**, **пови'дленный пирог**.

Часть лексем, обозначающих выпечные изделия, мотивирована способом изготовления, который отражается на внешнем виде: **виту'шка** 'изделие из муки: булка, крендель, калач, ватрушка'; **вити'к** 'печеное хлебное изделие в виде кренделя', **за'гибень**, **сги'бень** (**сги'беник**, **сги'бничек**) 'печеное изделие, раскатанного и сложенного (согнутого) вдвое'. Способ изготовления теста лежит в основе лексем **выкатыш** 'круглый печеный хлеб' и **трёпанец** 1) 'пирог из кислого теста', 2) 'испеченная наскоро хлебная лепешка'. Способом тепловой обработки мотивированы слова **жа'реник**, **пряженик** 'жареный пирожок' (*пря'жи'ть* в русских говорах 'жарить в масле').

Некоторые языковые единицы этой группы объясняются назначением выпечного изделия. Часто функциональные наименования получали обрядовые блюда: **дору'жники**, **подору'жники** 'обрядовая еда, которой завершали свадебный обряд; прощальные пироги', **ми'лостинка** 'булочка, выпекаемая к дню поминок для раздачи поминающим', **смехоту'шка** 'пирог для смеха с необычной начинкой, который подавали на второй день свадьбы'.

Диалектная лексика данной группы отражает историю жителей края, их трудную жизнь во время Великой Отечественной войны. Так, в говорах отмечаются слова, называющие хлебные изделия с примесью травы: **зелену'шка** 'оладья, лепешка с травой' (*Ничего нет, дак и зеленушки в ход идут, тогда есть-то нечего было, соберем травы да с тестом и замесим* (Платошино Пермск.) [СПГ 1: 324]); **или'мовик** 'лепёшка-суррогатник с мукой из илима (вяза листоватого)' (*Подумать*

ведь только, илимовики ели – это лепёшки с добавлением илима (вяза) (Чернушка) [СРГЮП 1: 152]); **па'тынка** (В войну-то голодно было, дак мы патынки пекли из кислянки да лебеды (Русалевка Чайк.) [СПГ 2: 79]); **суррога'тник** 'лепёшка или каравай из суррогата' (Гнилуя картошку хранили от мышей в кадочке, из неё пекли оладешки, суррогатники. (Атняшка Чернуш.); Чё только в суррогатники-то не ложили – всяку всячину' (Чернушка) [СРГЮП 3: 202]); **травяну'шка** (Хлеба-то не было, травянушки ели. Пистики ле, клевер ли истолкёшь, мучки добавишь, испекёшь – вот и травянушки (Грудная Караг.) [СПГ 2: 446]). Мучные изделия, названные диалектными лексемами **аля'быши**, **аля'бушки**, тоже могли быть изготовлены с добавлением травы: *Алабыши делали из рубленой крапивы с ячменной крупой* (Камгорт Черд.); *Алябушки, хлеба-то не было, дак перерошшые пистики, клеверные сосульки – всё запекали* (Илаб Сол.) [СРГСПК 1: 32].

Лексика этой группы включает слова не только русского происхождения, но и заимствования. Так, тесное соседство русских и коми-пермяков привело к заимствованию русскими у коми-пермяков некоторых кушаний, а также их названий. Чаще всего подобные наименования сохраняют то же значение, что и в языке-источнике (*пелья'н* 'пельмень' ← коми-перм. *пельнянь* [КПРС: 330], *челта'н* 'круглый хлеб из ржаной муки, каравай' ← *човпан* 'каравай' [КПРС: 540]). Но может происходить и некоторое изменение семантики (в сторону конкретизации), например, **тупо'шка**, **тупо'ська** имеет в пермских говорах значение 'творожная запеканка, оладья (без крупы)' (*Надо тупоску испечь* (Юм Юрл.). *Тупоська – она из творога* (Юм Юрл.). *Я таки шаньги на Петров день пеку, тупошки, с творогом.* (Сергеева Юрл.) [СРГКПО: 242]. Слово является производным от коми-пермяцкого *тупось*, *тупоська* 'булочка, плюшка' [КПРС: 494] и родственно коми-зырянскому *тупось* 'круглый ржаной хлеб, коврига, каравай' [КЭСЯ: 286]. В картотеке СРГСПК есть лексема **ко'рыши** 'сочень' (*Оденьё – отходы от молосного масла. Идёт в стряпню. Корыши делают. Корыши на оденье, замешанные сочни* (Ужиткарс Гайн.) [КСРГСПК]. Слово *кõрыши* фиксируется в словаре коми-пермяцкого языка со значением 'сочень, сочни' [КПРС: 194]. В русском языке лексема сохраняет то же значение, что и в коми-пермяцком. Результатом адаптации иноязычного слова является лексема **узъмалый** в сочетании **узъмалый хлеб**, о чем пишут авторы «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа» [СРГКПО: 31].

Таким образом, мотивация выпечных изделий в пермских говорах разнообразна: в основе названия может лежать вид муки, способ изготовления теста, состав теста, место выпекания, начинка изделия и

т.д. Наличие нескольких названий одной реалии, а также существование словообразовательных вариантов языковых единиц свидетельствует о стремлении диалектоносителя дать возможно более детальное обозначение предметов действительности. Кроме того, наименования выпечных изделий отражают особенности быта русских, проживающих на территории Пермского края, а также контакты носителей диалекта с представителями других национальностей.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 11-34-00330а2, 12-34-01043а1.

Библиографический список (с использованными сокращениями)

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2003. Вып.1-5.

Бакланова И.И. Названия мучных изделий в пермских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2008. С. 274–279.

Зверева Ю.В. Лексико-семантическая группа «питание» в пермских говорах как источник этнокультурной информации // XX Оломоуцкие дни русистов: Материалы Междунар. конф. (02.09–04.09.2009 г., г. Оломоуц). Оломоуц, 2009. С. 101–104.

Зверева Ю.В. Названия алкогольных напитков в пермских говорах // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. трудов. Ч. 2. Вологда, 2008. С. 50–54.

Зверева Ю.В. Тематическая группа «Названия пищи» в Словаре русских говоров севера Пермского края // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 25–31.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края, хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. 579 с.

Полякова Е.Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009а. Вып. 1. С. 3–17.

Полякова Е.Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья вторая // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009б. Вып. 5. С. 5–15.

Полякова Е.Н. Что пили и курили в Прикамье в XVI – первой трети XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2010. Вып. 1(7). С. 5–11.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып.1-2 / под ред. А.Н. Борисовой и К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / ред. И.А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с

СРГСПК – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып.1–3. Пермь, 2010–2012.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып.1–3. Пермь, 2010–2012.

Черных А.В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь: Изд-во «Пушка», 2007. 296 с.

Сокращенные названия районов Пермского края

Гайн. – Гайнский район; Ел. – Еловский район; Ильинск. – Ильинский район; Караг. – Карагайский район; Киш. – Кишертский район; Краснов. – Красновишерский район; Перм. – Пермский район; Сол. – Соликамский район; Ус. – Усольский район; Чайк. – Чайковский район; Черд. – Чердынский район, Чернуш. – Чернушинский район; Юрл. – Юрлинский район

J.V. Zvereva

Laboratory Assistant of General and Slavic Linguistics Department
Perm State National Research University

PRINCIPLES NOMINATIONS BAKED PRODUCT IN PERM DIALECTS

The article is devoted to the analysis of baking nomination in Perm dialects. The motivation of the words, forming the group, is revealed. The names of this theme group is representative features of Russian life in the Perm region and interethnic interactions in Perm region.

Key words: lexis; lexical-semantic group; Perm dialects; baking.

УДК 81'28(470.53)

Пантелеева Лилия Михайловна

соискатель кафедры общего и славянского языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
liliya_pant@mail.ru

ПЫСКОРСКИЕ РУКОПИСИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ¹

В статье определяется степень изученности пыскорских памятников письменности как лингвистических источников, а также дается краткое палеографическое описание некоторых документов Пыскорского медеплавильного завода из коллекции Государственного архива Пермского края.

Ключевые слова: лингвистический источник; палеографический анализ; Пыскорский медеплавильный завод.

Пыскорскими рукописями называются памятники письменности, составленные в разное время на территории современного села Пыскор Пермского края и представленные документами разного содержания и жанровой принадлежности.

Количество дошедших до современности пыскорских рукописей достаточно велико. Это связано с долгим существованием на данной территории двух крупных организаций: основанного Григорием Строгановым в 1560 году Спасо-Преображенского монастыря и учрежденного казной в 1640 году медеплавильного завода. Безусловно, служебная переписка монастыря и завода составляет наибольшую часть сохранившихся деловых бумаг, написанных на территории Пыскора. Однако не все памятники письменности имели исключительно местное значение. Историкам известен один из списков Русской Правды, так называемый Царский III, составленный в первой половине XVII века и закрепляющий общерусские правовые нормы: «Названный список происходит из Пыскорского монастыря на Каме, т.е. из пределов Пермской земли, где, по нашему предположению, возникла Сокращенная Правда» [Тихомиров 1953].

Сегодня невозможно установить точное количество пыскорских памятников письменности. Они хранятся в архивах разных территорий. Нам известны собрания пыскорских документов в Государственном архиве Пермского края, Государственном архиве Свердловской области, Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном историческом архиве, Санкт-Петербургском институте истории Российской академии наук.

Монастырский и заводской фонд пыскорских рукописей содержат не только ценные свидетельства духовной и промышленной истории Верхнекамья, но и сведения о специфике речевого пространства этой территории. Этим они и привлекательны для лингвистов. В 90-е годы прошлого столетия к лингвистическому изучению пыскорских деловых актов обратилась доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания ПГНИУ Елена Николаевна Полякова. Ею внесен бесценный вклад в исследование пермских памятников письменности.

Акты Пыскорского монастыря как источники лексики включались почти во все лексикографические издания Е.Н. Поляковой: «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века» (в 6 т., 1993–2001), «К истокам пермских фамилий» (1997), «Словарь пермских фамилий»

(2005), «Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков» (2007), «Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века» (в 2 т., 2010). Собрание пыскорских рукописей наряду с другими пермскими документами легло в основу ее учебных пособий «Русская региональная историческая лексикография (по материалам пермских памятников XVI – начала XVIII века)» (1990), «Региональная лексикология и ономастика» (2006), «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья» (2009) и монографии «История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII вв.» (2010).

С опорой на пыскорские материалы Е.Н. Полякова написала множество статей о развитии делового языка и истории края. Перечислить их невозможно, упомянем лишь известную серию: «Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков» (2009), «Что пили и курили в Прикамье в XVI – первой трети XVIII вв.» (2010), «Что носили модницы в Прикамье в XVII – начале XVIII века» (2010).

Кропотливая и плодотворная работа Е.Н. Поляковой с пермскими деловыми документами не могла не вызывать восхищения. Интересом к письменному наследию края прониклись и ее ученики, написав на основе изучения местных документов немало дипломных работ и кандидатских диссертаций. В частности, изучением документов Пыскорского медеплавильного завода XVIII века сегодня занимается Николай Валентинович Чугаев (см. статьи исследователя [Чугаев 2009а, 2009б, 2010, 2011, 2012]).

Лингвистическая содержательность пыскорских документов осознается и высоко ценится не только пермскими лингвистами. Например, ученые Вологодского педагогического института привлекают деловые акты Спасо-Преображенского Пыскорского монастыря в качестве источников продолжающегося издания «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.», а ученые Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН – в качестве источников «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Лексика пыскорских рукописей вошла и в продолжающееся издание «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», так как одним из его источников стал уже упомянутый «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века» Е.Н. Поляковой.

Таким образом, можно отметить, что наиболее изученной за последнее время стала именно лексика пыскорских памятников, глубокий анализ особенностей этих документов на других языковых уровнях еще не осуществлялся. Кроме того, хоть многие из пыскорских деловых актов уже введены в научный оборот, бесспорно, большая их часть еще ожидает своего часа. Рукописные памятники содержат

объемный фактический материал, и, безусловно, каждый из них требует пристального внимания и всестороннего изучения.

Мы также обратились к исследованию документов из канцелярии Пыскорского медеплавильного завода, находящихся на хранении в Государственном архиве Пермского края. Все документы завода объединены сотрудниками архива в отдельный фонд под номером 180, названный «Пыскорский медеплавильный завод (Соликамский уезд Пермской губернии)». В фонде имеется одна опись дел, включающая 230 единиц хранения. Это документы, использованные для решения внешних и внутренних вопросов в деятельности завода. В пермский архив они попали в начале XX века, «когда согласно распоряжениям правительства на местах проводилась работа по розыску, сбору и сохранению документов ликвидированных организаций и учреждений дореволюционной России» [Плешкова: 5].

Подготовка к публикации всей коллекции документов фонда – дело сложное, требующее немало времени. Мы представим материалы нескольких дел, охватывающих период с 1782 по 1810 год и относящихся ко времени последнего пятидесятилетия деятельности Пыскорского завода:

1. Д. 107. Дело о продаже и приобретении на вырученные деньги лошадей для Пыскорского завода.

2. Д. 108. Дело о выплавке медной руды.

3. Д. 114. Столп сообщений о поступлении преступников на заработки на Пыскорский медеплавильный завод.

4. Д. 127. Дело о недостатке провианта и припасов у служащего В. Хомутова.

5. Д. 190. Дело о составлении расписного сменного списка нерешенных дел служащих, рудников, приисков для управляющего Пыскорским заводом Лукьянова.

6. Д. 197. Описание и чертежи Пыскорского медеплавильного завода.

7. Д. 208. Описание архива, конюшенной избы, фабрик, лесопильной мельницы, кузницы и других строений Пыскорского медеплавильного завода. Список заводских лошадей.

8. Д. 227. Спор между Пыскорской казенной конторой и графом Строгановым о Верхне-Гремячевском руднике.

Данные рукописные тексты заводской канцелярии разнообразны в жанровом и тематическом отношении. Они представляют собой рапорты о количестве выплавленной руды и чугуна, приобретении и продаже лошадей, поставке дров и песка, покупке припасов и медной руды у населения, передаче заводского имущества, уплате жалованья; доклады

о приходе и расходе денежной казны; описи заводских строений; описания чертежей; доношения от работников с просьбами о защите интересов; копии сообщений из Соликамского нижнего земского суда об определении преступников в работу и проч.

Остановимся на описании общих особенностей внешнего вида рукописей. Делопроизводственные акты сшиты в журналы суровыми нитками. Обложки журналов изготовлены из бумаги того же качества, на которой написаны документы. Только обложки дел 107 и 227 сделаны из плотного картона. Все документы имеют хорошую степень сохранности. Следы от грязи и затеков водой на листах журналов не мешают прочтению текстов.

На передней стороне обложек чернилами указаны исходные названия памятников, а также сделаны пометы о том, под каким номером они состояли в описи Пыскорского завода и в течение какого срока должны сохраняться, т.е. предназначены для временного или *всегдашнего* хранения. Имеются, кроме того, оттиски печатей с обозначением места хранения (Пермский окружной архив) и сведениями о том, какой номер фонда, описи, дела присвоен тому или иному сборнику по учетным записям архива.

Для написания документов канцеляристами использовались большие листы, сшитые в тетрадь, или же только половины больших листов. Редко деловые акты написаны на четверти листа. Более крупный формат листов задействован при создании чертежей Пыскорского завода в деле 197.

Писарями использовалась бумага отечественного производства первой половины XVIII века. Имеются листы бежевого, сероватого и синего цветов. Филиграни бумажных мануфактур просматриваются плохо. Удалось увидеть только литеры ярославской и вятской мануфактур.

Тексты деловых актов писались пером с двух сторон листа. Чернила имеют черный, коричневый и темно-коричневый цвет.

В документах имеется исходная нумерация листов чернилами и архивная карандашом. Они могут совпадать или не совпадать, могут и продолжать друг друга.

Документы, включенные в журналы, датированы. Время написания актов указано в текстах. Графика документов соответствует общим особенностям скорописи XVIII – начала XIX века. Отмечается разнообразие написания одних и тех же знаков, выносные буквы, отсутствие промежутков между служебными и самостоятельными частями речи и прочие особенности этого вида графики.

Данные косвенные приметы, касающиеся формата рукописей, материала для письма, орудия письма, чернил, графики документов полностью совпадают со временем написания текстов, что свидетельствует о подлинности данных деловых актов, а значит, и о правомерности их дальнейшего лингвистического изучения.

Получить представление о характере источников поможет следующий репорт из дела № 107. Печатное воспроизведение текста предлагается в современной графике с сохранением утраченных в современном алфавите букв, выделением выносных букв курсивом, авторским делением текста на слова, авторской орфографией и пунктуацией. Знак «/» указывает на конец строки, «//» на конец страницы.

[Л. 12]

[перв. поч.] 956 поданъ ноября 25 дня 1782 года записавъ и доложить

[вт. поч.] в Пыскорскѹ заводскѹ канторѹ отъ конюха Нестера Анофринева

репортъ

Из числа присланныхъ с Мотовиухинского наздешней Пыскорской заводъ лошадей мѣринъ гнедой ѹкоторого правое ѹхо порото грива наобѣ стороны былъ вволезни откоторой вылечить никакъ немогли потъоной сего ноября 21го числа пала, а измастерской книги еще невыключена того ради реченнѹю Пыскорскѹ заводскѹ канторѹ овыключке оной покорно прошѹ ѹчинитъ резолюцию ноября дня 1782го года

[трет. поч.]

Ксемѹ репортѹ вместо конюха Нестера Анофринева поеве прошению рѹкѹ приложилъ копенстѹ Осипъ Черниковъ

[Л. 12 об.] в Пыскорской заводской канторѹ посправке означенная палая лошедь восьми годовъ какъ помастерской книге показано ценою состояла въ 12рѹблевъ,

Копѣистѹ Сава Сыропятовъ

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-34-00330а2.

Библиографический список

Плешкова О.А. Пыскорский медеплавильный завод [Машинопис. текст]. ГАПК, ф. 180, оп. 1.

Полякова Е.Н. История имен жителей Пермского края XVI–XVIII вв.: монография. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. 280 с.

Полякова Е.Н. Краткий обзор коллекции свитков XVII–XVIII вв. Пермского краеведческого музея // Лексика и ономастика в памятниках письменности и живой

речи Прикамья. Избранные труды / Е.Н. Полякова. Пермь: Изд-во ПГУ, ПСИ, ПСИ МОСУ, ПССГК, 2002. С. 143–150.

Полякова Е.Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь: ПГУ, 2009. Вып. 1. С. 5–17.

Полякова Е.Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. 260 с.

Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2006. 256 с.

Полякова Е.Н. Русская региональная историческая лексикография (по материалам пермских памятников XVI – начала XVIII века): учеб. пособие к спецсеминару и спецкурсу. Пермь: Перм. ун-т, 1990. 88 с.

Полякова Е.Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. 464 с.

Полякова, Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2005. 464 с.

Полякова Е.Н. Что носили модницы в Прикамье в XVII – начале XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь: ПГУ, 2010. Вып. 2 (8). С. 14–24.

Полякова Е.Н. Что пили и курили в Прикамье в XVI – первой трети XVIII вв. (по данным лексики пермских памятников письменности) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь: ПГУ, 2010. Вып. 1 (7). С. 5–11.

Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010.

Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.: Вып. 1–4. / ред. О.С. Мжельская. СПб.: «Наука», 2004–2011.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: «Наука», 1975–1997.

Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 6 т. / сост. Е.Н. Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993–2001.

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVIII вв.: в 4 т. Т. 1, 2. / ред. Ю.И. Чайкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1953. 192 с. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000083/st003.shtml> (дата обращения: 10.01.2013).

Чугаев Н.В. Деловые тексты 1740 года в аспекте синтаксической деривации // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011. С. 44–49.

Чугаев Н.В. Из деловой переписки XVIII в. // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009а. С. 214–218.

Чугаев Н.В. К вопросу о почерках пыскорских документов XVIII в. // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. Вып. 2. С. 49–53.

Чугаев Н.В. Палеография двух документов Пыскорского медеплавильного завода 1741 г. // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009б. Вып. 3. С. 222–232.

Чугаев Н.В. Строение и употребление антропонимов в пыскорских деловых документах XVIII в. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–11 сент. 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 150–151.

L.M. Panteleeva

Post-graduate Student of General and Slavic Linguistics Department
Perm State National Research University

PYSKOR MANUSCRIPTS AS AN OBJECT OF LINGUISTIC DESCRIPTION

The article defines the degree of scrutiny of Pyskor manuscripts as linguistic sources and also it gives a brief paleographic description some of the documents of the Pyskor brassworks from the collection of the State Archives of the Perm region.

Key words: linguistic source; palaeographic analysis; the Pyskor brassworks.

УДК 070:[82.01:355.08]

Подлесных Алена Сергеевна

старший преподаватель кафедры журналистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alpodl@mail.ru

Медведева Софья Александровна

выпускница филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

ДИНАМИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕДИАОБРАЗА ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО¹

В настоящей статье исследована динамика репрезентации образа военнослужащего в журнале «Советский воин» («Честь имею», «Воин», «Воин России») с 1940-х годов до современности.

Ключевые слова: медиаобраз, военнослужащий, военная журналистика.

Журнал «Советский воин» – одно из старейших средств массовой информации, адресованных военнослужащим.

Аудитория «Советского воина» 1940-х гг. не ограничивается читателями-военнослужащими, скорее, журнал предназначен широкому кругу. Безусловно, в этот период актуальна военная тема – стихи, рассказы, повести о борьбе с фашистами, вести с фронта, статьи о героях Великой Отечественной войны.

Наряду с военной темой, освещаются вопросы восстановления государства. В связи с этим авторами акцентируются такие черты советского человека, как товарищеская взаимопомощь, достоинство личности, преданность Родине. Особо подчеркивается, что «партия, правительство и великий Сталин заботятся о дальнейшем повышении материального благосостояния трудящихся»², что «в капиталистических государствах главную тяжесть последствий войны перекладывают на трудящихся»³. Приводятся данные о росте цен на продовольствие в США, об уменьшении норм отпуска продуктов питания американскому народу, о количестве безработных и пр.⁴

Важную роль в журнале играет тема подвига советских людей: публикуются статьи о героях войны. «Подвижный человек с мужественным, загорелым лицом»⁵ – так представлен подполковник Романюк, парашютист, совершивший в годы войны 1578 прыжков. «Этот бесстрашный волевой человек наделен огромной силой воли, которая помогла ему стать профессиональным испытателем парашютов. Ему чуждо рекордсменство одиночек, которое так развито за рубежом. Коллективизм, чувство товарищества – вот черты советского человека»⁶.

В связи с тем, что 1940-е гг. характеризуются кризисом сельского хозяйства, широко освещается тема аграрного потенциала страны. В журнале рассказывается о новинках сельскохозяйственной техники – тракторах, комбайнах, автомашинах⁷.

После войны сократилось число трудоспособного населения, уменьшились посевные площади, не хватало сельскохозяйственной техники, в годы войны была уничтожена значительная часть скота. В связи с этим в 1940-е гг. появляется практика направлять военнослужащих на уборку урожая. Подчеркивается, что благодаря поддержке советских военнослужащих достигнуты значительные успехи в сельском хозяйстве. Журнал пишет о заслугах особенно успешных работников, говорит о том, что «исполинская сила колхозного строя» формируется из отдельных людей, героизм которых проявляется не только на войне, но и в трудовой деятельности.

Наряду с сельскохозяйственной, широко освещается тема промышленности и машиностроения. После окончания войны возникла

необходимость восстановления довоенных предприятий. Журнал публикует статьи о них: сахарный завод Харьковской области за сутки перерабатывает свыше 10 000 центнеров сахарной свеклы, а Измайловская прядильно-ткацкая фабрика поставила перед собой цель – выполнить пятилетний план за четыре года⁸.

Большую часть журнала, тем не менее, занимают художественные произведения на военную тему. Это повести о героизме советских солдат⁹; о разведчиках, которые разоблачают вражеских агентов¹⁰; рассказы о борьбе китайской народной армии против «превосходства белых янки над желтыми¹¹». Простые военные – пехотинцы, разведчики, саперы, танкисты, морские пехотинцы и воздушные десантники – становятся героями произведений. Из рассказов читатель узнает о ходе ведения боя, о минутах отдыха, о тонкостях службы, о боевой работе и простом солдатском быте. Обилие произведений на военную тему обусловлено направленностью журнала на патриотическое воспитание, что подтверждает его девиз «За нашу Советскую Родину!».

«Советский воин» этого периода публикует статьи о русских писателях и художниках, о значимости их вклада в создание реалистичной картины действительности: «Мастера художественной изобразительной культуры создавали в честь армии такие произведения, каких не знает буржуазное искусство, ибо в капиталистических странах существует преграда, отгораживающая армию от народа»¹².

Нередко освещаются достижения военных спортсменов: «победа пришла к армейским хоккеистам и команда ЦДКА становится чемпионом Советского Союза, набрав 33 очка из 36 возможных»¹³.

Первостепенная задача советского человека в 1940-е гг. – восстановить промышленность, добиться подъема сельского хозяйства, обеспечить технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства, повысить обороноспособность страны и оснастить Вооруженные силы новейшей военной техникой. Тем не менее, советский военнослужащий интересуется культурой, спортом, литературой.

Тенденция 1940-х отправлять военнослужащих на сельскохозяйственные и строительные работы продолжается и в 1950-е.

В связи с тем что после окончания войны состав Советской Армии был сокращен, многие военнослужащие были направлены осваивать целину. Освоение целины начинали без предварительной подготовки, при полном отсутствии инфраструктуры, квалифицированных кадров, не говоря уже о жилье для рабочих и ремонтной базе для техники. Но военные стойко переносили трудности: «С тех пор прошло немногим больше года, а как неузнаваемо преобразились отведенные нам земли! Мы вспахали тысячи гектаров целины и залежных земель. Там, где еще

недавно расстилалась ковыльная, необжитая степь, вырос поселок центральной усадьбы»¹⁴.

Сразу после Великой Отечественной войны советское государство вступает в холодную войну с США и ее союзниками, включается в гонку вооружений. Правительство СССР особое внимание уделяет разработке новых видов оружия, проведению ядерных испытаний. Уточняется, что испытания проводят в мирных целях: «... мы хотим использовать атомную энергию для реализации великих планов мирного строительства, чтобы перемещать горы, менять течение рек, орошать пустыни, чтобы создать условия там, где редко ступала нога человека»¹⁵.

Номер журнала за 1953 г. посвящен смерти И.В. Сталина. На страницах размещены его портреты, опубликованы письма-соболезнования от ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР¹⁶. Весь выпуск пронизан горечью утраты вождя, авторы вспоминают основные вехи его жизненного пути, его заветы. Сталин выполнил обещание «... отдать делу рабочего класса, пролетарской революции и мирового коммунизма все силы, все способности и, если понадобится, всю кровь, каплю за каплей»¹⁷.

Журнал 1950-х гг. подчеркивает, как счастливы советские люди, о которых заботится партия, и как беспокойна жизнь за границей. Читатель узнает, что «американские толстосумы и боннские банкиры и промышленники содержат фашистских молодчиков из аденауэровской полиции. Западногерманская военная машина создается за счет разорения широких слоев трудящихся города и деревни»¹⁸.

Так, становится очевидным, что журнал соблюдает идеологическую направленность советских СМИ и поддерживает политику государства в отношении к капитализму.

В 1960-е «Советский воин» выполняет функцию пропаганды и стремится разъяснить суть государственных народнохозяйственных программ, рассказать об усилиях трудовых коллективов, прилагаемых для их выполнения: благодаря внедрению новых видов техники «из зазорного и тяжелого бремени труд стал делом чести, славы, доблести и геройства»¹⁹.

Пропагандистская функция журнала проявляется и в репрезентации военнослужащего как человека с активной жизненной позицией, которому советская власть помогла раскрыть такие черты, как скромность, коллективизм, патриотизм, бескорыстие, вера в счастливое будущее и т.д. Герой «Советского воина» обладает пытливым умом и ценными знаниями, полученными в мирной жизни, и применение их во время службы приветствуется. Так, семья Козловых славится по всей Башкирии как семья метких охотников-волчатников. Сын охотника,

Николай Козлов, призванный в армию, быстро освоился в новых условиях, служба помогла ему совершенствовать мастерство, привитое отцом, и скоро он стал лучшим среди стрелков-стендовиков²⁰.

Герой публикаций 1950-х годов представляется разносторонним: он обладает профессиональными знаниями и качествами, вносит вклад в восстановление страны и ее дальнейшее развитие. Безусловно, при создании образа военнослужащего сказались и советская идеология, и советский стиль изложения. Журнал репрезентирует героя, самозабвенно преданного КПСС, стремящегося в мирной жизни и на службе «блестяще решать поставленные партией задачи»²¹.

Прослеживается тенденция к некоторой гиперболизации положительных качеств главных персонажей, которая продолжается и в 1960-е годы. Обратимся к одной из публикаций. Ее автор рассказывает о подготовке солдат к учениям: у каждого бойца «были одни думы и мысли: порадовать Родину успехами в боевой учёбе»²². Автор вспоминает об изменениях, которые произошли благодаря приходу в родное село героя Советской Армии, благодаря которой «словно луч солнца проник в каждую крестьянскую хату. И люди стали приветливей. Партия и Советское правительство помогли восстановить колхозное хозяйство. Как же не благодарить нашу партию! Спасибо ей, родной, от всего солдатского сердца за то, что жить в нашей стране – большое счастье»²³.

В начале 1960-х годов в связи со сменой партийного лидера претерпевает некоторые изменения и «Советский воин». «Оттепель» в общественно-политической жизни сказалась и на содержании журнала.

1960-е годы характеризуются ростом экономики, что подробно освещается в «Советском воине». Появляется рубрика «Выставка достижений народного хозяйства»; читатель узнает о последних изобретениях: «Широкое применение стеклоткани как основы конструкционных материалов потребовало создание специального инструмента для ее обработки. Одна из таких новинок – установка для плазменной резки этой необычной ткани, разработанная группой хабаровских изобретателей»²⁴.

«Советский воин» оперативно реагирует и на космические достижения 1960-х. «Горжусь, что мне, гражданину СССР, рядовому летчику Советских Вооруженных Сил, выпала честь первому из людей Земли осуществить полет в космос, прославивший великую социалистическую Родину, наш народ»²⁵, – говорит со страниц «Советского воина» Ю.А. Гагарин.

Журнал пишет об изменениях, которые происходят в 1960-е годы в деревнях: освоение целины, начатое в 1950-е годы, привело к

сближению уровней жизни городского и сельского населения. Повысилась оплата труда колхозников, введено пенсионное обеспечение и социальное страхование. Почти все сельские населенные пункты электрифицированы, многие – газифицированы. Построено большое количество сельских школ, больниц, кинотеатров, клубов и домов культуры, комбинатов бытового обслуживания, магазинов, столовых, детских садов, растет число благоустроенных домов. Тем самым журнал продолжает агитаторскую функцию, начатую в послевоенные годы.

Центральная тема журнала «Советский воин» 1970-х годов – служба и гражданская жизнь военнослужащих: «то, каким станет воин-специалист, во многом зависит от командира, но очень многое зависит и от самого солдата, от его знаний, трудолюбия, настойчивости»²⁶.

Образ военного романтизирован, более того, он считается едва ли не лучшим мужским образом. Выйти замуж за военного очень престижно. В 1970-е годы даже младший офицер, стоящий на полном довольствии в воинской части, имел доход больше, чем рядовой советский инженер [Веремеев]. Замужество за военным обеспечивало материальное благополучие, которое не могли предоставить многие мужчины в гражданской жизни. Особенно удачным считалась служба за рубежом, где стояли советские войска, в Чехословакии или в ГДР.

Но не только материальная составляющая определяла выбор советских девушек. Образ офицера, дисциплинированного, инициативного, для которого честь превыше всего, поддерживался в кинематографе²⁷, литературе²⁸, художественном искусстве²⁹.

С начала 1970-х в журнале продолжает освещаться ход соцсоревнований. Печатаются репортажи с великих строек страны: «Мы идем впереди строителей БАМа, ищем места для строительства мостов. Вот здесь будет самый большой железно-дорожный мост на участке трассы. Это очень ответственное задание...»³⁰. Комсомолец Валерий Крат только что отслужил в рядах Советской Армии. Сюда его «позвало чарующее слово – БАМ»³¹.

Отметим, что в 1970-е годы образ военнослужащего был очень популярен у детей. Каждый мальчик мечтал стать военным. Поговорить с офицером, примерить капитанскую фуражку – было огромной честью для каждого мальчишки. В журнале появляются публикации, иллюстрирующие роль военных в воспитании молодежи: в СССР становятся популярными военно-спортивные игры старшеклассников «Зарница» и «Орленок»³².

Все меньше на страницах журнала 1980-х годов прославляется КПСС, «которая способствует появлению людей политически-активных, знающих дело, любящих труд и умеющих работать»³³. К середине 1980-х

годов на первый план выходят тема перестройки и одно из ее скорых последствий – сокращения в Вооруженных силах. Журнал пытается увидеть в этом и положительные черты: «Каждому ясно, что сокращение в Вооруженных Силах – это не только факт огромной, политической важности, играющий на разрядку международной напряженности. Это и приток рабочей силы в народное хозяйство»³⁴.

Заголовки передают настроения военнослужащих, оставленных один на один с проблемами, вызванными перестройкой: «А тех ли сократят?», «Нет... мест», «Заслужил... сгущенку». Герои статей ощущают растерянность, граничащую с отчаянием. На страницах журнала поднимаются проблемы бытового характера: военному хочется благоустроить жилье, приобрести автомобиль, дачный участок, отдохнуть на юге и т.п. Открыто обсуждаются вопросы неравноправия в военной среде: «В нашем военторге – четкая система распределения. Если вдруг попало в лейтенантскую семью две банки сгущенки – праздник. Не думайте, что магазину торговать нечем, просто то, что чуточку подефицитней, мы не заслужили: звезды у мужа еще не те»³⁵.

Массовое сокращение военнослужащих привело к тому, что начала рушиться система подготовки и спортивного воспитания в армии. В 1984 году легендарная команда ЦСКА набрала всего 19 очков из 68 возможных³⁶, итогом стало последнее место. Впервые в клубной истории ЦСКА опустился в первую лигу. Многие читатели «Советского воина» еще помнят игроков клуба, к именам которых после оглашения титулов и достижений добавляли – капитан, майор или полковник Внутренних войск СССР.

В СССР служба в армии была фактором гарантированной занятости, получения приличного денежного содержания, социальных льгот и гарантий. Кроме того, она нередко рассматривалась как возможность постоянного служебного роста, повышения социального статуса. В 1980-е годы огромное количество военнослужащих всего этого были лишены. Кадровые военнослужащие, по данным психологов, в этот период испытывают раздражение и досаду, нервозность, беспокойство, подавленность [Образцов, Соловьев 1998: 80]. Все это привело к тому, что популярность и привлекательность образа военнослужащего в 1980-е годы снизилась.

Радикальные преобразования 1990-х не могли не затронуть Вооруженные силы. К 1992-му году сокращение военных принимает массовый характер. Офицеры увольняются, оставляют ведомственные квартиры в военных городках или в гарнизонах, подлежащих ликвидации, в надежде на получение другого жилья³⁷. В одном из выпусков журнал обращается к военнослужащему: «Что, лейтенант,

приздумался? О том ли мечталось тебе в курсантские годы? Ведь все больше, наверное, виделись тебе другие картины: взвод орлов-молодцов, стремительные марш-броски, огонь и грохот учебного боя, и ты впереди. А жизнь-то приземлила романтику да завернула сюжет покруче. Квартиры нет, жена без работы, ребенок без ясель, денег нет...»³⁸.

Меняется позиция журнала по отношению к Западу. Теперь в журнале³⁹ пишется, что «настало время покончить с искаженным видением мира»⁴⁰, что сокращение Вооруженных Сил на полмиллиона человек необходимо для толерантного отношения к нашей стране Запада, «потому как “образ” врага тускнеет, когда с обеих сторон сокращается количество нацеленного друг на друга оружия»⁴¹.

Поднимаются запрещенные до сих пор темы, такие как сепаратизм⁴², обсуждаются произведения ранее запрещенного в СССР А.И. Солженицына⁴³.

Журнал пишет о том, что «наступил предел эксплуатации государством высокого нравственного выбора офицера – сделать защиту Родины своей профессией»⁴⁴. Офицерский состав армии в 1990-е годы разделился: оптимисты и скептики спорили о возможности возрождения авторитета военной службы. Журнал публикует аргументы каждой из сторон, высказанные на возродившемся⁴⁵ в 1990-м году Всеармейском Офицерском собрании.

Говоря об итогах 1990-х годов, отметим, что они кардинально изменили положение военнослужащих. Стало очевидным, что «возродить былое значение чести и достоинства невысказано в рамках прежних, “производственных отношений” в армейской среде»⁴⁶.

Социальная и профессиональная невостребованность, низкий уровень социальной защищенности, отсутствие опыта жизни в условиях рыночной экономики, острая жилищная проблема – все это ухудшило отношение молодых людей к военной службе, сделало ее менее престижной и затруднило процесс комплектования офицерского состава армии в 2000-е годы.

Брак с военнослужащим перестал быть престижным, на первый план вышли материальные ценности, и девушки выбирают теперь предпринимателей [Тимирова 2006: 306]. В общественном сознании утверждается престиж профессий, приносящих высокий материальный заработок. Результаты общероссийского опроса населения, проведенного в 2003 году показали, что 40 % респондентов считают, что в России наибольшим уважением пользуются адвокаты, юристы, 29 % – предприниматели, 21 % – политики, 18 % – программисты, 16,5 % – квалифицированные рабочие, 11 % – врачи, 9 % – ученые, 9 % – журналисты, 8 % – художники, артисты, писатели, 7 % – работники

торговли; 5 % – крестьяне, фермеры, 5 % – военнoслужашие, 3 % – инженеры, 3 % – представители других профессий.

Меняется и журнал, и теперь издание окончательно становится литературно-художественным. В 2000-е годы публикуются редкие исторические материалы, художественные произведения, справки, печатаются материалы бывших военных журналистов. Большинство авторов художественных произведений – бывшие кадровые военные, зачастую их повести автобиографичны. «Воин России» пытается поддержать статус профессии военного.

С 1940-х по 2000-е годы в государстве дважды возникала ситуация, когда военнoслужашие вынуждены были оставить профессию. Демобилизованные после войны реализовали себя в трудовой деятельности – так создавался образ военнoслужашего, осваивающего целину, работающего на заводах и великих стройках страны.

Затем сокращение воинского состава произошло в период перестройки. Именно поэтому на первый план в журнале выходит образ военнoслужашего-семьянина и связанные с этим темы о сохранении семейных ценностей и о путях решения социальных проблем.

Итак, динамика репрезентаций образа военнoслужашего в журнале «Советский воин» была обусловлена изменением исторической ситуации и представлений общества о военной службе. Она отражалась в смене интересов и ценностей героя, степени его участия в трудовой и политической жизни, его реализации в семейной сфере, в отношении общественности к статусу военнoслужашего.

Примечания

¹ В ходе исследования использованы материалы журнала «Советский воин» («Честь имею», «Воин», «Воин России») – по три номера журнала за каждое десятилетие (начиная с 1947-го и заканчивая 2009-м годом).

² Советский воин, 1948, № 2.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Советский воин, 1948, № 2.

⁶ Там же.

⁷ Советский воин, 1948, № 6.

⁸ Советский воин, 1948, № 2.

⁹ Советский воин, 1948, № 6.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Советский воин, 1949, № 5.

¹³ Там же.

¹⁴ Советский воин, 1956, № 20.

¹⁵ Советский воин, 1957, № 6.

¹⁶ Там же.

- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Советский воин, 1956, № 20.
- ²⁰ Советский воин, 1953, № 6.
- ²¹ Там же.
- ²² Советский воин, 1968, № 18.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Советский воин, 1961, № 8.
- ²⁶ Советский воин, 1975, № 11.
- ²⁷ Кинофильмы «Долгие версты войны» 1975 г., «Офицеры» 1971 г., «А зори здесь тихие» 1972 г. и др.
- ²⁸ А. Мишкин «В небе дорог много», В. Возовиков «Время алых снегов» и др.
- ²⁹ А. Пржевальский, В. Иванов, И. Гринштейн и др.
- ³⁰ Советский воин, 1975, № 11.
- ³¹ Советский воин, 1972, № 6.
- ³² Часто игры проходили на территории воинских частей, и тогда план игр составлялся при участии кадровых военных.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Советский воин, 1982, № 5.
- ³⁵ Советский воин, 1982, № 8.
- ³⁶ История футбольного клуба ЦСКА // <http://www.worldevents.su/historyс6.php> (дата обращения: 10.03.2011).
- ³⁷ Советский воин, 1990, № 2.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Советский воин, 1992, № 8.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Советский воин, 1996, № 12.
- ⁴⁴ Советский воин, 1992, № 8.
- ⁴⁵ Впервые офицерские собрания начинают проводиться во второй половине XVIII века. В этот период появились первые офицерские клубы, военные библиотеки, «офицерские рестораны». В 1779 г. был создан клуб офицеров Новгородского пехотного полка в Тихвине, в 1782 г. – военный клуб в Санкт-Петербурге. Они обеспечивали условия для общения, отдыха, сближения, развлечения, сплочения офицерских коллективов.
- ⁴⁶ Советский воин, 1992, № 8.

Библиографический список

Веремеев Ю.Г. Оплата воинского труда. Денежное содержание советских военнослужащих // URL: http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=659&Itemid=2073 (дата обращения: 10.03.2011).

История футбольного клуба ЦСКА // URL: <http://www.worldevents.su/historyс6.php> (дата обращения: 10.03.2011).

Образцов И.В., Соловьев С.С. Социальные проблемы бывших кадровых военнослужащих // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 70–81.

Тимирова Л.Н. Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект: материалы Всерос. конф. «XVII Уральские социологические чтения». Т. II. Екатеринбург, 2008. С. 306–308.

A.S. Podlesnykh

Senior Lecturer of Journalism Department
Perm State National Research University

S.A. Medvedeva

Graduate Student of Philological Faculty
Perm State National Research University

DYNAMICS OF REPRESENTATION THE SOLDIER IMAGE IN MEDIA

In this article the author investigates the dynamics of representation of the image of the military in the journal “Soviet soldier” (“Honour”, “the Warrior”, “the Warrior of Russia”) since the 1940th years to the present.

Key words: media image; serviceman; military journalism.

УДК 81'28(470.53):398(47)

Подюков Иван Алексеевич

зав. кафедрой общего языкознания

Пермский государственный

гуманитарно-педагогический университет

podjukov@yandex.ru

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ ПРОМЫСЛОВОЙ РЕЧИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЫБОЛОВНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИКАМЬЯ)¹

В статье рассматриваются отдельные группы лексики рыболовной промысловой речи Пермского края. Анализируются особенности семантики и внутренней формы промысловой народной терминологии, системные связи между номинациями реалий и понятий рыбной ловли, отмечается их связь с промысловой лексикой других русских говоров и других языков народов Прикамья. Характеризуются архаичные и новые явления в рыболовной промысловой речи.

Ключевые слова: диалектная лексика природы; народная терминология рыбной ловли; системные связи профессиональной лексики; стилистические качества промысловой лексики.

Лексика народных промыслов относится к древнейшим лексическим пластам русского национального языка. Один из наиболее крупных ее разделов – народные номинации из сферы рыболовства. Исследователи отмечают, что только народных однословных названий рыб в русских говорах выявляется около тысячи [Герд, Корнев, Рускова 1963: 29–36]. Помимо них в рыболовный промысловый словарь входят многочисленные названия способов лова рыбы, орудий лова и их составных частей, приспособлений для запугивания рыбы, названия живых и искусственных приманок, названия рыболовного транспорта, мест рыбалки, важные для лова рыбы названия гидрорельефа, видов ветров и течений, экипировки рыбаков, их характеристики. Развитость словаря объясняется тем, что в прошлом рыбная ловля была одним из важнейших способов жизнеобеспечения, пропитания. Она активно развивается, в настоящее время все больше превращаясь в спортивное увлечение, в один из увлекательнейших и популярных видов отдыха. С развитием технического прогресса и усилением международных связей на смену старым способам ловли и старым рыболовным орудиям приходят новые, что приводит к кардинальному изменению рыболовной терминологии, к исчезновению названий традиционных орудий лова и появлению новых терминов.

Исследователи народных говоров давно и активно обращаются к народной лексике рыбной ловли. Исследуются диалектные названия орудий лова Тюмени, реки Урал, Об-Енисейского водного бассейна [Сенкевич, Махалкина 1958; Михеева 1976; Острецова 1981], рыболовецкие термины Западной Сибири, Нижнего Дона, Беломорья, Псковской, Орловской, Красноярской Воронежской областей [Сенкевич, Махалкина 1958; Макаров 1967; Воронова 1968; Попов 1968; Храмцова 1969; Орестова 1972; Халюков 2009; Куйдина 2012]. Рыболовная лексика Прикамья до настоящего времени остается недостаточно изученной. В то же время, как показывает этнографическое исследование Г. Чагина, И. Кирьянова, С. Коренюка «Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена» [Чагин, Кирьянов, Коренюк 2007], рыболовство с древнейших времен было важнейшим и специфическим явлением хозяйства, культуры и быта населения Пермского края.

Территория Пермского края характеризуется густой гидрологической сетью – здесь имеется свыше 29 000 больших и малых рек, расположено около 800 озер, 3 водохранилища, почти 500 крупных прудов. Считается, что по количеству естественных и искусственных водоемов, по водным и гидроэнергетическим ресурсам Пермский край занимает первое место на Урале. Реки Прикамья богаты различными

породами рыб – в бассейне Верхней и Средней Камы насчитывается 42 вида рыб, относящихся к 9 отрядам и 15 семействам. Естественно, что в условиях всё возрастающего влияния человека на природу меняются экосистемы региона, что приводит к сокращению численности большинства видов рыб. Особенно на традиции рыболовства и рыбного хозяйства повлияло строительство на Волге и Каме каскада водохранилищ, в результате чего до Камы перестали подниматься проходные рыбы из Каспийского моря (белуга, русский осетр, севрюга, проходная форма стерляди, каспийский лосось, белорыбица, проходные сельди – черноспинка, волжская сельдь), появились новые виды-вселенцы (прежде всего, тюлька – мелкая рыбка из семейства сельдевых).

В пермских говорах и в речи рыбаков-любителей Прикамья нами выявлено более 220 слов-ихтионимов. Примечательным в дифференциации ихтионимов является большое количество народных названий крупных рыб. Так, значительный ряд составляют названия щуки. Необходимость в создании большого количества наименований одного вида рыбы связано с потребностью детализировать указания на возраст, цикл биологического развития рыбы, на среду бытования и территорию распространения вида. Важным обстоятельством выступает и потребность в выражении эмоционального восприятия этой рыбы, считающейся самой крупной в реках Прикамья и издавна воспринимаемой достаточно мистически. Так, в бытующих поверьях о щуке подчеркивается ее определенная демоничность: *«Щука перед войной шла. Это вообще так, когда много щуки, не к добру. Это же царская рыба, у неё крест на голове, она церковная рыба-то. Опасная она. Которы её и щукой-то не называют, а только сукой»* (д. Ощепково, Усольский район, зап. от Поляченко М.В., 1926 г.р.). Указанное информантом соотнесение *щука* – *сука* следует рассматривать не только как проявление звуковой близости названий: оскорбительные, бранные названия в народной речи нередко выполняют функцию оберега. Название щуки *самоедь* (Кос.) наглядно иллюстрирует ее ритуальную нечистоту (*«Щукой не поминаем, она самоедь, щук же ест»* – Кос.).

Щука может быть названа по месту обитания: *глубинка* – глубинная щука (Кос.), *зелёнка* – щука, живущая в поросшем травой водоеме (Ильинск.), *травянка* – щука, которая водится на мелководье, в речных зарослях (Солик.; реже *травничек* щуренок Караг.). Рыба нередко получает описательное название – *зубастая* (Гайнск.; наличие острых зубов у щуки всегда подчеркивается в русском фольклоре, например, в сказках она обычно характеризуется как «щука зубаста»).

Название *жаба* (Гайнск.) указывает и на такой признак щуки, как большой рот, и на обитание этой рыбы в заросших водоемах; характеристика *крокодил* (Очер.) создана на сравнении рыбы с пресмыкающимся, мотивированном тем, что щуку отличает длинная и плоская голова.

Экспрессивно окрашено название крупной щуки *кобыла* (Орд.); примечательно, что слово *кобыла* в пермских говорах используется еще и как характеристика рослой здоровой молодой женщины, девушки. Название *хозяйка* (Част.) не только указывает на главенствующую роль этой рыбы в водоеме (она выступает в роли биологического мелиоратора, поедает мелкие малоценные виды рыб). Именно щука воспринималась в прошлом как демонический хозяин воды. Исключительное внимание к этой рыбе проявляется в наделении ее женскими именами. Так, отмечено достаточно затемненное название крупной щуки *катя* (Очёр) и мелкой *нюра*, *нюрка* (Сукс.). Сближение названий природных объектов и имен людей достаточно частотно в русских говорах и отражено в диалектных названиях мелких рыб типа *ага́шка*, *ана́ска*, *пара́нка*. Как представляется, основание для уподобления рыбы женщине может быть связано и с символикой имени, и с переосмыслением затемненной исходной номинации. Возможно, название мелкой щуки *нюрка* (известно также свердловское *анна*) связано с коми *ñug* 'болото, топь' (ср. архангельское *нюра́* 'водная мель').

Помимо развернутой системы номинаций для крупных и хозяйственно ценных рыб, в говорах фиксируется большое количество названий для мелких рыб. Мелкая речная рыба, видовая принадлежность которой либо не определена, либо несущественна, называется в Прикамье *арга́н* (Юсьв.), *арга́шик* (Юрл.), *ари́нка*, *ари́шка*, *ери́шка*, *ори́шка* (Ильинск., Караг., Чернуш.), *маряшка* (Киш.), *мул*, *муле́ц* (Сукс.), *муль* (Кунг., Сукс.), *муля* (Солик.), *мулява* (Уинск., Киш.). Как правило, это достаточно нейтральные названия с неясной внутренней формой. Наличие нескольких параллельных наименований для малоценных, непромысловых рыб характерно в целом для русских говоров. Объяснение этому факту, как указывает В.Т. Коломиец [Коломиец 1983: 60], в том, что при назывании мало значимых природных объектов часто нарушалась (забывалась) хронологическая преемственность, в результате чего на одной и той же территории возникали все новые и новые названия одного и того же вида рыбы. Часты в говорах и речи рыбаков метафорические, часто шуточные оценки типа *овёс* (Перм. – в связи с известной «измерительной» семантикой овса, ср. в пермских говорах *как овёс* о чем-либо мелком),

гвоздьё, пионер (Пермь), *пиписка* (Коса), *перхоть* (Гайны). Во всех этих случаях рыба характеризуется как мелкая добыча.

Из других развернутых семантических групп рыболовной лексики Прикамья следует отметить общие диалектные названия рыбака, любителя рыбной ловли – *рыбáка* (Солик., Добр., Част., Ус., Бард.), *рыболовщик* (Перм.), названия, указывающие на «специализацию» рыбака по его излюбленной снасти: *острогóжник* или *лучнiк*, *колольщик* – кто добывает рыбу острогой, *мормышатник* – любитель рыбачить на искусственную приманку мормышку (Красновиш.), *чертятник* – кто ловит на безнасадочную снасть (Добр.), *жерли́чник* – рыбак, специализирующийся на жерличной ловле (Ус.), *недóтошник* – кто ловит сеткой-недоткой (Верещаг.), *витiльщик* – рыбак, ловящий рыбу витилем (Коч.). Из новообразований отмечается слово *спiнер* рыбак на спиннинг, спиннингист (Окт.). Реже названия указывают на специализацию рыбака по видам рыб: *налимятник* – умелец ловить налимов (Кос.), *карасятник* – кто разбирается в ловле карасей (Кос.).

Среди этих названий также нередки экспрессивные характеристики рыбака – шуточные: *короед* («Вон короеды-те, день-деньской на реке сидят» – Тис Сукс.), *макар* (Караг.). Название *короед* не только связано с обозначением жуков-короедов, одной из лучших насадок, но и проводит аналогию рыбалки с ребячеством (ср. просторечное *короед* грубовато-шутливо о маленьком ребенке). Оценка рыбака *макар* скорее всего мотивирована исходным, этимологическим значением имени (греческое имя Макар означает «блаженный, счастливый»). Название *пингвин* (Пермь) метафорически характеризует любителя зимней рыбалки, внешним нарядом и неподвижным пребыванием на льду напоминающего антарктическую короткокрылую плавающую птицу. Неодобрительным является название *поджопник* для рыбака, который сверлит лунки рядом с удачливым рыбаком (Ильинск.), презрительным – название браконьера *ворон* (Красновиш.). В последнем случае название мотивируется фонетической аналогией – соотношением с *вор*, а также актуализацией идеи хищности, кровожадности ворона.

Понятие «рыбачить», «ловить рыбу» передается диалектными вариантными, стилистически нейтральными формами *рыбалить* (Чус. Караг.), *рыбать* (Сукс. Черд.), *рыбачиться* (Перм.), *рыбить* (Перм.), *рыболовить* (Солик., Киш.); используется в этом значении также глагол *ловiдить* (Юрл.). Кроме того, понятие «рыбачить» экспрессивно оценивается и комментируется: *чёртика дразнить*, т.е. шутл. пытаться счастья в рыбалке (Караг.), *чебáлить* («Ух, начебалил рыбы!» – Сажино Сукс.). Фразеологизм *чёртика дразнить*, соотнося рыболовство с заигрыванием человека со сверхъестественными силами, оценивает его

как непредсказуемое. Глагол *чебалить*, вероятно, имеет тюркскую основу и связан с тюркскими словами типа *чибык* – волжское название крепкого удилица на блесну, *чебак* – мелкая рыба, плотва (ср. известное в пермских говорах *чебнуть* – ударить).

Занятие рыбалкой обозначается также массой диалектных видовых обозначений. В говорах отмечается значительный по объему ряд глаголов, называющих тот или иной вид рыбалки сетями: *то́нить* – ловить рыбу сетями (Верещаг.), *сѣтить* – ловить сетью (Орд.), *сакать* – ловить рыбу саком (Кунг., Бер., Чернуш., Окт.), *мерёжить* – ловить рыбу при помощи сети мережи (Орд., Ел.), *неводить* – ловить рыбу сетью-неводом (Кос., Черд.; известно также как иркутское, красноярское, вятское, тамбовское, владимирское, печорское, свердловское), *бродить* – ловить рыбу бреднем (Бер.), *сырпать* – ловить рыбу небольшой сетью – сырпом (Красновиш.). Глаголы обозначают также рыбную ловлю тем или иным способом: *мушкарить* – ловить рыбу на искусственную мушку (Красновиш.), *строжить* – добывать острогой (Орд.), *кораблить* – ловить рыбу на кораблик, особую снасть, пускаемую в плавание по воде (Красновиш.), *лучить* – ловить рыбу с помощью света от костра на лодке и остроги (Черд.). О применяемых в Прикамье способах рыбной ловли свидетельствуют также глаголы: *подлёдничать* – ловить рыбу удочками через лунки (Коса), *бережничать* – ловить рыбу с помощью ловушек, устанавливаемых у запора, загораживания реки (Юсвь.), *но́рить* – ловить рыбу с помощью невода в зимнее время с помощью проруби (Черд.), *дорóжить* – ловить рыбу с движущейся лодки дорогой, дорожкой (снастью в виде длинного шнура с крючком или блесной на конце – Солик. Черд. Уинск.; известно и как владимирское, вологодское, средне-уральское, енисейское). В ряде случаев глаголы называют также ловлю рыбы определенного вида – *налимить* – заниматься ловлей налимов (Уинск.).

Спецификой говоров являются финноугорские и реже тюркские заимствования в рыболовной лексике. Название плотвы *кельт*, *кельч* (Гайны) является, скорее всего, заимствованием, ср. хант. *кельчи* – сибирская плотва; отсюда же белозерское *келш*. Слова *áргыш*, *ар*, *áрик* для обозначения мелкой рыбы возникли из коми *ар*, *арга* – маленькая рыбка, малек (возможно, что изначально название было тюркским, ср. уйгурское *arys* – караван, шорское *arys* – спутник; следовательно, в названии может быть отмечена стайность мелких рыб).

Заимствованная лексика представлена и в названиях рыболовных снастей. Название особой плетеной ловушки-морды для ловли крупной рыбы на реке с быстрым течением *сырп* (Красновиш., также *сурпа́*, *сурта́* – Солик., Чернуш.) соотносится с мансийским *siṛp* ‘вид

рыболовной сети'. Название небольшого невода *тыф* (Гайны) заимствовано из коми, где *тыв* – сетка. Заимствованием является название запора на реке для установки ловушек *тиуп* (с. Коса – из *тиуп* 'плотина, пруд' в финноугорских языках, ср. хантыйское «tšip» – порог в верховьях реки). Название ставной сети *кулóm* (с. Коса) соотносится с финским «kalin», «kalime» – часть невода, ср. также манс. «kulp» – сеть, хант. «kaiew» – сеть, венг. «halo» – сеть.

Как показывает языковой материал, рыбацкая лексика Прикамья до нашего времени остается достаточно самобытной. По ней можно судить о специфике рыболовного промысла и его развитии, об особенностях рыбалки как глубоко эмоционального увлечения, требующего от человека полного погружения и знания очень тонких деталей жизни природного мира. Термины-заимствования свидетельствуют о древних культурно-языковых связях русских с другими народами. Образность промысловой лексики отражает специфически рыбацкий взгляд на мир, особое отношение как к объектам природы, так и к ней самой.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках гранта 029а-Ф «Этнические культуры Прикамья: генезис и современное состояние» программы стратегического развития ПГГПУ.

Библиографический список

Воронова Л.А. Русская промысловая лексика рыбаков Беломорья: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.

Коломиец В.Т. Происхождение общеславянских названий рыб. К IX Международному съезду славистов. Киев: Наукова думка, 1983. 160 с.

Куйдина Е.П. Ихтиологическая лексика воронежских говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

Макаров В.И. Рыболовецкая лексика говоров Нижнего Дона: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1967.

Михеева Н.В. Из рыболовецкой лексики уральских казаков (названия орудий лова и их частей) // Вопросы русской диалектологии: сб. научных трудов. Л., 1976. С. 99–105.

Орестова Е.И. К истории формирования рыболовецкой терминологии Западной Сибири // Говоры Урала и Западной Сибири. Нижний Тагил, 1972. С. 86–97.

Острцова Л.М. Тематическая группа «Орудия лова» в говорах Среднего Приишмья // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1981. С. 130–138.

Попов И.А. Из наблюдений над псковской рыболовецкой лексикой // Псковские говоры. Труды II псковской диалектологической конференции. Псков, 1968. С. 113–117.

Сенкевич В.А., Махалкина М.П. Рыболовные орудия Обь-Енисейского

водного бассейна и их терминология (словарь терминов с указанием района хождения термина) // «Ученые записки» Магнитогорского гос. пединститута, вып. 7, 1958. С. 78–95.

Халюков Ю.В. Названия промысловых рыб в лексике рыбаков Орловской области // Живая старина, № 2. М., 2009. С. 35–38.

Храмцова В.П. Лексика псковских рыбаков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.

Чагин Г., Кирьянов И., Коренюк С. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: Книжный мир, 2007. 163 с.

Список сокращений

Бард. – Бардымский район
Бер.– Березовский район
Большесосн. – Большесосновский район
Верещаг. – Верещагинский район
Гайнск. – Гайнский район
Добр. – Добрянский район
Ел. – Еловский район
Ильинск. – Ильинский район
Караг. – Карагайский район
Киш. – Кишертский район
Кос. – Косинский район
Коч. – Кочевский район
Красновиш. – Краксновишерский район
Кунг. – Кунгурский район
Окт. – Октябрьский район
Орд. – Ординский район
Очер. – Очерский район
Перм. – Пермский район
Солик. – Соликамский район
Сукс. – Суксунский район
Уинск. – Уинский район
Ус. – Усольский район
Част. – Частинский район
Черд. – Чердынский район
Чернуш. – Чернушинский район
Чус. – Чусовской район
Юрл. – Юрлинский район
Юсьв. – Юсьвинский район

I.A. Podyukov

Professor of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

LOCAL PECULIARITIES OF DIALEKT FISHING SPEECH (ON PRIKAMYE FISHING VOCABULARY MATERIALS)

Certain fishing vocabulary groups of Perm Krai fishing speech are described.

Semantics peculiarities and inner form of fishing folk terminology, system connections between realia and concepts of fishing nomination are analyzed, their connections with fishing vocabulary of other Russian dialects and other Prikamye languages are marked. Archaic and new phenomena in fishing speech are described.

Key words: dialect nature vocabulary; folk fishing terminology; professional vocabulary system connections; stylistic characteristics of fishing vocabulary.

УДК 81'28 (470.53)

Русинова Ирина Ивановна

доцент кафедры общего и славянского языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
irusinova@mail.ru

Полякова Елена Николаевна

профессор кафедры общего и славянского языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
32polyakova@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС *ОБМАНЫВАТЬ* → *КОЛДОВАТЬ* (НА ПРИМЕРЕ СЛОВ С КОРНЯМИ *-МУХЛ-/-МАХЛ-/-МОХ-*, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ)¹

В статье на материале данных русских диалектных словарей и мифологических рассказов Пермского края рассмотрен семантический перенос *обманывать* → *колдовать* для слов, образованных на основе корня *-мухл-* и его фонетических вариантов. Показано, что сема 'обманывать' приводит к появлению значения 'колдовать' не только в рамках изучаемого корневого гнезда.

Ключевые слова: люди со сверхъестественными свойствами; русские говоры; демонологическая лексика; семантический перенос; обманывать; колдовать.

Изучение лексики, описывающей русскую магику-ритуальную традицию, позволяет сделать вывод о том, что большой корпус слов составляют единицы, являющиеся семантическими дериватами, пришедшими в данную семантическую область из иной тематической сферы. В свою очередь на основе этих, образованных путем семантического переноса, единиц с помощью аффиксов возникают производные уже с новым, «магическим» значением. В настоящей

статье речь пойдет о таких единицах, образованных в пермских говорах на основе корней *-мухл-/-махл-/-мох-*.

Большой академический словарь русского языка содержит несколько единиц с корнем *-мухл-*: **Мухлевание**. Прост. Действие по знач. глаг. мухлевать. **Мухлевать**. Прост. Жульничать, мошенничать. **Мухлёж**. Прост. Жульничество, мошенничество. [БАС 10: 520].

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой подана лишь одна единица с данным корнем: **Мухлевать** (прост.). То же, что жульничать [Ожегов: 371].

Оба словаря отмечают просторечный характер лексем.

Глагол *мухлевать* и глаголы *жульничать*, *мошенничать*, *плутовать* (через которые толкуется *мухлевать*) объединяет сема 'обманывать'. Именно это значение указывается прежде всего в словарях для диалектных слов, образованных от указанного корня (с вариантом *-махл-* и другими). Они составляют несколько семантических групп.

В первую группу входят глаголы:

Мухлева□ть. 1. *Плутовать, обманывать; мошенничать*. Смол., 1852. Он дюже коло пана мухлюет. Смол. Зап., Тул., Калуж., Курск., Ряз., Орл., Ворон., Пенз., Тамб., Казан., Дон., Кубан., Влад. А ты не мухлюй, а делай получше. Новг., Волог., Урал., Курган., Том., Свердл., Ср. Прииртыш., Забайкал., Краснояр. **Мухла□чить**. 1. *То же, что мухлевать* (в 1-м знач.). Всегда в картах мухлачит. Южн.-Сиб., 1847. Урал., Перм., Яросл. Она мухлачит все время. Волог. **Мухла□читься**. *Уклоняться от исполнения чего-либо; хитрить, обманывать*. Том., 1862. Доп. [Знач.]. Алт., Вербицкий, 1858. **Мухле□ть**. *Плутовать, хитрить*. Усьян-Дмитр. Сев.-Двин., 1928. **Мухлова□ть**. 1. *То же, что мухлевать* (в 1-м знач.). Перм., 1856. Сиб., Том., Иркут., Енис., Амур. **Мухлова□ться**. *То же, что мухлевать* (в 1-м знач.). Чего мухлуешься? Приангар., 1926. **Мухля□ть**. 2. *Хитрить, лукавить*. Осташк. Твер., Пск., 1855. Твер. **Мухляться**. *То же, что мухлачиться*. Алт., 1858. Том. **Мухля□чить**. 1. *То же, что мухлевать* (в 1-м знач.). Волог., 1852 [СРНГ 19: 36–37]. **Маклева□ть**. *Мошенничать, плутовать*. Тул., 1850. Дон. [Там же 17: 310]. **Махлева□ть, мухлева□ть**. *Обманывать, хитрить*. Только чур – не махлевать! (Полев.). Торгофки привыкли мухлевать (Камен. С.). [СРГСУ 2: 122]. **Мухли□ть**². *Обманывать, плутовать*. А сосед-то всё мухлит [НОС: 575]. **Мухли□ть** и **мухлова□ть**. *Обманывать, мошенничать*. **Мухлова□ть**. *То же, что мухлить*. [ОСВГ 6: 103]. **Мухлева□ть**. 1. *Жульничать, мошенничать*. **Мухля□ть**. *Хитрить, лукавить*. [ПОС 90].

Сразу несколько глаголов с указанным значением подает «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей». В этих словах представлены варианты корня- мухл- – -мухн- и -мухр-: **Мухла**□**тить**. *Тайком брать, тащить себе; присваивать*. Ходит, мухлатит что-ни. Смухлатит хоть что, уберет, значит, для себя. Унес дак вора, а смухлатит – это приберет что-ни себе. Плохо лежит, так смухлатит. Тихв. **Мухли**□**ть**. *Обманывать, хитрить*. Когда в карты играют, дак обманывают, мухлят. Подп. Эдаки видь удалы мужики, вилку сунут, да не вертится. А топерь уж не будут мухлить, а топерь уж блонбочки клали. Там же. **Мухна**□**чить**. *Обманывать, жульничать*. В магазине-то поступают нечестно, мухначат, и управы на них нет. Лод. **Мухри**□**ть**. *Хитрить*. Дак мед-то уже сахарится, мухрит она. Тихв. [СРГК: 275].

Во вторую группу входят слова, называющие и характеризующие плута, обманщика: **Мухла**□**вый**. *Склонный к плутовству, обману, хитростям*. Верхне-Кет. Том., 1964. Ср. Поволж. **Мухлева**□**лка**, м. и ж. *Обманщик, обманщица*. Арзам. Горьк., 1967. Горьк. 2. **Мухлева**□**тый**. *Склонный к плутовству, обману, плутоватый*. Мещов. Калуж., 1916. **Мухлёвый**. 1. *Плутовской, жульнический; подозрительный*. Мухлёвое дело. Урал, 1896. 2. *Плутоватый*. Златоуст. Урал., Бирюков. **Мухло**□□**вка** и **мухлёвка**, и, ж. 1. *Плутовка*. М у х л о в к а. Перм., 1852. Урал. М у х л ё в к а. А в моем же доме четыре горя. А третье горе – Золовка-мухлевка. Смол., 1890. **Мухля**□**й**. *Плут, обманщик*. Мещер. Калуж., 1916. [СРНГ 19: 36–37]. **Махлёвка**. 2. *Плутовка; лгунья*. Не слухай ты махлевок. Смол., 1914. **Ма**□**хлер**. *Плут; лгун*. Это тэй махлер постарался. Смол., 1914. **Махлю**□**й**. *Плут; лентяй*. Смол., Пск., Копаневич. [Там же 18: 48]. **Мухлёвый, мухлю**□**вистый, мухля**□**вый**. *Хитрый, изворотливый* [ОСВГ 6: 103].

Третья группа – это существительные, называющие плутовство, обман: **Мухлю**□**йство**. *Плутовство, мошенничество*. Чистоп. Казан., 1896. [СРНГ 19: 37]. **Махлёвка**. 1. *Обман*. В этом разобраться надо как следоват, тут какая-то махлевка, чует мое сердце. Калуж., 1972. [Там же 18: 48]. 1. **Макла**□**к**. 3. *Плут, мошенник, проныра*. Тул., 1850. Холмогор. Арх. [Там же 17: 310].

Как видим, круг слов, объединенных семей ‘обман’, в русских говорах довольно велик. Есть такие единицы и в современных пермских говорах: **Мухла**□**чить**. *Мухлевать*. У председателя шурин был, они с им и мухлачили всё. Сколько людей невинно съели они (Пыскор Ус.) [СПГ 1: 531)]. **Мухли**□**ть**. *Быть неверным; обманывать*. Он на работе, она мухлит его. Он и повесился (Левино Сол.) [Там же: 532]

Скорее всего, перечисленные единицы, являются заимствованными. Об этом свидетельствуют данные словаря

М. Фасмера: **Мухлевать**, **мухлять** «обманывать», череповецк., владим., ряз., зап. Вероятно, из нем. (арго) *toheln* «метить карты» (откуда нов.-в.-нем.) *mogeln* «плутовать, надувать») от др.-еврейск. *mâhal* «подрезать; разбавлять вино» [Фасмер 3: 19].

Попав в русский язык, указанный глагол, как видно из примеров, образует в диалектном языке мощное словообразовательное гнездо, объединенное семей «обман, плутовство».

Данная семантика оказалась востребованной в сфере лексики народной магии. Именно на базе значения «обманывать, хитрить» в русских диалектах часто складывается значение «колдовать». Происходит такой семантический перенос, по данным СРНГ, и в словах с изучаемыми корнями: **Мухлева**□**ть**. 2. **Знахарить**, **ворожить**. Влад., Ряз., Зап., Даль. **Мухла**□**чить**. 2. *То же, что мухлевать* (во 2-м знач.). Волог., Даль. **Мухлова**□**ть**. 2. *То же, что мухлевать* (во 2-м знач.). Она мухловка баба: мухловала, мухловала, да и извела мужа-то. Перм., Тобол., 1852. Сиб. **Мухля**□**чить**. 2. *То же, что мухлевать* (во 2-м знач.). Волог., Даль. [СРНГ 19: 36–37] В то же время фиксируются в говорах и существительные с значением «колдунья, знахарка»: **Мухло**□□**вка**. Колдунья, знахарка. Вят., Даль [Там же: 37].

О существовании мотивационной модели *хитрить, обманывать* → *колдовать* мы уже писали и показали на примере лексических единиц с корнями *хитр-*, *хит-*, что эти слова обозначают в диалектной речи широкий круг явлений, относящихся к сфере колдовства, знахарства и бытовой магии: субъекта магического воздействия – колдуна, знахаря, другого «знающего» человека; действие, осуществляемое таким человеком; болезнь, вызванную колдовством; духа такой болезни; злого духа – помощника колдуна. Это говорит о том, что семантические возможности слов с корнями *хитр-*, *хит-* позволили реализовать целый спектр «магических» ответвлений значения [Русинова 2013: 28].

Продолжая изучение мотивационных моделей, функционирующих в сфере русской демонологической лексики, мы столкнулись с подобным указанному выше явлением в записанных в Пермском крае единицах корневого гнезда *-мухл-/-махл-/-мох-*. Эти единицы обозначают:

– человека, обладающего магическими знаниями и умениями (**мухлу**□**шка** «женщина, способная приворожить кого-л., колдунья»: *Моего сына одна приворожила. Мухлушки-те в крестьянстве есть* (Губдор Краснов.));

– магические знания и умения (**махлу**□**шка**: *С махлушкой-то умирать трудно, надо всё кому-то передать* (Бондюг Черд.));

– магическое действие / воздействие (**мухлова□ть** ‘колдовать’: *Вот она [колдунья] мухлует: чё угодно, то и натворит. Колдунья может задеть тебя и может испортить. Тронет человека и даже (может, смертно посажено), дак [человек] умирает (Редикор Черд.), мухлова□ться* ‘гадать, узнавать будущее’: *Это у нас женищина одна гадала. И она рассказывала: в девушкиках мухловались. Садилися в круг далёко от посёлка (Кольчуг Черд.), намохова□ться* ‘зло подшутить, поиздеваться над кем-либо, применив колдовские знания и умения’: *Сделала видно чё-то, намоховалась над нами, и на скота порчу напустила (Бондюг Черд.), помухла□чить* ‘поколдовав, причинить вред’: *Мы когды-ко-ся брали из Собачки-то тёлочку. Маленькая вот эдакая. А раньше ведь деньги-то были дорогие. Восемьсот рублей уплатили. А хозяйка-то, видно, хитрая была, она нам неспро□ста дала, нечисто, чё-то-ся помухлачила. Знала, видно, чё-то-ся. И больше, она у нас отелилася, доить не даёт. И сосить телёнка зачинали, и своего телёнка заколола, забудала... Ещё три года мучилися держали, да больше сдали. Хитрые люди есь едь. Колдуны ли чё, говорят-то-ся (Мыс Кос.), **примахлова□ть** ‘удержать колдуна на одном месте при помощи заговоров’: *Есть слова, которыми примахлуют колдуна молитвой. Примахлуют – значит приговорят. Молитвы задом наперёд читаются (Купчик Черд.);**

– тексты магического содержания (**махлу□шки, махлы□, мухлу□шки□** ‘заговоры’: *Махлушки – это когда присушивают. Поговорят знающие бабушки, и пристают один человек к другому. Я эти махлушки ничё не знаю (Мырзино Черд.). Вот там одна есь, дак она все мухлушки знает, чё угодно может сделать. С мужиком с моим таскалась, волочилась. Ему всего наговорит, наделат, и он как зверь. Она делает, не только говорит. Знает она, где-то научилась (Редикор Черд.). Бородавки выводили махлами [наговорами] (Кикус Черд.).*

Таким образом, анализ диалектных слов с корнями -мухл-/-махл-/-мох- позволяет прийти к выводу о том, что в магическом дискурсе семантический перенос *хитрить, обманывать* → *колдовать* является закономерным.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ, № 6.3782.2011; гранта РГНФ, № 12-34-01043а1.

**Библиографический список
(с использованными сокращениями)**

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 10. СПб.: Наука, 2008. 573 с.

НОС – Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 6. М–Н. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. 266 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–23. Л., СПб., 1967–2012.

Русинова И.И. Мотивационная модель «колдовать ← хитрить, колдун ← хитрый человек» в русских говорах // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 2(22). 2013. С. 25–30.

СПГ – Словарь пермских говоров. Т. 1. Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2000. 608 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2004.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–6. Свердловск, 1964–1987.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Тт. 1–45. М., Л., СПб., 1965–2013.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

I.I. Rusinova

Reader of General and Slavic Linguistics Department
Perm State National Research University

E.N. Polyakova

Professor of General and Slavic Linguistics Department
Perm State National Research University

**SEMANTIC TRANSFER *TO DECEIVE* → *TO CONJURE*
(ON THE EXAMPLE OF WORDS WITH ROOTS - *MUHL*-/*MAHL*-/*МОН*-,
FUNCTIONING IN THE PERM DIALECTS)**

In article on a material of Russian dialect dictionaries and mythological stories of Perm Region semantic transfer “to deceive → to conjure” is considered for the words formed on the basis of a root -*muhl*- and its phonetic variants. It is shown that seme 'to deceive' leads to emergence of sense “to conjure” not only in the network of studied root word family.

Key words: people with supernatural properties; Russian dialects; demonological lexicon; semantic transfer; to deceive, to conjure.

Свалова Екатерина Николаевна
аспирант кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
svalova87@mail.ru

КАЛЕНДАРНАЯ ПАРЕМИКА ПРИКАМЬЯ: СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА¹

В статье рассматриваются календарные паремии, функционирующие в русских говорах Пермского края. Особое внимание при этом обращено на календарные паремии, характеризующие различные временные отрезки. Делаются выводы о народном восприятии времени и о способах выражения семантики временного «рубежа». Исследуются основные способы создания календарных паремий, их структурно-грамматические особенности, образность, связанная с использованием в качестве хрононима имени того или иного святого. Характеризуются стилистические свойства паремий (рифма, ритм, символика).

Ключевые слова: календарная обрядность; паремика; хрононим; агионим; словесные формулы; семантика.

Календарные паремии Прикамья вписываются в систему общерусской и в целом славянской календарной паремии. Описывая полесскую календарную паремиологию, С.М. Толстая указывает на жанровое разнообразие календарной паремиологии и условно выделяет две группы: в первую входят приметы, во вторую – поговорки; присловья, приговоры; ритуальные формулы; фрагменты песен [Толстая 2005: 336]. По мнению А.Б. Мороза, «мы имеем дело с разными с точки зрения прагматики жанрами, которые, впрочем, легко переходят из одной группы в другую и дублируются» (это именованные праздников, приметы, предписания, запреты) [Мороз 2011: 217]. Достаточно подробную классификацию календарных паремий западных славян предлагает М.М. Валенцова, выделяя, в частности, предсказания погоды и успехов в хозяйственной деятельности, устойчивые сравнения, предписания, запреты хозяйственного характера в определенные дни календаря, магические приговоры, заклинания; клишированную речь ряженных персонажей, благопожелания к праздникам [Валенцова 2006].

Прикамская календарная паремика² представляет собой большой корпус единиц, которые неоднородны по своей жанровой природе: паремии-запреты (*В Троицу девка косу не завивает да дерево не ломает* (Калиновка Чернуш.)), паремии-предписания (*Илья-пророк – собирай*

горох (Зязелга Бард.) – об употреблении в пищу гороха с Ильина дня), паремии-приметы (*Евдокия голубка напоит если, то Алексей быка напоит* (Ключи Сукс.) – о начале весеннего таяния снега и появления талой воды), паремии-пожелания (*Покров, Покровище, покрой девке верховище* (Покча Черд.) – пожелание замужества девушке на Покров день, в связи с наступлением периода свадеб) и т.д. Среди основных функций календарных паремий можно выделить комментирующую (устанавливаются взаимосвязи между временными периодами, отмечается связь природных процессов с конкретными календарными датами), прогностическую (например, предсказание погоды, будущего урожая или неурожая) и регламентирующую (предписания и запреты, связанные с хозяйственной деятельностью).

Подробнее остановимся на календарных паремиях, характеризующих различные временные отрезки и комментирующих изменения в природе, которые связываются непосредственно с народным календарем. «Рубежные» даты разделяют крупные природные периоды (сезоны): весну и лето (*Троица придёт – и всё лето придёт* (Токари Очёр.) – о наступлении теплой летней погоды), лето и осень (*Федора – всякому лету аминь* (Сарс Окт.) – об окончании лета, *Илья пришёл, лето унёс* (Акчим Краснов.) – о начале осеннего времени), осень и зиму (*На Введеньё лопаёт леденьё* (Молёбка Киш.) – о наступлении морозов), зиму и весну (*Медведь из берлоги вылезат, на Русь сорок пичуг прилетат* (Большая Соснова) – о весеннем пробуждении природы и прилете птиц). Приближение того или иного времени года здесь обозначается через указание на устойчивые признаки конкретного сезонного периода. Так, маркерами окончания зимы и приближения весны в паремиях в первую очередь являются таяние снега и появление первой травы. Достаточно широко представлен тип календарных паремий, который «на семантическом уровне характеризуется прогностической направленностью, а на формальном – наличием условных синтаксических конструкций с элементами: «если – то», «когда – тогда», «как – так и» и др.» [Валенцова 2006: 375]: *Евдокия голубка напоит, так Алексей быка напоит* (Соколово Верещ.) – о начале весеннего таяния снега; *Георгий с водой, Никола с травой* (Курашим Пермск.) – поговорка комментирует весенние изменения в природе, отмечая, что, если к Георгию (Егорьеву дню, 06.05) растает снег, к Николину дню (22.05) появится трава на лугах; *Георгий принесёт в щепётке, Никола унесёт в зобёнке* (Курашим Пермск.) – поговорка комментирует появление травы к праздникам; *Егорий с теплом, Микола с кормом* – поговорка комментирует весенние изменения в природе; *В Филиппы не напрядёшь, в Говинье не наткёшь* (Русский Сарс Окт.) – о

прядении во время Филипповского поста; *Покров наголе – и Митровский наголе* (Филипповка Сукс.) – об отсутствии снежного покрова к праздникам.

Семантика рубежа может актуализироваться за счет противопоставления событий до и после праздника: *До Ильина дня паута убьёшь – решето прибудет, после Ильина дня убьёшь – решето убудет* (Асюл Бард.) – об уменьшении насекомых в этот период. Фиксируется и комментируется в паремиях не только сам праздничный день, но время в этот день до и после обеда: *В Ильин день до обеда лето, после обеда – зима* (Емаш-Павлово Чернуш.) – о завершении лета и наступлении осени, *В Покров до обеда осень, после обеда зима* (Искильда Куед.) – о завершении лета и наступлении осени.

Многие календарные паремии регламентирует выполнение тех или иных сельскохозяйственных работ: «время предстает как событие земледельческой жизни, при этом и святой, день которого выбран как точка отсчёта, изображается не как представитель высших сил, а рисуется шутливо-иронически по связи с житейскими крестьянскими интересами» [Подюков 1990: 33]: *Козьма и Демьян пришли, а мы на покос пошли* (Молёбка Киш.) – о начале сенокоса с праздника, *В Луна несжатый овёс облупит* (Богородск Окт.) – о необходимости завершения уборки овса к празднику, *Трень-брень во Петров день – о начале сенокоса с Петрова дня, Сдвиженье – последняя копна с поля сдвинется* (Бияваш Окт.; Дубовая Гора Куед.) – о завершении уборки хлебов. С восприятием времени связаны паремии, посвященные правильному с точки зрения традиции проведению праздника: *Ильин день на один день* (Грудная Караг.) – о проведении праздника только в течение одного дня, *На Масленку хоть юбку продай, да напейся* (Мусонькино Караг.)

Исследователи выделяют в качестве одного из самых устойчивых способов создания паремий персонификацию календарных праздников [Подюков 1990; Валенцова 2006; Мороз 2011]. В частности, М.М. Валенцова отмечает, что «степень персонификации может быть различна: от простого называния дня именем святого до полного отождествления дня со святым, когда элемент значения ‘день, праздник’ уходит на периферию, оставляя лишь образ святого с его «характером и действиями» [Валенцова 2006: 404]. В словесных формулах может функционировать непосредственно название праздника, зачастую в разговорной форме: *Не жди Богородицы – убирай в огородице* (Петропавловск Окт.) – о завершении уборки огородных культур к празднику Рождества Богородицы, *Первый Спас – бери варезки на запас, Второй Спас – бери тяжелишки про запас, Третий Спас – бери*

шубу на запас (Бияваш Окт.) – о наступлении с праздников Спаса холодной погоды.

Отождествление праздника с именем святого в календарных паремиях осуществляется за счет указания на календарную дату не с помощью словосочетаний «(предлог), название праздника+лексема день» (в ... день, на ... день), а за счет использования усеченных конструкций: *На Илью до обеда лето, после обеда зима* (Таборы Оханск.) – о завершении лета и наступлении осени, *На Ксенью дорогу переметёт, корм подметёт* (Сарс Окт.), *В Луна несжатый овёс* (Богородск Окт.) – о необходимости завершения уборки овса к празднику облупит. В некоторых случаях субъектом действия становится непосредственно тот или иной святой. Так, паремии комментируют изменения в природе. Например, прекращение теплого и наступление холодного времени: *Илья-пророк вступил за порог* (Монастырь Гайн.), *Илья пришёл, лето унёс* (Акчим Краснов.); уменьшение светового дня: *Илья-пророк два часа уволок* (Горка Куед.), *Пётр и Павел день на час убавил* (Курашим Пермск.), *Семён паужну украл* (Касиб Сол.), *Семён паужну унёс* (Вильва Сол.), *Семён паужну съел* (Курашим Пермск.), *Сенька паужну украл*³ (перм.). Из приведенных примеров видно, что святой представляется инициатором действия и его исполнителем. Причем если в одних случаях действия святых лишь каким-то образом влияют на ход событий (*вступил за порог, убавил*), то в других – святые совершают «необратимые» действия, и тогда используются глаголы «(лето) унёс, (два часа) уволок, (паужну) украл, унёс, съел». Действиями святого объясняются грозы в Ильин день: *Ильин кладь перевернёт* (Красный Ясыл Орд.), *Илья-пророк телегу проволок* (Осинки Юрл.), *Петры и Павлы поехали* (Юм Юрл.) – о дожде, грозе на Петров день.

А.Б. Мороз отмечает, что «возможно выделить формальные признаки хрононима <...>, когда название праздника (тождественное имени святого) употреблено строго в темпоральном значении (предлоги *в, на, о, с, до, от, к* с соответствующими падежами)» [Мороз 2011: 218]: *В Егорий курица, а в мае овца нажерётся* (Асюл Бард.) – паремия комментирует весенние изменения в природе: появление и рост травы; *В Луна несжатый овёс облупит* (Богородск Окт.) – о необходимости завершения уборки овса к празднику; *На Введеньё лопают леденьё* (Молёбка Киш.) – о наступлении морозов; *На Ксенью дорогу переметёт, корм подметёт* (Сарс Окт.) – о наступлении периода метелей и истощении с этого времени запасов кормов для скота; *С Афанасьева дня гусь заговорит, полоз заскрипит – мороз наступит* (Торговище Сукс) – о наступлении морозов с праздника Афанасьев день

(31.01); *До Ильина дня паута убьёшь – решето прибудет, после Ильина дня убьёшь – решето убудет* (Асюл Бард.) – об уменьшении насекомых в этот период; *До Ильина дня в ночь конь не наедается и молодец не высыпается, а с Ильина дня конь наедается и молодец высыпается* (Горка Куед.) – об уменьшении светового дня.

Нередко в паремиях происходит отождествление хрононима с агнионимом, «когда имя выступает в качестве грамматического субъекта» [Мороз 2011: 219]: *Борис и Глеб сеют хлеб* (Богородск Окт.) – о начале весеннего сева яровых с дня Бориса-Глеба (15.05); *Борис и Глеб сеют хлеб* (Алтынное Окт.) – о начале сева озимых с дня Бориса-Глеба (06.08).

В исследуемых паремиях, воспроизводящих традиционные представления, используются различные «коды»: «трудовой» (*Прошли Фролы – не запрягай бороны* (Сарс Окт.) – о завершении сева озимых), «животный» (*В Егорий курица, а в мае овца нажорётся; Медведь из берлоги вылезат, на Русь сорок пичуг прилетат* (Большая Соснова Большесосн.) – о весеннем пробуждении природе и прилете птиц), «растительный» (*Не жди Вдвигенья, режь репу* (Воскресенск Уинск.); *Илья-пророк – собирай горох* (Зязелга Бард.) – об употреблении в пищу гороха с Ильина дня).

Большую группу паремий образуют календарные регламентации, которые «в силу их магического назначения отличаются императивным характером, а календарные запреты относятся к наиболее строгим; последствия их нарушения могут быть губительными для всего социума» [Толстая 2005: 11]. Выраженные в них запреты и предписания, побуждения оформляются с помощью императивов. Так, в календарных паремиях фиксируется необходимость завершения уборки сельскохозяйственных культур к конкретному празднику: *Не жди Богородицы – убирай в огородине* (Петропавловск Окт.), *Не жди Вдвигенья, режь репу* (Воскресенск Уинск.), *Не жди Сдвиженья – режь репу, не жди Покрова – секи капусту* (Мазуевка Киш.), *Режь репу до Сдвиженья, руби капусту до Покрова* (Осокино Сол.); необходимость завершения сева озимых: *Прошли Фролы – не запрягай бороны* (Сарс Окт.); необходимость прекращать пастьбу скота после праздника: *Покров – закрывай коров* (*Не жди Покров – запирай коров*). Запрет может актуализироваться и без этих форм: *Илья пророк копны считает* (Караг.) – говорится о необходимости заканчивать сенокос до Ильина дня; *В Троицу девка косу не завивает да дерево не ломает* (Калиновка Чернуш.) – запрет на различные другие действия в праздник, *Фролы голы* (Юрл. и др.) – запрет сеять озимые после Фролова дня. Последняя паремия фиксируется в ряде вариантов. Если в варианте *Фролы голы* с помощью краткого прилагательного характеризуется святой, то в

паремии *Фролы – поля голы* (Дубовая Гора Куед.) прилагательное относится к полям. Очевидно, что второй вариант отличается более прозрачной семантикой. В нескольких вариантах святой является активным участником событий: *Фрол пришел, по лукошку дал* (Русские Чикаши Куед.), *Фрол в лукошко насерет* (Бияваш Окт.), *Фрол в ситево засрал* (Асово Берез.). Использование в паремиях физиологической лексики можно, вероятно, объяснить стремлением усилить запрет указанием на осквернение орудия труда. В варианте *Фрола в лукошко посадили* (Кемуть Чайк.) использована иносказательная форма окончания посевных работ.

Как правило, паремии представляют собой короткие рифмованные тексты (*Не жди Богородицы – убирай в огородице, Покров – закрывай коров, На Введеньё лопаёт леденьё*), отсутствие рифмы восполняется ритмизацией (*Василий капнет, Олексий зажгёт, Георгий принесёт в щепётке, Никола унесёт в зобёнке⁴, В Егорий курица, а в мае овца нажорётся*); «рифмованность или ритмизация текстов имеет магическое суггестивное свойство: <...> носитель традиции склонен считать истинным именно текст паремии как закрепляющий вековой опыт, как константу, а реальность – как проявление более частных отношений – ошибкой, временным нарушением нормы» [Валенцова 2006: 420]. Особый ритм в паремиях может создаваться за счет повторов (*Евдокия голубка напоит, так Алексей быка напоит*), синтаксического параллелизма и нанизывания однородных членов (*С Афанасьева дня гусь заговорит, полоз заскрипит – мороз наступит* (Русский Сарс Окт.); *Афанасьев день, на реке гусь закричит, во дворе жеребец заржёт, весна скоро будет* (Торговище Сукс.); *Сдвиженье – лето свизжало, убежало* (Калиновка Чернуш.).

Календарные паремии, являясь частью календарной обрядности, требуют комплексного анализа, включающего данные различных дисциплин – этнографии, фольклористики и лингвистики. В качестве предмета лингвистических исследований календарных паремий можно рассматривать прагматику такого рода единиц, их семантику и стилистические свойства, структуру. Кроме того, при изучении паремий следует учитывать их локальную специфику: например, наличие / отсутствие «мелких», «частных» праздников и соответственно относящихся к ним паремий на той или иной территории.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках гранта 008-П «Языковой быт современного прикамского села (социолингвистическое исследование)» программы стратегического развития ПГПУ.

² Основным источником послужил «Словарь хрононимов» А.В. Черных. Кроме того, использованы материалы полевых экспедиций ПГГПУ.

³ «С Семёнова дня, Семёна-летопроводца (14 сентября) начиналось “бабье лето”, в домах впервые зажигали огни, начинались супрядки, кончались полевые работы (*паужна* – обычное название обеда в поле; сходным образом этот период времени характеризуется в нем. Micheil (Bartholmai) is kamen, hett't Abendbrot (Vesperbrot) nahmen, ‘пришел “Михаил” (Бартоломей) – день св. Михаила 29 августа, день св. Бартоломея, 29 сентября – забрал обед в поле’)» [Подюков 1990: 33].

⁴ В паремиях «обычно святые объединяются в пары или триады по принципу “соседства” в календаре, хотя и не обязательно» [Мороз 2011: 218]: *Василий-Олексий, Георгий-Никола*.

Библиографический список

Валенцова М.М. Календарные паремии западных славян // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. Вып.10. М.: Издательство «Индрик», 2006. 506 с.

Мороз А.Б. «Календарная агиография»: имя и образ святого в календарных паремийных текстах // Вестник РГГУ. № 9 (71)/11. Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. С. 216–227.

Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учебное пособие. Пермь: ПГПИ, 1990. 127 с.

Толстая С.М. Полесский народный календарь. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования). М.: Индрик, 2005. 600 с.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Ч. III. Словарь хрононимов. Пермь: Изд-во «Пушка», 2009. 280 с.

Условные сокращения районов Пермского края

Бард. – Бардымский
Берез. – Берёзовский
Большесосн. – Большесосновский
Верещ. – Верещагинский
Гайн. – Гайнский
Караг. – Карагайский
Киш. – Кишертский
Краснов. – Красновишерский
Куед. – Куединский
Кунг. – Кунгурский
Окт. – Октябрьский
Орд. – Ординский
Оханск. – Оханский
Очёр. – Очёрский
Пермск. – Пермский
Сол. – Соликамский
Сукс. – Суксунский
Уинск – Уинский
Черд. – Чердынский

Чернуш. – Чернушинский
Юрл. – Юрлинский

E.N. Svalova

Post-graduate Student of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

PRIKAMYE CALENDAR PROVERBS: SEMANTIC-STYLISTIC CHARACTERISTICS

Calendar proverbs functioning in Perm Krai Russian dialects are described. A great attention is paid to calendar proverbs that characterize different spaces of time. Conclusions concerning folk time perception and ways of time 'boundary' semantics expression are made. Basic ways of calendar proverbs creation, their structural-grammatical peculiarities, figurativeness connected with the use of the name of this or that Saint as chrononym are analyzed. Stylistic proverbs characteristics (rhyme, rhythm, symbols) are defined.

Key words: calendar rites; proverbs; chrononym; agionym; proverbial expressions; semantics.

ТЕКСТ И ДИСКУРС

УДК [81'23:81'42] – 053.4

Бондарчук Анастасия Сергеевна
студентка 3 курса филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
anastasiya_bondarchuk@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ НАРРАТИВА У ДЕТЕЙ 5–10 ЛЕТ

Проблема становления нарратива у детей является сегодня одной из актуальных проблем современной психолингвистики. Она тесно связана с более широкой проблемой становления дискурсивной (коммуникативной) компетенции в целом. Работа представляет собой сравнительный анализ исследований Н.М. Юрьевой и К.Ф. Седова по проблеме становления нарратива у детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Ключевые слова: нарратив; речевой жанр; признаки нарратива.

В отечественной психолингвистической науке проблема формирования умения развертывать повествовательный текст у детей на разных ступени онтогенеза долгое время находилась на периферии исследовательских интересов. В настоящее время накоплен достаточный эмпирический материал и разработаны методы его психолингвистического и дискурсивного анализа, что позволяет приблизиться к полному описанию этапов становления нарративной компетенции.

Цель работы состоит в систематизации теоретических материалов и результатов имеющихся исследований становления нарратива у детей разного возраста.

Задачи:

- описать понятие и особенности нарратива как речевого жанра;
- охарактеризовать психофизиологические особенности детей дошкольного и младшего школьного возраста;
- проанализировать исследования разных авторов по вопросу овладения нарративом детьми дошкольного и младшего школьного возраста;
- сравнить этапы становления нарратива в дошкольном и младшем школьном возрасте.

Объектом изучения является становление нарратива у детей.

Предметом изучения выступают особенности становления нарратива у детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Материалом изучения послужили исследования детских нарративов авторами Н.М. Юрьевой и К.Ф. Седовым, которые наиболее полно отражают особенности становления нарратива у детей разного возраста.

По мнению М.М. Бахтина, нарратив – это первичный речевой жанр, который сложился в условиях непосредственного речевого общения.

В переводе с английского *нарратив* означает «рассказ, упорядоченное изложение событий», что равнозначно определению повествования в русском языке.

В системе речевых жанров повествование занимает особое место, поскольку оно имеет отношение и к первичным, и к вторичным речевым жанрам (по М.М. Бахтину), т.е. встречается как в спонтанной разговорной речи, так и в письменных художественных текстах.

Есть две интерпретации феномена повествования – как речевого жанра (типа речи) и как типа текста. В первом случае исследователи изучают вербальное воплощение в речевом высказывании когнитивных образований (концепта, фрейма и т.д.), во втором – языковое оформление высказывания, а именно: соответствует ли его организация нормам национального языка. Таким образом, жанр речи *нарратив* предполагает рассмотрение высказывания в когнитивном аспекте, а тип текста – в языковом.

Повествование как тип текста представляет собой рассказ, функционирующий прежде всего в художественных текстах и оформляющий события, в которых заключается сюжет произведения.

Для повествования как типа текста характерны:

- логическая последовательность;
- динамизм, смена событий;
- хронологизированная композиция;
- употребление простых и сложных предложений:
 - а) с глагольным сказуемым совершенного вида;
 - б) с видо-временными формами, подчеркивающими характер и смену событий;
 - в) с выражением причинно-следственной и временной обусловленности.

Н.М. Юрьева выделяет следующие признаки нарратива как речевого жанра:

- повествование содержит вербальное указание на действующих лиц истории, время и место происходящих событий;

- повествование имеет экспозицию и конец истории, в нем выделено смысловое ядро;
- повествование содержит речевую репрезентацию временной последовательности событий, связанных между собой смысловым ядром истории;
- действия участников истории взаимосвязаны, ведут к изменению ситуации, физического или ментального состояния участников истории;
- в повествовании присутствует не только семантико-содержательная информация о происходящих событиях, но и аффективно-оценочный компонент.

Дошкольный возраст

Н.М. Юрьева провела эксперимент, в котором детям предлагалось рассказать историю по серии иллюстраций.

По мнению автора, «в повествовательной деятельности ребенка дошкольного возраста когнитивно-дискурсивные стратегии имеют не сознательный характер, а, скорее, ненамеренный и неосознаваемый, напрямую не воздействующий на восприятие мира или рассказываемой слушателем истории. Эти когнитивно-дискурсивные стратегии показывают индивидуально-своеобразные способы отражения, переработки и структурирования познаваемого ребенком мира» [Юрьева 2012: 51].

В дошкольном возрасте происходят изменения в устном повествовании, проявляющиеся в осмыслении ребенком целостности сюжета, возникновении смыслового ядра истории, оформлении повествования в связную нарративную цепь.

В старшем дошкольном возрасте уже не наблюдаются скопления неупорядоченного множества высказываний, объединения в единое целое разнородных частей и повествования, в которых начальное звено имеет незначительную связь с конечным звеном.

Вместо этого наблюдается увеличение объема повествования, а также развернутость и полнота повествовательного текста.

Дошкольники уже не описывают детали наглядного изображения, а выделяют наиболее значимые элементы происходящих событий, анализируют их и иерархически выстраивают. Формируется целостное повествование, выделяется событийное ядро истории.

Повествование у дошкольников строится с использованием инициальных фраз – зачина истории, вводящего слушателя в ситуацию повествования, знакомящего с основными участниками истории. Происходит расширение содержания повествования за счет включения событий, имевших место в прошлом и не представленных в наглядном плане истории.

В этот период смысловое ядро истории, состоящей из последовательности взаимосвязанных событий, чаще всего понимается детьми. Таким образом, ребенок в повествовании отражает взаимосвязь событий.

В грамматике повествования дошкольников наблюдается наличие дейктических наречий, дейктических указательных и личных местоимений и сочинительной связи. Кроме того, может вкрапляться прямая речь.

В повествованиях присутствуют сложные синтаксические целые – повествовательные фрагменты, состоящие из нескольких предложений, объединенные логико-смысловым единством, характеризующиеся относительной завершенностью темы. Такие сложные повествовательные фрагменты используются для описания ряда сменяющихся событий, действий и обозначения их результата. Некоторые повествовательные фрагменты включают придаточные предложения.

Отметим также появление придаточных предложений с союзным словом *который*. С помощью них ребенок конкретизирует содержание главного предложения, поясняет его значение.

Однако Н.М. Юрьева заключает, что цельного речевого повествования, как у взрослых носителей языка, у детей дошкольного возраста в этот период не зафиксировано.

Подобные исследования проводил К.Ф. Седов [Горелов, Седов 2001; Седов 2004]. Содержанием экспериментов стала серия заданий на порождение спонтанных речевых произведений по картинке и по заданной теме.

При выполнении задания на порождение текста по картинке дошкольники вместо законченного речевого произведения выдавали лишь несколько предложений, связанных не между собой, а с изображенной на картинке ситуацией, с использованием дейктических замещений и указательных частиц. Межфразовые связи в рассказах детей были выражены слабо. Повествования представляли собой набор изолированных предложений.

Таким образом, в результате экспериментов оба исследователя получили схожие результаты. Это свидетельствует о том, что особенности становления нарратива являются закономерным процессом для детей данной возрастной группы.

Младший школьный возраст

Имеющийся экспериментальный материал Н.М. Юревой показывает, что на данной ступени в речевой деятельности детей выделяются две повествовательные тенденции.

Во-первых, отмечается тенденция к созданию целостного связного повествования.

Во-вторых, для этого периода характерна не отчетливая схема целого события, а повествовательная цепь, высказывания не объединяются еще в единое смысловое целое; они маркированы простейшими средствами формально-языковой связности: цепной бессоюзной связью, сочинительными союзами *и*, *а*, наречием *потом*.

Таким образом, младший школьник, в отличие от дошкольника, уже не так опирается на наглядное изображение, выходит за заданные иллюстративной опорой пределы, начинает свое повествование с зачина и экспозиции.

В начале повествования ребенок переносит визуальную историю в вербальный план, вводит главных действующих лиц, дает их характеристики, пространственные или временные координаты, что способствует освобождению повествования от ситуативной зависимости. В экспериментах с детьми дошкольного возраста зачин и экспозиция отмечены не были.

В своих рассказах младший школьник обращает внимание на пространственные характеристики, уточняющие детали и качество предметов и действий, а также осмысливает события и действия, осуществляемые участниками истории.

В развитии содержания повествования возникает элемент «осложнения» в процессе осуществления действий героями истории, причем этот элемент маркируется ребенком начальным наречием *вдруг*. У детей дошкольного возраста элемент «осложнения» не был отмечен.

Повествование младшего школьника становится многослойным, так как в содержание включается не только событийная канва истории – участники, действия, результаты, но и осмысление событий рассказчиком.

Ребенок младшего школьного возраста не только излагает факты, но и включает в повествование свое мнение о происходящих событиях, интерпретирует мысли участников, вводит в повествование прямую речь главного героя истории.

События в повествовании соединяются в виде связной цепи микрособытий, происходящих действий и их результатов. В такой связной цепи каждое звено является не только продолжением предыдущего, но и причиной последующего.

Таким образом, у детей младшего школьного возраста «в повествовании выделяются такие структурно-жанровые и содержательные компоненты, как зачин, смысловое ядро истории, содержательное развитие истории, концовка, характерные в большей

степени для устной повествовательной традиции и в большей мере присущие каноническому письменному повествованию» [Юрьева 2012: 55].

Важно и то, что начало и конец истории связаны, чего не наблюдалось у детей дошкольного возраста. Сюжет истории становится законченным, концовка связана с первоначальной ситуацией, события и образы вырываются из ситуационного наглядного плана и включаются в речевой и синтаксический контексты.

К подобным выводам в своих исследованиях приходит и К.Ф. Седов. Он пишет о том, что дети младшего школьного возраста способны «сформировать целостное, композиционно законченное речевое произведение, в котором все предложения связаны с предшествующим контекстом» [Седов 2004: 182]. В повествованиях детей этого возраста присутствует инициальная фраза, намечающая общую тему рассказа. Повествования младших школьников «представляют собой связный рассказ, в котором логика развития сюжета мотивирована психологией действующих лиц [Там же: 183].

Таким образом, мы видим, что повествования младших школьников отличаются от повествований детей дошкольного возраста. Они обладают главными свойствами текста – целостностью и связностью, имеют начало и конец, отражают собственное мнение ребенка.

В ходе работы мы конкретизировали понятие нарратива, выявили его особенности как типа текста и как речевого жанра.

Мы проанализировали исследования Н.М. Юрьевой и К.Ф. Седова по вопросу овладения нарративом детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Несмотря на то, что исследователи использовали разные методики, они получили схожие результаты. Это свидетельствует о том, что особенности становления нарратива являются закономерным процессом для детей данных возрастных групп.

Библиографический список

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина. Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: Учебное пособие. Третье, перераб. и доп. издание. М.: Лабиринт, 2001. 304с.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

Юрьева Н.М. Онтогенетические типы устного повествования на дошкольной ступени // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2(16). С. 40–57.

A.S. Bondarchuk

Student of Philological Faculty, 3th year
Perm State National Research University

FORMATION OF NARRATIVE AT CHILDREN OF 5–10 YEARS

The problem of narrative's formation at children is one of actual problems of modern psycholinguistics. It is closely connected with wider problem of discursive (communicative) competence formation as a whole. Work represents the comparative analysis of researches by N.M. Yuryeva and K.F. Sedov on the problem of narrative's formation at children of preschool and younger school age.

Keywords: narrative; speech genre; signs of narrative.

УДК 81'42

Гричин Сергей Владимирович

зав. кафедрой гуманитарного образования
и иностранных языков

Юргинский технологический институт
(филиал Национального исследовательского
Томского политехнического университета)
grichinsergei@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ АВТОРИЗАЦИИ¹

В работе представлена попытка реализации когнитивного подхода к изучению процессов речепроизводства и речевосприятия на основе анализа восприятия категории авторизации, выявления не поддающихся прямому наблюдению когнитивных процессов, сопутствующих экспликации авторизационных показателей в научном дискурсе. Работа вскрывает некоторые особенности формирования структур индивидуального знания.

Ключевые слова: авторизация; восприятие; научный текст.

Цель работы – на основе анализа (интерпретации) употребления авторизационных конструкций в тексте научного произведения выявить особенности восприятия авторизационных смыслов реципиентом, по возможности определить зависимость этих особенностей от организации ментального лексикона человека, его когнитивного опыта.

Необходимость обращения к интерпретации авторизационных смыслов обусловлена прежде всего вариативностью реализуемых категорией авторизации форм выражения и смыслов в тексте, что

приводит к впечатлению о том, что авторизация выражает всего два смысла, закрепленных за ней определением Г.А. Золотовой: указание на источник информации и / или способ ее получения. Между тем в ряде исследований [Баженова 2001; Гричин 2013] было показано, каким образом авторизация выражает личностно-психологическую рефлексивность субъекта, связывается с содержательной структурой текста, прагматическим потенциалом высказывания, зависит от воплощения в тексте познавательных действий автора, а также то, что ее употребление обуславливается дискурсивно. Однако до сих пор не проводилось анализа того, различно ли восприятие этих смыслов адресатом. Рассмотрение особенностей восприятия авторизационных смыслов, по нашему убеждению, предоставит новые данные для дальнейшей разработки интегративной модели производства / восприятия дискурса, которая способна расширить сложившиеся на настоящий момент представления о процессах речепроизводства и речевосприятия.

Для реализации поставленной цели мы обратились к анализу ответов на вопросы 100 респондентов, в их число вошли 80 студентов и 20 преподавателей ТПУ, которым были предъявлены авторизованные высказывания. При этом в качестве одного из экспериментальных методов мы выбрали метод, используемый для изучения процессов восприятия текста, – метод дополнения языкового знака, или метод дополнения речевого высказывания, широко известный в психолингвистике. Этот метод также известен под названием «методика завершения», которую разработал американский исследователь У. Тейлор. Сущность метода состоит в «преднамеренной деформации речевого сообщения и последующем его предъявлении испытуемым для восстановления» [Глухов 2005: 218]. Однако если в эксперименте У. Тейлора условием успешного восстановления речевого сообщения является реализация принципа избыточности речевого общения, благодаря которому структурно-семантические пробелы в речи восстанавливаются воспринимающим речь, то в основе нашего эксперимента лежит гипотеза о том, что когнитивная / интерпретирующая деятельность воспринимающего научный текст, содержащий авторизационные смыслы, заключается в «приписывании» авторизации функций, связанных с пониманием и / или интерпретацией текста. Назовем эти функции: *аксиологическая*, представляющая собой совокупность ценностных концептов и оценок, эксплицирующихся или имплицитных в тексте, авторские оценки, а также ценности, формирующиеся самим текстом и определяющие его (текста) ценность; *адаптирующая*, заключающаяся в приспособлении речевых партнеров друг к другу (рецепиента текста к его автору), обеспечивающая

взаимный коммуникативных успех (успешное восприятие текста) и достижение когнитивной и коммуникативной гармонии (автора и реципиента); *стилеобразующая*, детерминирующая принадлежность данного высказывания к какому-либо дискурсу. Исходными, стимульными при проведении эксперимента выступили отрезки научного текста, содержащие авторизованные высказывания и обладающие смысловой целостностью и законченностью, они и составили *объект* исследования. В качестве *предмета* исследования выступили реакции респондентов на предъявленные стимулы в виде вопросов и заданий анкеты. К объектам ожидания мы относили интерпретируемые респондентами предполагаемые намерения, знания и мнения автора, скрытые за фактическим употреблением авторизационных конструкций.

Эксперимент, направленный на выявление восприятия стилеобразующего смысла авторизационной конструкции, основан на вышеописанном методе восполнения языкового знака. Информанту предлагается выбрать ту конструкцию, которая, по его мнению, будет наиболее уместной в предъявленном ему предложении. Набор авторизационных конструкций организован по следующему принципу: помимо оригинальной, испытуемому предъявляются конструкции, имеющие стилистические черты других функциональных стилей (официально-делового, газетно-публицистического, а также стиля художественной литературы). Гипотеза, лежащая в основе этого эксперимента, заключается в том, что стилистический компонент авторизационного смысла обусловлен прежде всего действием двух факторов: предметно-логическим содержанием предложения и коммуникативно-прагматической ситуацией. Эти факторы придают авторизационной конструкции «стилистическое значение», которое и «закрепляет» его за речевым актом с данными характеристиками. Респондентам было предъявлено предложение с пропущенной авторизационной конструкцией в начальной позиции предложения: <...> *болото представляет собой систему «вода – растительность – торф», причем каждый член системы одинаково необходим; классифицировать болота возможно по каждому из этих признаков и, кроме того, по их совокупности и характеру взаимодействия, поэтому создание ландшафтной классификации должно быть завершением работы по типологии болот. Предложенные варианты включали, помимо оригинальной конструкции (По мнению И.Д. Богдановской-Гиенэф), еще две (И.Д. Богдановская-Гиенэф передает, что... и И.Д. Богдановская-Гиенэф молвила, что...).*

Анализ ответов информантов показал, что из 100 опрошенных только два (2 %) не идентифицировали оригинальную конструкцию, выбрав, соответственно, второй и третий варианты, в которых глаголы, входящие в конструкцию, обладают схожей семантикой (передача информации), но имеют разную стилистическую окраску, принадлежат разным функциональным стилям. Таким образом, ошибки, допущенные при ответе на этот вопрос, свидетельствуют о том, что респондент прежде всего не справился с идентификацией стиля, распознаванием функционально-стилевой нагруженности входящих в конструкцию глаголов. Вместе с тем большинство правильных ответов позволяет сделать вывод о том, что стилистическое значение авторизирующей конструкции оказывается достаточно легко распознаваемым: для его восприятия достаточно одного предложения с соответствующим предметно-логическим содержанием, детерминирующим принадлежность его к научному дискурсу. Кроме того, стилистическое значение становится единственным из вычленяемых на основе контрастивного сравнения дополнительных смыслов авторизации, которым авторизационная конструкция может обладать благодаря семантике ее составляющих: так, описанные в вышеприведенном примере авторизирующие конструкции с большой степенью вероятности можно отнести к тому или иному дискурсу, без рассмотрения диктумной части предложения.

В основе следующей части эксперимента лежит гипотеза о том, что позиция авторизационной конструкции может быть восстановлена не только на основе анализа синтаксической структуры предложения, но и по другим признакам, к числу которых можно отнести выполняемые конструкцией функции по маркированию мыслительной операции, воплощенной в смыслодержательной структуре предложения, а также функции «сопровождения» определенных смысловых блоков, содержание которых экстралингвистически детерминировано. В результате при дополнительном стимуле, заключающемся в том, что респонденту сообщается заранее, что в данном предложении присутствовала авторизационная конструкция, позиция этой конструкции в подавляющем большинстве восстанавливается. Так, на вопрос о том, в каком из трех маркированных мест в двух предложениях пропущена конструкция «по С. Аверинцеву»:

1. (1) <...> *Такая любопытная литературная «мистификация»,* или 2. (2) <...> *«нечто среднее между подражанием, пародией и вольной вариацией на гётевскую тему»,* имеет определенную цель – *прочно связать комплекс рассмотренных в ней мотивов с трагедией Гёте,* (3) <...> *закрепить этот ассоциативный ряд и тем самым*

познакомить с произведением Гёте более широкий круг читателей, правильный ответ (2) дали две трети респондентов, объясняя его тем, что эта конструкция маркирует авторское определение, и, таким образом, предшествует закавыченной части предложения (дистрактором в данном случае выступило взятое в кавычки слово «мистификация», послужившее, вероятно, причиной неверных ответов. Выбор же позиции (3), сделанный, главным образом, студентами младших курсов, мы связываем с недостаточной развитостью их текстовой компетенции, поскольку предложно-падежная конструкция типа «по+дат. п.» для научного дискурса представляет собой стереотипную речевую форму, вводящую определение данной ситуации неким авторитетным источником, чего заключительная часть предложения не содержит.

В качестве продолжения данного эксперимента мы предложили испытуемым восстановить авторизационную конструкцию в одном из пары предложений, при этом позиция конструкции (начальная) была указана и обозначена специальными знаками (<...>). Мы попросили респондентов указать, какое из нижеприведенных предложений, по их мнению, может начинаться конструкцией «По А.А. Григорьеву»:

1. <...> *Верхняя граница географической оболочки проходит в стратосфере на высоте 20–25 км, на уровне слоя концентрации озона.*
2. <...> *Нижняя граница лежит в верхней мантии немного ниже слоя границы Мохо.*

Гипотеза, лежащая в основе этой части эксперимента, заключалась в том, что значение «лично-психологической рефлексии» не ограничивается только «пространством» самой авторизационной конструкции, но распространяется на предложение и, далее, текст. Этот смысл реципиент способен воспринимать, обнаруживая за смыслодержательной структурой предложения субъективные (в нашем случае – авторизационные) смыслы. Испытуемых также просили прокомментировать свой выбор.

78 % респондентов правильно выбрали первую позицию (из ответов респондентов: «Второе предложение продолжает по смыслу первое, поэтому указанную конструкцию логично применить в самом начале текста»), остальные отметили, что конструкция подошла бы к обоим предложениям («Поскольку второе предложение развивает первое, Григорьев мог быть автором обоих предложений»). По нашему мнению, ошибка респондентов в данном случае объясняется неадекватным восприятием функции авторизации реципиентом из-за когнитивного диссонанса между автором и адресатом, когда автор наделяет конструкцию функцией аксиологической, представляющей сообщенные Григорьевым сведения как имеющие некоторую научную ценность для определенной читательской аудитории, в то время как

адресат, будучи не способным дать адекватную оценку научной ценности полученной информации, воспринимает эту функцию как адаптирующую, т.е. «встраивающую» сообщаемую информацию в его картину мира. В этом отношении логично предположить, что если бы в числе респондентов были специалисты в области атмосферы Земли, то они, скорее всего, могли воспринять функцию конструкции как аксиологическую, указывающую на важность взгляда Григорьева на рассматриваемую проблему. Однако очевидно, что этот вопрос нуждается в более тщательном исследовании.

Следующий эксперимент также был направлен на выяснение того, каким образом когнитивный опыт испытуемого влияет на восприятие текста в аспекте авторизации. В этом плане авторизация представляет для нас интерес настолько, насколько она является обозначением источника информации, а также насколько она связана смысловыми отношениями с другими единицами текста. Информантам было предложено расставить источники информации в отрывке из текста научной статьи в соответствии с их местами в тексте оригинала. С целью исключения возможности подбора слов по их грамматической форме, все названия источников были предъявлены в именительном падеже. Результаты этого эксперимента показали, что адекватное восприятие дополнительных функций авторизации определяется когнитивным опытом человека, степенью его знакомства с предметом речи. Неадекватное восприятие ее функции одновременно свидетельствует о возможном непонимании предметной ситуации либо коммуникативно-прагматической установки высказывания.

К другим выводам, сделанным на основе наших экспериментов, отнесем следующие:

1) наличие стилистического значения у авторизационной конструкции воспринимается только на «контрастном» фоне, в искусственных условиях, связанных с противопоставлением данной конструкции другим стилистически маркированным единицам;

2) в пространстве текста авторизационная конструкция тяготеет к участкам, отражающим субъективную информацию, благодаря чему ее позиция с большой долей вероятности может быть реконструирована с помощью метода восполнения языкового знака.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-14-70002.

Библиографический список

Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 366 с.

Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. М.: АСТ: Астрель, 2005. 351 с.

Гричин С.В. Познавательные действия и авторизация в научном дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 1 (21). С. 90–99.

S.V. Grichin

Head of Humanities and Foreign Languages Department
Tomsk Polytechnic University

EVIDENTIALITY OF PERCEPTION

The paper presents an attempt to apply a cognitive approach to study the processes of speech generation and perception on the basis of analyzing the evidentiality perception, to reveal the cognitive processes accompanying the explication of evidentiality markers which are not subject to direct observation. The paper also reveals some peculiarities of individual knowledge structures formation.

Key words: evidentiality; perception; scientific text.

УДК 81'38

Данилевская Наталия Васильевна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
danil6@mail.ru

ИДЕИ М.Н. КОЖИНОЙ О ТЕКСТЕ И МЕХАНИЗМАХ ЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена обзору одной из научных идей профессора М.Н. Кожиной – идее о механизмах образования текста. Рассматриваются понятия развернутого вариативного повтора и познавательной оценки. Анализируются роль и функции повторов в образовании научного текста. Рассматриваются виды научного знания, принимающие участие в развертывании содержания текста. Познавательная оценка представлена как «энергия» процесса текстообразования. Единство вариативных повторов и познавательной оценки объявляется механизмом образования научного текста.

Ключевые слова: научный стиль; функциональный стиль; развертывание текста; механизм текстообразования; развернутый вариативный повтор;

познавательная оценка; научное знание; чередование компонентов старого и нового знания.

Личность Маргариты Николаевны Кожиной уникальна. Величие сделанного ею для науки вызывает восхищение и преклонение. Сегодня, оценивая наследие этого Ученого, понимаешь, что даже самые высокие слова в его адрес не будут лестью или преувеличением, потому что Маргарита Николаевна – это целая самостоятельная эпоха в современном отечественном языкознании.

В начале 60-х гг. прошлого века, когда «элита российской лингвистики переживала повторный после тридцатилетнего перерыва контакт со структурализмом <...> профессор Кожина пошла другим путем, отличным от прославленной антиномии Ф. де Соссюра “язык – речь”. Ее научным интересом стала речь, что в то время означало пойти против течения» [Гайда 2010: 7]. Не случайно в частных беседах со своими учениками Маргарита Николаевна неоднократно говорила: «Поначалу мне приходилось биться за свою идею о функциональной стилистике, отстаивать чуть ли не каждое свое слово».

Действительно, масштабность М.Н. Кожиной как Ученого была предопределена пытливостью, даже дерзостью ее ума. Именно тяга к новому, устремленность к малоизученному, а то и вообще неизвестному, противоречивому, чему-то почти, казалось бы, не решаемому всегда влекла ее исследовательский ум. Не случайно еще в 1966 г. – в самый пик торжества структурализма в советском языкознании – она опубликовала свой фундаментальный и новаторский по содержанию труд «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики». Знаменательно, что в это время ни в русской, ни тем более в зарубежной филологии идеи функционализма с такой глубиной и смелостью еще никто не разрабатывал. В этой книге М.Н. Кожина (вслед за Ш. Балли, В. Гумбольдтом, Л.П. Якубинским, Е.Д. Поливановым, В.В. Виноградовым, Ф.П. Филиным и др.), по сути, предвосхитила развитие всей лингвистической науки во второй половине XX в., окончательно определив направление этого развития – в сторону *речеведения*.

Разработанная профессором Кожиной (в том числе с помощью своих многочисленных учеников) теория текста, в начале 2000-х гг. гармонично объединилась с пришедшей тогда с запада и ставшей модной теорией дискурса и дискурсивных практик. При этом важно, что новомодная теория не подавила (да и не могла это сделать!) русскую текстологию именно потому, что гораздо ранее, чем в зарубежной лингвистике, М.Н. Кожиной были сформулированы и фундаментально

обоснованы такие принципы текста и его организации, как *деятельностный характер, процессуальность, динамизм, диалогичность, речевая системность, экстралингвистическая предопределенность* самого производства речи. Иными словами, концепция текста М.Н. Кожиной была по своей сути концепцией дискурса; неизвестным был лишь сам термин «дискурс». И вот эта, по словам В.Е. Чернявской, «провидческая аккумуляция» [Чернявская 2010: 14] идей Ученого, поражает своей масштабностью и эвристичностью идей, стимулируя к дальнейшей разработке всего того, что Маргарита Николаевна не успела сделать.

Известно, что свои основные исследовательские усилия профессор Кожина сосредоточила на научной коммуникации, воплощенной в письменных текстах. Однако сила интеллекта этого ученого была такова, что вскрытые ею законы и закономерности научного текстообразования релевантны и по отношению к другим коммуникативным сферам – официально-деловой, публицистической, художественной, религиозной и даже разговорной.

Представляется, что **смысловым ядром** концепции текста М.Н. Кожиной является ее идея о речевой деятельности, а значит, о тексте как процессе созидательного взаимодействия между автором и читателем, о тексте как процессе языкового воплощения (развертывания) авторской интенции, подчиненного целому комплексу затекстовых (экстралингвистических) факторов. Потому одно из центральных терминов-понятий разработанной ученым теории – это понятие о *механизме развертывания текста*. Таким механизмом М.Н. Кожина считала *развернутые вариативные повторы*, посредством которых в реальном познавательном процессе осуществляется динамика от известного в науке («старого») к неизвестному (новому) знанию, впервые выражаемому ученым в конкретном тексте.

Развернутые вариативные повторы (или РВП) – это смысловые единицы различной протяженности, чаще всего с перифразировкой повторяющие высказанное ранее в тексте положение и включающие в себя «частицу» нового знания, т.е. некоторое развитие темы (содержания) произведения.

В отличие от традиционно понимаемых повторов (например, лексических или синтаксических), РВП – это единицы смысловые, предназначенные для воспроизведения концептуально важных компонентов содержания целого произведения. Другим отличием РВП от традиционных повторов является их речевая (текстовая) природа: они не существуют в языковой системе, а функционируют только в «живой» ткани текста, выполняя в нем *организующую (текстообразующую)*

задачу. Кроме того, они концептуально маркированы, поскольку несут на себе нагрузку основного смысла целого произведения и выражают именно новое знание.

Важным своеобразием РВП является и развернутый характер их содержания, при этом содержательная «развернутость» достигается «впаянностью» частицы нового в контекстуально известное (воспроизводимое) знание.

Приведем пример из текста, выделив общие лексемы в высказывании, впервые фиксирующем мысль (т.е. в основном высказывании – ОВ), и в высказывании, повторно выражающем эту же мысль (т.е. в РВП):

ОВ — *Понятие **текстовой модальности** сравнительно новое в лингвистике. Оно только начинает разрабатываться. Между тем значение этой **категории** для **стилистики**, лингвистики речи трудно переоценить, можно сказать, что она лежит в основе речепроизводства (семантический аспект), **строю** и **тональности речи** и во многом конституирует **функциональные стили**, определяя **характер** изложения (повествования) в каждом из них* (Солганик, с. 14).

РВП — *Текстовая модальность выступает и как важнейшая категория функциональной стилистики, так как, воплощая установку на тот или иной **характер**, определяет во многом **строй** и **тон речи**, ее стилевые качества, отбор языковых и речевых средств и в конечном счете конституирует **функциональные стили** как разновидности литературного языка* (Солганик, с. 16)¹.

Несмотря на незначительное количество одинаковых лексических элементов, содержательно эти высказывания представляют собой практически одно и то же, т.е. налицо явный смысловой повтор, правда, с семантическим расширением, содержательным обогащением, реализующимся за счет смысловых добавок, которые вносят в процесс повествования новые (по отношению к повторяющимся) лексические и синтаксические единицы.

Вычлененные из содержания целого текста и взятые в единстве, РВП тезисно, «в голом виде» выражают научную концепцию автора-ученого. Следовательно, РВП, как единицы текста, представляют собой средство фиксации в нем (тексте) *научно нового знания*, а точнее это средство выражения в тексте *динамики познания, интеллектуально-духовного движения мысли* ученого от не-знания – к непротиворечивому знанию, от вопроса «Как это сделать?» к утверждению «Я знаю, что это!».

Однако здесь важно то, что повторы никогда не бывают тавтологичными, поэтому они, во-первых, вариативные – повторяется та же мысль, но другими словами; во-вторых, развернутые – в структуре повтора всегда содержится «крупница» нового знания, т.е. того, о чем не было сказано в основном высказывании (см. пример). Это продвижение осуществляется незаметно для адресата, а также в форме спирали, где каждый новый виток формирующейся мысли синтезирует содержание предшествующего и вместе с тем развивает его, включая в свой объем крупницу нового знания, что само по себе, как очевидно, невозможно без повторения ранее сказанного. Таким образом, развернутые вариативные повторы, поддерживая в тексте динамику старого и нового знания, служат **речевым механизмом текстообразования**.

В процессе развертывания текста вариативные повторы реализуют важнейшие текстообразующие задачи: 1) *обобщают содержание* основного высказывания, 2) *конкретизируют* его, 3) *поясняют*, 4) *уточняют*, 5) *акцентируют* важнейшие компоненты знания, 6) отсылают к предшествующим мыслям – *ретроспективная функция* или 7) отсылают читателя к тому, о чем будет сказано далее – *проспективная функция* РВП.

Важнейшим для проф. Кожиной было убеждение в том, что осмысление языка невозможно без опоры на все иные знания о человеке, поэтому ее исследования никогда не носили характера чисто лингвистических работ, а всегда были междисциплинарными. И в этом еще одно проявление гениальности проф. Кожиной. Увидеть в тексте процесс чередования старого и нового знания и объяснить это как механизм речепроизводства – было для ученого только половиной дела (хотя и это уже очень много!). Не менее значимым для М.Н. Кожиной было объяснить, *почему* так происходит, *что* заставляет научный текст иметь именно такую, цикличную (спиралевидную) природу. Так сугубо лингвистический механизм текстообразования обрел в концепции проф. Кожиной философско-психологические основания.

Функционирование в научном тексте РВП было объяснено как следствие целого комплекса экстралингвистических факторов, среди которых закономерности научного познания и мышления, логика развития научной мысли, психологические законы научной коммуникации, а также диалогические особенности научного письменного общения. Потому в научном изложении и происходит постоянное (но незаметное для читателя) повторение тех или иных важных, с точки зрения автора, мыслей, что, во-первых, само познание и мышление человека устроены как прерывистое движение от старого к новому и обратно в поисках более совершенного и объективного знания;

во-вторых, сам факт повторения способствует преодолению в сознании читателя психологического «барьера новизны» при восприятии неизвестного, малопонятного; в-третьих, новое формируется только в процессе творческого диалога смысловых позиций, которые и реализуются в научном тексте через повторы знания.

Вместе с тем динамика смысловых повторов в научном тексте – это действительно, лишь механизм текстообразования. По глубокому убеждению М.Н. Кожиной, у этого механизма, как у любого другого, должен быть свой «стимул», свой «мотор». Таким мотором, или источником, процесса текстообразования Маргарита Николаевна считала **оценку**. Если онтология научного текста – рассуждает исследователь, – образно говоря, отвечает на вопрос «что?», методология – на вопросы «как?», «каким образом?», то аксиология (в том числе оценка), в отличие от двух первых, в общем, статических планов, – на вопросы «почему?» (в смысле, «удовлетворяет или не удовлетворяет предшествующее знание новой точке зрения») и «куда?» (в смысле, «направление движения в процессе познания»), т.е. именно осуществляет динамику познания и ее направление. Оценка, по мнению профессора Кожиной, это и стимул, и «горючее» как самогó познавательного процесса, так и текстообразования в научной сфере [Кожина 2004: 12–13].

Важно подчеркнуть, что М.Н. Кожина имела в виду оценку особого рода – **познавательную**, т.е. выполняющую в научной коммуникации функцию источника (энергии) познания.

Под **познавательной оценкой** понимается *целенаправленный выбор автором текста определенного познавательного действия и определенных языковых и речевых средств его текстуализации с целью осуществления адекватного выражения «крупницы» нового знания в каждом конкретном моменте познавательной речемыслительной деятельности* [Данилевская 2005]. Именно автор выбирает ту вербальную и логическую форму, в которую будет облечен письменный вариант его мысли; при этом выбранная форма, представляя в ткани текста ту или иную мысль, конкретизирует ее логико-семантические оттенки.

Познавательно-оценочные действия реализуются в изложении как высказывания, структурирующие содержание окружающего контекста или текста в целом посредством выражения таких смысловых операций, как *анализ, обобщение, объяснение, констатация, уточнение, пояснение, конкретизация* предшествующего содержания, вытекающие из него *вывод или следствие; сравнение или сопоставление* с другим объектом; *констатация* какой-либо мысли; *ретроспективная связь* с левым

контекстом или *проспективная отсылка* читателя к правому контексту изложения; определение способа использования (применения) какого-либо объекта – *утилитарная* оценка; *критическая* оценка старого знания; выражение оттенков субъективной модальности – *модальная* оценка; *эмоциональное* или *экспрессивное* усиление какой-либо мысли и др.

Таким образом, в концепции текста М.Н. Кожиной оценка предстает не в традиционном понимании, а как исходная (толчковая) эмотивно-интеллектуальная операция экспликации познавательной деятельности в научном дискурсе. Эксплицитно или имплицитно выраженная, познавательная оценка всегда связана с выбором того или иного фрагмента «чужого» знания, той или иной идеи, суждения, мнения, факта как определенной научной ценности для конкретного «шага» выражаемой в тексте коммуникативно-познавательной деятельности автора. Поэтому научную деятельность можно сравнить с селективной деятельностью: в каждый момент движения к непротиворечивому новому знанию научное познание предстает как **выбор** наилучшего, как **личное предпочтение** того или иного фрагмента научной информации из бесконечного пространства последней, как **индивидуальный выбор** даже того, в каких связях и отношениях представить в конкретном изложении эти отобранные компоненты информации. Речь идет о ментальных действиях, осуществляемых автором с целью построения текста заданного содержания и с высокой степенью убедительности для адресата. В этом случае познавательная деятельность идентична аналитико-оценочной деятельности, а познавательная оценка – текстообразующей категории.

Важно подчеркнуть, что текстообразующая значимость познавательной оценки очевидна не только при интертекстуальной связи старого («чужого» или известного в науке, предшествующего) и нового (собственно авторского, впервые сообщаемого в конкретном тексте) знания, но прежде всего при **интратекстуальном** взаимодействии коммуникативно (т.е. в *данном* тексте) известного и неизвестного знания, т.е. в тех фрагментах текста, которые посвящены доказательству, обоснованию, объяснению – одним словом, развертыванию концептуального знания и его формированию в новую научную ценность.

Таким образом, познавательная оценка – это когнитивный стержень, объединяющий все варианты компонентов знания и подчиняющий их взаимодействию основной цели научного текста – фиксировать процесс получения нового научного знания. Этот процесс отражается в тексте не зеркально, а рождение нового происходит до его

экспликации в тексте, однако важно, что именно в нем это новое шлифуется, уточняется, углубляется и приобретает окончательный социально значимый вид.

В явном или скрытом виде оценка лежит в основе любого высказывания и служит ментальной опорой для вербализации мысли ученого – того или иного суждения (умозаключения, вывода, обобщения и др.) относительно предмета исследования. Научный же текст как способ материализации эпистемической ситуации *насквозь пронизан познавательной оценкой, а сама познавательная деятельность a priori оценочна.*

Таким образом, динамика развертывания научного текста предстает в концепции М.Н. Кожиной в виде непрекращающихся возвращений мысли к уже для читателя как бы известному и потому более-менее понятному, чтобы, «зацепившись» за это понятное, развить (обогащить) его компонентом нового, неизвестного; и так дальше – в продвижении мысли и содержания текста от не-знания к доказанному знанию, от вопроса «Что это?» – к обоснованному утверждению «Теперь я знаю: это вот что!». Энергетическим импульсом, «мотором» этой динамики смыслов служит познавательная оценка, с помощью которой ученый продумывает, *как и куда* направить процесс изложения своей идеи, *каким образом* ее сформировать и оформить в объективную, доступную и непротиворечивую научную концепцию.

Развернутые вариативные повторы и познавательная оценка, рассмотренные как единицы и одновременно инструменты познавательной деятельности, представляют собой, по мнению М.Н. Кожиной, ***завершенный, целостный механизм текстообразования, обладающий высокой объяснительной силой в сфере научной коммуникации.***

Завершая наш краткий обзор идеи профессора М.Н. Кожиной о механизме текстообразования, невозможно еще раз не подчеркнуть силу ее научного предвидения, масштабность теоретической мысли, ибо многое из того, что она считала спецификой прежде всего научного текста, абсолютно релевантно и для всех других типов текстовой деятельности. Поэтому без всякого преувеличения можно говорить о том, что Маргарита Николаевна посвятила жизнь раскрытию и обоснованию **универсальных** законов речепроизводства и текстообразования.

Примечания

¹ Цитируемый текст: Солганик Г.Я. Лингвистика речи в настоящем и будущем // Лингвистика речи. Медиалингвистика: коллект. монография,

посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 8–21.

Библиографический список

Гайда Ст. В честь Маргариты Николаевны Кожиной. Панегирик // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз сб. науч. тр. / под. ред. М.П. Котюровой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 6–11.

Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 145 с.

Данилевская Н.В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. 360 с.

Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стилль: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 9–33.

Чернявская В.Е. В честь Маргариты Николаевны Кожиной // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз сб. науч. тр. / под. ред. М.П.Котюровой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 13–14.

N.V. Danilevskaya

Professor of Russian Language and Stylistics Department

Perm State National Research University

IDEAS OF M.N. KOZHINA ABOUT THE TEXT AND MECHANISMS OF ITS FORMING

The article provides an overview of one of scientific ideas of professor M.N. Kozhina – the idea of text forming mechanisms. The concepts of wide-scale variative repeating and cognitive assessment are being analyzed. The author examines the role and function of repeating in the forming of scientific text and analyzes the types of scientific knowledge, that take part in formation of text's content. Cognitive assessment is presented as an “energy” of text forming process. The unity of variative repeating and cognitive assessment is declared the mechanism of formation of the scientific text.

Key words: scientific style; functional style; the forming of text; mechanism of text forming; wide-scale variative repeating; cognitive assessment; scientific knowledge; the alternation of components of the old and new knowledge.

Котюрова Мария Павловна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kotyurova@yandex.ru

РЕЧЕВАЯ СИСТЕМНОСТЬ НАУЧНОГО ТЕКСТА¹

В статье уточняется одно из основных понятий функциональной стилистики – *речевая системность*, ярко проявляющаяся в целом научном тексте. Речевая системность рассматривается как *пакетное* (тесно связанное с другими) понятие, представляющее собой *эмерджентное* (возникающее в результате порождения целого текста) свойство, выступающее *условием эталонного* (гармонично плотного) текста. Учитываются такие дискурсивные свойства текста, как устойчивость, эластичность, динамичность, открытость и др.

Ключевые слова: функциональная стилистика; научный текст; речевая системность; дискурсивные свойства текста.

В науке всегда так: в континууме давно известных и вполне понятных терминов вдруг привлекает внимание какой-то один...

Непрошедшее восхищение научной мыслью проф. М.Н. Кожиной высветило понятие речевой системности – понятие высокой абстракции, которое определяется посредством отождествления с понятием *взаимосвязи*, выражающим лишь идею связи и потому предполагающим понятийную конкретизацию. Отсюда ясно, что научный стиль речи открыт к изучению. И не только потому, что познавательная деятельность по природе присуща человеку в сфере науки, а продукт этой деятельности неизбежно и постоянно требует закрепления средствами естественного языка в форме текста целого научного произведения. Но и потому, что о статусе научного стиля, типичных стилевых характеристиках текста, специфике функционирования языковых единиц в научных текстах и т.д. в литературе уже имеется научное знание. См., например, работы обзорного характера, а также включающие обзоры [Кожина 1972; Кожина, Котюрова 1997; Татаринев 1998; Кожина, Дускаева, Салимовский 2011; Котюрова 2010; Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011; Комарова 2012; и мн. др.].

Вместе с тем естественно, что разыскания в области стилистики научной речи – многочисленные, но с общенаучных позиций почти всегда имеющие лишь общий, фрагментарный либо контурный характер – стимулируют исследователей к дальнейшему расширению и

углублению, иначе говоря, к развитию содержания терминосистемы данной области науки. На фундаменте сложившегося конкретно-предметного (знания о предметах и явлениях данной области науки) и дисциплинарного (знания категорий и понятий частных наук, т.е. «знания о знании и знание о деятельности для получения новых знаний» – [Цветкова 2007]) знания о научном стиле речи – в новых научно-познавательных условиях – можно более пристально рассмотреть (не пересмотреть!) основные понятия стилистики научной речи.

Одним из таких фундаментальных понятий является выдвинутое М.Н. Кожиной и уже бесспорное понятие *речевой системности*, присущей каждому функциональному стилю речи. Формирование содержания данного понятия методически вполне оправданно начато с аналогии – соотнесения с поуровневым содержанием понятия *языковой системности*. Эта аналогия оказалась верной и вполне продуктивной: обобщения относительно речевой системности коррелируют с обобщениями, сделанными на основе фрагментов системы языка – языковых единиц того или иного уровня. Данное утверждение легко проиллюстрировать трудами М.Н. Кожиной и Г.Я. Солганика (см. системный анализ морфологических средств научного стиля в книге М.Н. Кожиной «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими» [Пермь, 1972], опубликованной вслед за докторской диссертацией «Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи» [М., 1970]; в докторской диссертации Г.Я. Солганика «Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования» [М., 1977]) и, конечно, целым рядом других исследований в области функциональной стилистики.

Как представляется, само понятие речевой системности – в силу высокой абстракции – имеет весьма широкое, неопределенное содержание. См. в формулировке М.Н. Кожиной: «Речевая системность – это *взаимосвязь* языковых средств в конкретной речевой разновидности как по горизонтали, так и по вертикали на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, обусловленного экстралингвистической основой данной речевой разновидности, связанных между собой по определенному функциональному значению, выражающему специфику стиля (Курсив наш.– М.К.)» [Кожина 1970: 11].

Как видим, понятие *речевой системности* определяется посредством отождествления с понятием *взаимосвязи*, выражающим лишь идею связи (если не учитывать направленность этого отношения между компонентами единства – языковыми средствами) и потому

предполагающим понятийную конкретизацию. Вместе с тем ясно, что полное изучение понятия речевой системности невозможно из-за его сложности, многоплановости, проще сказать, его объемности и неисчерпаемости. Поэтому ограничим данное понятие функционально-стилевыми рамками, причем рассмотрим лишь некоторые стороны *речевой системности научного текста*.

Как представляется, понятие *речевой системности*, принятое в терминосистеме данной статьи за основное, применительно к *научному тексту* можно конкретизировать посредством уточняющих понятий *устойчивости*, *гибкости / эластичности*, *динамичности* и *открытости*, которые создают познавательный образ терминированного понятия речевой системности.

Понятие *речевой системности* мы уточняем применительно к тексту как системе более содержательной, а не рафинированной, абстрактной, отвлеченной от конкретных текстов, какой является система функционального стиля. При этом текст понимается как система, соотносимая с такими свойствами, как голографичность, коррелирующая характеристику и целого, и его части, а также синергетичность, охватывающая как системные, устойчивые, так и асистемные, хаотические явления в тексте (см. об этом более подробно в: [Котюрова 2010]).

Исходя из такой трактовки текста, понятие речевой системности уточняется в статье следующим образом:

- как «пакетное» понятие, неразрывно связанное с целым рядом других понятий;
- как понятие, объединяющее отдельные свойства и придающее ему эмерджентное (не свойственное части, а возникающее в целой системе) качество эталонного научного текста;
- как условие достижения гармонично плотного научного текста.

Кроме того, ставится вопрос об эластичности речевой системы как понятии, присущем теоретическому тексту.

Как представляется, речевая системность – понятие особое: его можно считать «пакетным понятием» (Ракитов 1982) и потому следует рассматривать в совокупности с другими понятиями. Мало того, с одной стороны, речевая системность кажется неотделимой от других понятий, иначе говоря, находится «в пакете» с такими понятиями, как *научный текст – текстовые единицы – речевая системность*. С другой стороны, разве можно такие свойства речевой системности, как *относительная устойчивость*, *эластичность*, *динамичность*, *открытость*, «отделить» и друг от друга, и от их носителя – речевой системы! Иначе говоря,

понятие речевой системности можно рассматривать в разных «пакетах» понятий.

Признавая, что сложно организованный научный текст состоит из подсистем, можно утверждать, что и целый текст, и каждая его подсистема характеризуются речевой системностью, поэтому способны пребывать в разных состояниях, причем и те, и другие могут иметь свойства относительной устойчивости, эластичности, динамичности, открытости.

Рассмотрим эти свойства речевой системности текста. Под *устойчивостью* понимается облигаторная (по природе присущая) черта научного текста, в котором для передачи научно-познавательного процесса постоянно специализируются языковые единицы, которые, сначала благодаря «одобрению» и отбору исследователями, а затем и употреблению этих единиц в научных текстах становятся стереотипными, устойчивыми, однако способными варьировать, чтобы в соответствии с замыслом автора выражать все новые и новые моменты научно-познавательной мысли.

Вместе с тем в научном тексте широко репрезентируется деятельность, значит, гибкая, пластически подвижная, сторона творческого мышления и речи ученого, запечатленной в тексте. Такая способность текста – неизбежное и необходимое свойство субъективированной системы, которое мы понимаем как *эластичность* (термин заимствован из: [О'Коннор и Макдермотт 2006]). Для понимания этого свойства системы существенно то, что «состояния» подсистем изменяются в ответ на изменение в какой-либо из них, т.е. динамику этой подсистемы. Например, выбор модальности ориентирует автора на употребление совокупности языковых единиц с определенным контекстуальным значением, изменение же модальности повлечет за собой употребление другого комплекса единиц.

Однако известно, что одним из основных моментов динамики является статика (устойчивость). Как видим, устойчивость и эластичность совершенно неотделимы друг от друга. Это с одной стороны. С другой же – эластичность, репрезентируемая благодаря употреблению вариативных компонентов, периферийных для основного, ядерного смысла этой единицы, в свою очередь, обеспечивает *динамичность* речевой системности научного текста.

Кроме того, нельзя не осознавать того, что научному тексту и присущей ему речевой системности – вместе с устойчивостью, эластичностью и динамичностью – свойственна *открытость*, способность к развитию, причем развитию не только любого компонента, но и всей системы текста в целом.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 11-34-00228a1.

Библиографический список

- Кожина М.Н. Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1970.
- Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011.
- Кожина М.Н., Котюрова М.П. Изучение научного функционального стиля во второй половине XX в. // *Stylistyka – VI. Opole*, 1997. С. 145–173.
- Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург, 2012.
- Котюрова М.П. Стилистика научной речи. М.: «Академия», 2010; 2-е изд. – М., 2012.
- Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.С. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография. ГОУ ВПО «Перм. гос. ун-т», НОУ ВПО «Зап.-Урал. ин-т экономики и права»; Пермь, 2011. 394 с.
- О’Коннор Дж. и Макдермотт И. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Джозеф О’Коннор и Иан Макдермотт. М., 2006.
- Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982.
- Татаринов В.А. Указатель работ, опубликованных отечественными терминологами в XX веке. М., 1998.
- Цветкова Т.М. Информационно-содержательный потенциал номинаций способов получения нового научного знания // *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов*. Пермь, 2007. С. 175–186.

M.P. Kotyurova

Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State National Research University

SPEECH SYSTEMNESS OF THE SCIENTIFIC TEXT

The article deals with accurate definition of speech systemness – one of the basic concepts of functional stylistics. Speech systemness is a concept closely connected with other ones. It is the result of producing the whole text and the property of reference works. The author draws reader’s attention to such discourse features of texts as steadiness, flexibility, dynamism and openness.

Key words: functional stylistics; scientific text; speech systemness, discourse features of a text.

Кошкарлова Наталья Николаевна
доцент кафедры «Международные коммуникации»
Южно-Уральский государственный университет
nkoshka@rambler.ru

КОНЦЕПТ «ДИАЛОГ» В АВТОРСКИХ СТАТЬЯХ В.В. ПУТИНА

Статья посвящена анализу концепта «диалог» в политической коммуникации на материале жанра авторской статьи. Диалог рассматривается в различных аспектах: уровни функционирования, сферы общественной жизни, качественные характеристики.

Ключевые слова: концепт; диалог; политическая коммуникация; уровни функционирования; сфера общественной жизни; качественная характеристика.

Целью настоящего исследования является анализ реализации концепта «диалог» на материале такого жанра политической коммуникации, как авторские статьи. В предыдущих работах [Кошкарлова 2012] мы уже обращались к вопросу о стилистике и риторике авторских статей в то время Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина; была предложена схема анализа языковой личности В.В. Путина через призму стилистики и риторики авторских статей. Эта схема включает следующие аспекты исследования: 1) тональность выступления, 2) грамматические особенности текста, 3) оценочность через употребление метафоры.

Отмеченные критерии превращают анализируемые тексты в эффективный механизм речевого воздействия на целевую аудиторию. На наш взгляд, другим немаловажным средством достижения перлокутивного эффекта является лингвокультурная составляющая речевых произведений, что побудило нас обратиться к изучению некоторых концептов, функционирующих в авторских статьях. В данной работе представлено исследование функционирования концепта «диалог» в следующих аспектах: уровни функционирования, сферы общественной жизни, качественные характеристики.

Диалог между различными странами может происходить не только на уровне руководителей (государственный уровень), но и с учетом мнения общественных организаций и простых граждан (общественный уровень): *После неоправданно затянувшейся паузы возобновилась работа ключевых механизмов двустороннего диалога – как на государственном, так и на общественном уровне* (Статья В.В. Путина в

«Газета Выборча», Польша). Так как бóльшая часть анализируемых статей была написана в период предвыборной кампании 2012 г., и каждая из них была посвящена определенной проблеме, то неслучайно, что автором затрагивался вопрос о диалоге между различными мировыми державами: *Сегодня Россия прочно встроена в мировую экономику и открыта к диалогу со всеми партнерами, в том числе по оборонным вопросам и в сфере военно-технического сотрудничества* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России» в «Российской газете», 20 февраля 2012 г.). Важное место на международной арене занимают российско-северокорейские отношения: *Напомню, что у КНДР и России – общая граница, а соседей, как известно, не выбирают. Будем продолжать активный диалог с руководством этой страны, развивать добрососедские связи, одновременно выводя Пхеньян на решение ядерной проблемы* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Россия и меняющийся мир» в газете «Московские новости», 27 февраля 2012 г.). В авторских статьях были также затронуты вопросы сотрудничества между Россией и Китаем: *Хочу отметить стратегический характер диалога России и Китая в энергетике* (Статья Владимира Путина в газете «Жэньминь Жэбао», 5 июня 2012 г.).

Как видно из приведенных примеров, диалог как на международном уровне, так и внутри страны может происходить в различных сферах жизнедеятельности общества. Насущным вопросом для России и всего мира является вопрос диалогического взаимодействия между религиями и конфессиями, представителями различных этносов: *Национальная политика не может писаться и реализовываться исключительно в кабинетах чиновников. В ее обсуждении и формировании должны непосредственно участвовать национальные, общественные объединения. И, конечно, мы рассчитываем на активное участие в таком диалоге традиционных религий России* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» в «Независимой газете», 23 января 2012 г.); *Нужен межконфессиональный и, в более широком плане, межкультурный диалог* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Россия и меняющийся мир» в газете «Московские новости», 27 февраля 2012 г.); *Гражданский мир и межнациональное согласие – это не один раз созданная и на века застывшая картина. Напротив, это постоянная динамика, диалог* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» в «Независимой газете», 23 января 2012 г.).

В своих статьях В.В. Путин затрагивает вопросы диалогического взаимодействия не только внутри нашей страны, но и применительно к горячим точкам планеты, например, Сирии: *Нельзя допустить, чтобы «ливийский сценарий» кто-то попытался реализовать в Сирии. Усилия международного сообщества должны быть направлены прежде всего на достижение межсирийского примирения. Важно добиться скорейшего прекращения насилия, откуда бы оно ни исходило, запустить наконец общенациональный диалог – без предварительных условий, без иностранного вмешательства и при уважении суверенитета страны.* Степень успешности диалога на межгосударственном уровне и способность сторон прийти к взаимопониманию в современном мире часто зависит от умения найти компромисс внутри страны, например, в случае с Северной и Южной Кореей: *Очевидно, что это (решение ядерной проблемы – Н.К.) будет сделать легче, если на полуострове укрепится атмосфера взаимного доверия, возобновится межкорейский диалог* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Россия и меняющийся мир» в газете «Московские новости», 27 февраля 2012 г.).

Наконец, последний момент, на который нам хотелось бы обратить внимание в рамках настоящего исследования, это качественная характеристика диалога. Независимо от того, на каком уровне происходит диалогическое взаимодействие, он всегда должен быть построен на принципах конструктивизма, взаимовыгодного сотрудничества, откровенности и доверия: *Затем будет логично начать конструктивный диалог о принципах взаимодействия с государствами АТР, Северной Америки, других регионов* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», 4 октября 2011 г.); *Нам важно создать политическую систему, при которой людям можно и необходимо говорить правду. <...> Это принесет доверие, конструктивный диалог и взаимное уважение между обществом и властью* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Демократия и качество государства» в газете «Коммерсант», 6 февраля 2012 г.); *Мы готовы к деловому, взаимовыгодному сотрудничеству, к открытому диалогу со всеми зарубежными партнерами* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Россия и меняющийся мир» в газете «Московские новости», 27 февраля 2012 г.). Основным условием конструктивного диалогического взаимодействия на всех уровнях государственного устройства и в различных сферах общественной жизни является ситуация стабильности и отсутствия принуждения и насилия: *Но никакого диалога не может быть в*

ситуации беспорядков и насилия (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» в «Независимой газете», 23 января 2012 г.). Характеристика концепта «диалог» на материале авторских статей невозможна без обращения к метафорической составляющей данного типа дискурсивного взаимодействия, так как, по мнению А.П. Чудинова [Чудинов 2003], анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей может способствовать выявлению тенденций развития данного типа дискурса и помогает определить степень влияния социальных изменений на функционирование языка. Диалог на любом уровне и в различных сферах общественной жизни должен иметь под собой твердое основание в виде принципов и постулатов, декларируемых обеими сторонами. В связи с этим неслучайным является использование метафорической модели строительства: *Наглядный пример – как Россию воспринимают на Капитолийском холме. Но главная проблема – это то, что двусторонний политический диалог и сотрудничество не опираются на прочный экономический фундамент* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Россия и меняющийся мир» в газете «Московские новости», 27 февраля 2012 г.).

Завершая анализ авторских статей, отметим следующее: несмотря на одностороннюю форму существования текста статьи (отсутствие элементов диалогичности) и печатный канал общения, анализируемые речевые произведения обладают специфическими чертами воплощения «диалогических отношений власти с народом» [Гаврилова 2005], к чему призывает сам автор: *Нужен широкий диалог – о будущем, о приоритетах, о долгосрочном выборе, национальном развитии и национальных перспективах. Эта статья – приглашение к такому диалогу* (Статья Председателя Правительства России В.В. Путина «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить» в газете «Известия», 16 января 2012 г.).

Библиографический список

Гаврилова М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 468 с.

Кошкарлова Н.Н. Языковая личность В.В. Путина (на материале авторских статей) // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: сб. науч. статей. Вып. 7. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2012. С. 133–139.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.

N.N. Koshkarova

Reader of International Communication Department
Southern Ural State University

CONCEPT “DIALOGUE” IN V.V. PUTIN’S PROGRAM ARTICLES

The paper is devoted to the analysis of the concept “dialogue” in V.V. Putin’s program articles. The dialogue is analyzed in different aspects: levels of functioning, spheres of social life, qualitative characteristics.

Key words: concept; dialogue; political communication; levels of functioning; spheres of social life; qualitative characteristics.

УДК 81’38/42: 070: 004

Крижановская Елена Мечиславовна
доцент кафедры речевой коммуникации
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
krizh@psu.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ЛИДЕРА «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» С.М. МИРОНОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРСОНАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-САЙТА)

Статья посвящена изучению индивидуального стиля лидера «Справедливой России» С.М. Миронова. Индивидуальная речевая манера известного российского политика рассматривается как явление, возникшее под воздействием особенностей современного политического дискурса и специфики интернет-коммуникации в названной сфере. В качестве проявлений индивидуального стиля анализируются лексические и стилистические особенности текстов С.М. Миронова. Статья содержит вывод о том, что специфика речевой манеры политика создается благодаря взаимовлиянию идеологических и языковых факторов, а также проявлению действий пиар-технологий в сфере политики.

Ключевые слова: политический дискурс; интернет-коммуникация; индивидуальный стиль; речевой портрет политика.

Общеизвестно, что имидж любого современного политика формируется в результате взаимодействия целого комплекса факторов. В представлении образа того или иного политического лидера находят отражение реальные особенности его личности, сложившиеся представления о характере его общественно-политической деятельности, черты, сформированные средствами массовой

информации. Такая многогранность имиджа объясняется тем, что в создании образа политика принимает участие большое количество различных специалистов. При этом «основными, активными субъектами формирования образа оказываются сами политики и, что является отличительной особенностью современности, работники СМИ, как создатели поля информационной коммуникации» [Матвеева, Замская 2012: 330].

Вместе с тем, как отмечает Т.В. Матвеева, «имидж личности создается, в частности, речью самого человека: соответствием применяемых им языковых средств, приемов, речевого поведения в целом той общей идее, которая центрует задуманный образ (рачительного хозяина, интеллектуала, патриота, человека с твердой рукой, защитника слабых и т.д.)» [Матвеева 2003: 89]. Речевая манера политика, характер его коммуникативного поведения выступают в качестве важной составляющей его имиджа, поэтому изучение особенностей индивидуального стиля определенного политического лидера представляется нам актуальным. Под индивидуальным стилем в данной статье понимается «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [Котюрова 2003: 95].

Стремительное превращение в последние годы Интернета в новую коммуникативную среду, предоставляющую пользователям практически неограниченные возможности проявлять свою индивидуальность (в первую очередь речевую), позволило современным российским политикам общаться с представителями электората без посредников, т.е. без взаимодействия со средствами массовой информации (пресс-службами). В настоящее время непосредственное общение известных российских политиков с народом осуществляется на площадках различных интернет-ресурсов: сайтов социальных сетей, блогах, службах мгновенных сообщений, Twitter. Вместе с тем одним из действенных способов обращения известного политика к электорату и поддержания его имиджа по-прежнему остается персональный интернет-сайт.

В качестве материала для данного исследования были выбраны тексты, представленные на персональном сайте лидера российской политической партии «Справедливая Россия» С.М. Миронова (mironov.ru). С.М. Миронов – известный российский политический деятель, руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. В то же время С.М. Миронов является активным интернет-

пользователем, так как регулярно выкладывает свои посты и отвечает на комментарии читателей на сайте Живого Журнала, в Twitter, в социальных сетях «Соратники», ВКонтакте», Facebook, а также имеет видеоканал на сервере видеохостинга YouTube. Для изучения особенностей индивидуальной речевой манеры известного российского политика методом сплошной выборки было взято около 196 интернет-текстов, содержащихся в разделе «Моя позиция» официального сайта С.М. Миронова за период с 7 января по 19 сентября 2012 года. Далее будут представлены результаты анализа лексических и стилистических особенностей речевой манеры лидера «Справедливой России».

Анализ особенностей идиостиля С.М. Миронова показал, что тексты, представленные на его персональном сайте, можно отнести к текстам публицистического стиля, так как в них последовательно реализуются основные стилевые принципы этой функциональной разновидности русского литературного языка. Так, составляющий специфику газетной речи основной стилистический принцип публицистики, который В.Г. Костомаров определил как сопряжение экспрессии и стандарта, находит отражение и в интернет-текстах С.М. Миронова.

Экспрессивность анализируемых текстов порождает открытую оценочность речи, которая проявляется в несогласии автора с мнением официальной власти по актуальным вопросам общественно-политической жизни нашей страны, в постоянно декларируемой позиции противостояния (а в ряде случаев и противодействия). Несомненно, такой настрой автора находит отражение и в использовании определенных языковых средств, своеобразных речевых маркеров оппозиционности. Как отмечают авторы учебника по стилистике русского языка, изданного под редакцией М.Н. Кожинной, «оценочность выражается прежде всего в лексике: в сравнительно большей частотности качественно-оценочных по семантике прилагательных и существительных, элитивов; в характере метафоризации; в отборе фразеологии...» [Стилистика... 2008: 346].

В текстах лидера «Справедливой России» используется обширный пласт слов и словосочетаний, обладающих преимущественно негативной оценочностью, которая позволяет автору выразить свое отношение к действиям официальной власти. К такой лексике можно отнести следующие языковые единицы: *бюрократ, вбросы, воровство, глупейший, гнусность, давление, декларировать, дурацкий, запугивания, казнокрад, катастрофический, мошенничество, навязывать, надуманный, наказать, нарастание произвола, нарушение, непомерные амбиции, обман, опаснейший, «партия при власти»* (имеется в виду

Единая Россия – Е.К.); *печальная российская действительность, попирает достоинство, преследование человека по политическим мотивам, приписки, припугнуть, «ставить на место», угрозы, унижать, униженное положение, функционеры «Единой России»* и др.

Активное использование подобных речевых средств, выражающих негативную оценку, позволяет автору, с одной стороны, создавать у интернет-пользователей образ основного врага, в качестве которого выступают российские чиновники разных уровней, официальные власти, и в особенности – представители правящей партии «Единая Россия», при упоминании которой С.М. Миронов пользуется неологизмом «партия при власти» взамен вошедшему в оборот варианту «партия власти». В этом отношении показательно замечание В.И. Карасика о том, что «конструирование образа врага предполагает его дегуманизацию и создание атмосферы всеобщей подозрительности, демонизации врага, необходимости беспощадной борьбы с ним и уверенности победы над врагом» [Карасик 2011: 240], что часто демонстрируют заключительные фразы текстов С.М. Миронова: *«И все у нас еще впереди; И однажды единороссы сами неизбежно попадут в яму, которую рыли другим...; И я верю, мы победим!»*.

С другой стороны, частота использования негативно окрашенных языковых единиц способствует поддержанию имиджа самого автора как непримиримого борца с существующей властью, готового всегда дать отпор любым проявлениям социальной несправедливости, выступающего за соблюдение законности, выражающего интересы «единственной в России социалистической партии». По-видимому, не только искусственно поддерживаемый образ главного политического противника (российской партии «Единая Россия»), но и имидж самого автора в анализируемых текстах далеко не всегда соответствует действительности и является результатом действий пиар-технологий.

В качестве средств реализации принципа стандартности публицистического текста в сообщениях С.М. Миронова выступают многочисленные газетные штампы, клишированные конструкции, многие из которых обязаны своим происхождением публицистике советского времени. К таким газетным штампам можно отнести следующие устойчивые выражения: *безоговорочная победа, белые пятна на карте, вносить коррективы, всенародный праздник, голоса протеста, голубое топливо, день памяти, жертвы фашизма, забота о людях труда, завоевать доверие, исторический ландшафт, кровопролитная война, одержать победу, отмечать профессиональный праздник, памятная дата, послужной список, представители рабочих профессий, приблизить бесславный финал, принимать активное*

участие, принять верные решения, развернуть активную кампанию против, рост интереса со стороны широких слоев населения, сдерживать натиск врага, сыграть решающую роль, товарищ по партии, уроки истории, человек с активной жизненной позицией и др. Активное употребление советских газетных штампов в анализируемых текстах доказывает, что автор данных интернет-сообщений в значительной степени унаследовал как особенности языка советской эпохи, так и специфику социал-демократической идеологии, проводником которой он выступает.

Вместе с тем в текстах лидера российских социал-демократов было выявлено большое количество современных клишированных конструкций, которые свидетельствуют не только об изменении, как отмечал В.Г. Костомаров, «языкового вкуса эпохи» в третьем тысячелетии, но и о расширении контекстов использования метафор политического и социального содержания, таких, например, как: *административная машина, амбициозный проект, бездействие и равнодушие власти, делать широковещательные заявления, идти вразрез с ожиданиями, жить за чертой бедности, зреющий в обществе социальный конфликт, налаживать диалог всех заинтересованных сторон, принять драконовский закон, путь к решению острых социальных проблем, развитие ситуации вокруг.., силовое продавливание, складывать с себя ответственность, социальная несправедливость, царствование властного диктатора, эпопея противостояния* и др.

Наряду с газетными штампами советского и нового времени, в текстах С.М. Миронова активно употребляются фразеологические обороты, стилистическая сфера употребления которых варьируется от высокой, книжной до разговорно-просторечной, например: *внушать оптимизм; возвращаться на круги своя, вписать имя в историю, держаться (за что-либо) зубами, доводить ситуацию до.., задаться вопросом, заткнуть рот недовольным, извлечь уроки из событий, ничтоже сумняшеся, обойти стороной, отдавать себе отчет, повернуть в конструктивное русло, поставить во главу (чего-либо), почитатели таланта, продолжать гнуть свое, разорвать порочный круг, склоняться в почтительном поклоне, стать откровением, стать привычным делом* и т.д.

Такое сопряжение книжной и разговорно-просторечной языковой стихии способствует созданию особой выразительности, экспрессивности публицистических текстов и является, как отмечают исследователи, нормой современной публицистической речи. Этой же цели служат и выявленные в текстах лидера «Справедливой России»

такие разговорно-просторечные слова и выражения, как: *башня-«кукурузина», богатеи, жировать за счет (кого-либо), жульничество, заворачивать инициативы, мол, наплевать, Питер, продавливать, пудрить мозги людям, роскошество, система заточена на...* и некоторые др.

В связи с тем, что тексты раздела «Моя позиция» персонального сайта С.М. Миронова отражают актуальные события политической, экономической, общественной и культурной жизни нашей страны, для характеристики текущей ситуации автор в первую очередь пользуется языковыми средствами, относящимися к общественно-политической сфере. Набор политических понятий, употребляемых автором, очень широк. Это такие слова и выражения, как: *волютаристское решение, демократия, депутат Госдумы, депутатский корпус партии, единый день голосования, ЕдРо (партия «Единая Россия» – Е.К.), едроссовское большинство, ЕЛДПР (объединение ЛДПР и ЕР – Е.К.), законодательные инициативы, законотворческая работа, заксобрание, кандидат от Справедливой России, Конституционный Суд, Конституция, лидер социалистической партии, лишение мандата, местное самоуправление, неконституционное решение, оппозиционность, политическая борьба (расправа, монополизм, силы), Правительство РФ, правовое поле, правящая верхушка, протестная кампания, региональные представительные органы, репрессии, сателлит, свобода, система социальных стандартов, социальная политика, СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, справедливоросс, Трудовой Кодекс, фракция и подобные. Отметим, что некоторые из приведенных слов и выражений (например, *ЕдРо, едроссовское большинство, ЕЛДПР*) имеют ироничную стилистическую окраску, что легко объясняется агональностью политического дискурса (в том числе и в современной интернет-коммуникации) в целом.*

Высокой частотой встречаемости в текстах С.М. Миронова характеризуются также экономические термины и понятия. К ним относятся следующие речевые средства: *газовая монополия, ежегодное повышение тарифов, инвестиционный климат, инвестиционные ресурсы, механизм индексации, минимальный заработок, минимальный размер оплаты труда (МРОТ), повышающий коэффициент, почасовая оплата труда, предполагаемая стоимость, привлечь инвестиции, прожиточный минимум, промышленные потребители, реальный сектор экономики, системный кризис, уровень инфляции, черта бедности. Использование в анализируемых интернет-текстах экономических терминов еще раз подтверждает суждение современных исследователей о том, что лексика публицистического стиля разнородна: «С одной*

стороны, она включает в себя большой круг книжных слов, в том числе терминологии (экономической, юридической, медицинской и др.), с другой – использует разговорную и даже просторечную лексику, как правило, со специальными стилистическими целями» [Стилистика 2008: 350–351].

Подводя предварительные итоги анализа лексико-стилистических особенностей текстов лидера российской партии «Справедливая Россия» С.М. Миронова, еще раз отметим, что, на наш взгляд, индивидуальный стиль политика формируется под влиянием следующих факторов: особенностей современного политического дискурса (в частности – политической принадлежности автора), специфики коммуникации в сети Интернет, проявления различных политических пиар-технологий и личных качеств политического деятеля. Дальнейшее изучение грамматических, риторических и прагматических особенностей речевой манеры С.М. Миронова представляется перспективным, так как позволит дать более полную характеристику индивидуального стиля известного российского политика.

Библиографический список

Карасик В.И. Эмблематика современной массовой культуры: образ врага // Бытие в языке: сборник научных трудов к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 239–257.

Котюрова М.П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С.95–99.

Матвеева Л.В., Замская М.Д. Роль журналистики в трансформации образа политика в современном мире // Язык СМИ и политика / под ред. Г.Я. Солганика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. С. 329–355.

Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 89–90.

Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

E.M. Krizhanovskaja

Reader of Speech Communications Department
Perm State National Research University

THE PECULIARITIES OF THE INDIVIDUAL STYLE OF S. MIRONOV – THE LEADER OF THE RUSSIAN POLITICAL PARTY “SPRAVEDLIVJA RUSSIA” (BASED ON THE PERSONAL WEBSITE)

The article describes the peculiarities of the S. Mironov’s individual style – the leader of the Russian political party “Spravedlivaja Russia”. The individual style of the well-known Russian politician is considered as the phenomenon caused by the interaction of the peculiarities of the political discourse in the modern Internet-communication. The

lexical and the stylistic features of the post's texts are analyzed as the expression of the author's individual style. The article summarizes that the peculiarities of the speech picture of the politician is created due to the combination of the ideological and language factors and also under the influence of the public relations technologies in the modern political sphere.

Key words: a political discourse; the Internet-communication; an individual style; the speech picture of a politician.

УДК 81'42

Мехонина Евгения Николаевна
ассистент кафедры речевой коммуникации
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
eugene.meh@gmail.com

О ПОНЯТИИ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ КАТЕГОРИИ И МЕТОДИКЕ ЕЕ ОПИСАНИЯ¹

В статье эксплицируется понятие коммуникативно-речевой категории как вербального воплощения социально значимого типа взаимодействия и предлагается методика ее описания.

Ключевые слова: коммуникативно-речевая категория; текстовая категория; речема; лингвема.

В лингвистике последних десятилетий широко обсуждается вопрос о категориях функционального аспекта языка и речевой коммуникации. В русистике одним из первых его поставил А.В. Бондарко, эксплицировавший понятие функционально-семантической категории (ФСК). По мнению ученого, ФСК – это система «разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций» (например, темпоральность, аспектуальность) [Бондарко 1971: 8]. Важно отметить, что в этой трактовке ФСК характеризует функциональный аспект системы языка, но не собственно его употребления в речевой деятельности.

Между тем речеведческая концепция категорий языкового функционирования изложена в работах М.Н. Кожиной и представителей Пермской стилистической школы. Функция трактуется здесь уже не как функциональные возможности и роль единиц в системе языка, а как «назначение языковых единиц в составе речевой организации для

наиболее целесообразной и эффективной реализации коммуникативного задания в конкретной сфере общения» [Кожина 1983: 21–22]. При этом сохранены представления о полевой структуре категории: ФССК имеют полевую структуру с членением на центр и периферию. В качестве основных критериев деления средств на ядерные и периферийные выступают: 1) частотность употребления, 2) функционально-смысловая и стилистическая значимость [Стилистический... 2006: 573]. Функциональная семантико-стилистическая категория определяется как система «разноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически и стилистически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т.е. реализующих тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля» [Там же].

С развитием лингвистики текста в стилистике проявляется повышенный интерес к модификации типологических признаков текста (темы, тональности, хронотопа и т.д.) в различных коммуникативных сферах [Матвеева 1990; Плюскина 1996; Чиговская 2001]. Получает развитие исследование речевой системности, при описании которой рассматриваются закономерности не только выбора и использования языковых единиц разных уровней, но и организации целого текста (текстотипа).

В работах последних лет эксплицируется понятие коммуникативно-речевых категорий [Стернин, Шилихина 2001; Стернин 2004; Михайлова 2004; Карзенкова, Салимовский 2005; Мехонина 2012]. Широко известна концепция И.А. Стернина, в которой они определяются как «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [Стернин, Шилихина 2001: 34]. Например, категории, в основе которых лежат концепты общения, вежливости, культуры речи и др.

Принимая во внимание эту концепцию и разделяя ряд ее положений, мы будем трактовать коммуникативно-речевую категорию с несколько иных позиций, а именно: как вербальную объективацию социального взаимодействия определенного вида. Базовыми для нас являются представления М.М. Бахтина о методологически обоснованном порядке изучения языка. Как известно, по мнению ученого, он должен быть таким: «1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи с взаимодействием, элементами которого они являются..»

3) исходя отсюда, пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» [Бахтин 1993: 105].

В ориентации на эту методологию наша позиция сближается с речеведческой концепцией К.Ф. Седова и В.В. Дементьева, исследующих речевые жанры с опорой на понятие интеракции. С точки зрения авторов, речевой жанр – это «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [Дементьев, Седов 1998: 6].

Заметим, что если в жанроведческом исследовании акцентируются прежде всего композиционно-тематические и стилистические особенности текста (текстотипа), то наш подход к коммуникативным категориям предполагает включение в анализ всего комплекса языковых и речевых средств, объективирующих интеракцию и конституирующих в конечном счете речевой жанр (или ряд речевых жанров).

Таким образом, под коммуникативно-речевой категорией мы понимаем потенциал текстовых, речевых и языковых средств воплощения социального взаимодействия определенного типа (ср. [Карзенкова, Салимовский 2005; Карзенкова 2011]).

Методика исследования заключается в характеристике изучаемого типа взаимодействия и последующем структурировании текстовых категорий, выражающих интеракцию.

Анализ типологических признаков текста осуществляется в соответствии с текстоцентрической концепцией речевой системности, развиваемой Т.В. Матвеевой. Согласно этому подходу, коммуникемы описываются в направлении от сложных к простым: от текстов к речам и далее к лингвемам. Текстемы, по мнению автора, представляют собой композиции лингвем и речем, отобранных в соответствии с авторским замыслом, речемы – комбинации разноуровневых языковых единиц, т.е. лингвем. Речемы включают типичные словосочетания (например, клише, штампы), риторические фигуры и тропы (парцелляцию, инверсию, цитаты), использование прецедентных текстов, функционально-смысловые типы речи (повествование / рассуждение / описание). В качестве лингвем выступают «актуализированные языковые средства, готовые к употреблению в речи» (например, особенности словообразования, количество простых и сложных предложений, тип повествования и др.) [Купина, Матвеева 2013].

Средства объективации каждой из текстовых категорий структурируются в виде поля, которое состоит из ядра и периферии. Отнесенность единиц к ядру определяется их частотностью и

семантической специализацией для выражения изучаемого типа взаимодействия.

Рассмотренные положения верифицируются нами на примере коммуникативно-речевой категории враждебности. Мы говорим в данном случае о категории, поскольку налицо социально значимый тип речевого взаимодействия, определяющий выбор тематических единиц, коммуникативных стратегий и тактик, языковых средств. Анализ осуществлялся на материале комментариев к новостным сообщениям на сайте www.rambler.ru, в общей сложности проанализировано 500 текстов. Мы выделили такие типологические признаки текста, как информативность, диалогичность и тональность, поскольку, на наш взгляд, именно они в наибольшей степени определяют содержание и структуру изучаемой категории.

Вслед за И.Р. Гальпериным в информативности будем различать содержательно-фактуальную и содержательно-концептуальную информацию [Гальперин 1981: 27–28]. Предельное обобщение фактуального содержания рассматривается нами в качестве темы, а обобщение концептуального содержания – в качестве идеи.

Что касается категории диалогичности, она непосредственно отражает взаимодействие собеседников. Выражая в речи враждебность по отношению к «другому», автор противопоставляет себя ему, причем понятие «другого» приравнивается к «чужому», к врагу, которому необходимо причинить вред.

В связи с ограниченностью объема статьи мы остановимся на анализе тональности (текстовой модальности) комментариев посетителей портала Rambler, поскольку в ней непосредственно выражается семантика враждебности. Под тональностью понимается «фактор отражения действительности в ее ценностных параметрах субъектами текстовой деятельности» [Баранов 1993: 154].

При установлении ядра этой категории мы учитываем прежде всего выраженность враждебного отношения к другому в содержании речевых и языковых единиц. Менее важным, однако значимым критерием выступает частотность исследуемых единиц.

Для определения степени речевой агрессии высказывания недостаточно лишь семантических свойств языкового знака, важно, кроме того, учесть особенности его функционирования при реализации той или иной интенции. К ядру поля мы относим регулярно используемые в высказываниях единицы, которые обнаруживают признаки унижения чести и достоинства человека, оскорбления, угрозы, экстремизма, а также признаки неэтичного речевого поведения, не нарушающего правовые нормы и соответствующего принятым

медийным практикам. К периферии относятся языковые и речевые единицы, включаемые в состав высказываний, выражающих враждебность без явного нарушения этических норм (часто имплицитно).

Приведем наиболее характерные языковые и речевые средства, входящие в ядро рассматриваемого поля:

Рече­мы

- Словосочетания, являющиеся номинациями лиц или социальных групп с уничижительной, пренебрежительной, неодобрительной, презрительной и / или бранной стилистической окраской;
- Сарказм;
- Ряд однородных членов, представляющих собой перечисление негативных фактов;
- Призывы с глагольной семой «гнать»;
- Приемы, связанные с трансформацией звуковой формы слова.

Лингвемы

- Слова семантических групп «воровство-коррупция», «обман»;
- Слова, характеризующие оппонента как преступника (*банда, бандит, бандитский* и др.);
- Экспрессивные обозначения внешности человека (*рожа, рыло, ряха, харя* и др.);

Периферийными средствами выражения враждебности в комментариях пользователей портала Rambler являются:

Рече­мы

- Ирония;
- Риторические вопросы и восклицания;
- Приемы, связанные с искажением имени собственного как способом выражения фамильярного отношение к адресату;

Лингвемы

- Слова, выражающие негативное отношение к другому человеку, его суждениям и поступкам (*болтун, ерунда, неприкасаемый* и др.).

Таким образом, продуктивным представляется понимание коммуникативно-речевой категории как потенциала текстовых, речевых и языковых средств воплощения социально взаимодействия определенного типа и ее описание посредством моделирования

собственно текстовых категорий, конституируемых речемами и лингвемами.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-14-59007а/У.

Библиографический список

Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д: изд-во Рост. ун-та, 1993. 182 с.

Бахтин М.М. Под маской. Маска вторая. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. М., 1993. 207 с.

Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука. 1971. 116 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998. 107 с.

Карзенкова Е.П. Коммуникативно-речевая категория «дружба» // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 2(14). С. 89–94.

Карзенкова Е.П., Салимовский В.А. К экспликации понятия коммуникативной категории // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. М.П. Котюрова. Вып. 9. Пермь: Перм. ун-т, 2005. С. 99–104.

Кожина М.Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвостилистики и ее основные категории / Перм. ун-т. Пермь, 1983. С. 15–23.

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. Углубленный курс. М.: Изд-во Юрайт, 2013. 415 с.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990. 172 с.

Мехонина Е.Н. Враждебность в речевом воплощении (на материале комментариев к новостным сообщениям на порталах Rambler и Mail.ru) // Русская речевая культура и текст: Материалы VII Международной научной конференции (16–18 мая 2012 г.) / под ред. Проф. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2012. С. 296 – 298.

Михайлова О.А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 15–26.

Плюскина Т.Н. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в русских научных текстах XVIII–XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1996. 16 с.

Стернин И.А. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2004. С. 130–150.

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001. 135 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: 2006. 696 с.

Чиговская Я.А. Категории ретроспекции и проспекции в русских научных текстах: автореф. дис. ... канд. филол наук. Пермь: 2001. 22 с.

E.N. Mekhonina

Post-graduate Student of Speech Communication Department
Perm State National Research University

THE STRUCTURE OF THE COMMUNICATIVE SPEECH CATEGORY

The concept of the communicative speech category as verbal realization of a specific social interaction is explicated in the article. The method of description of the category is provided.

Key words: communicative speech category; textual units; speech units; language units.

УДК 81'42; 81'38

Соловьева Наталья Васильевна

доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
biserova@bk.ru

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ИНТОЛЕРАНТНЫЙ ТЕКСТ»¹

В статье раскрывается содержание понятия «интолерантный текст» применительно к научной коммуникации, указываются причины проявления интолерантности в научных текстах. Интолерантный текст – это текст, который иллюстрирует преднамеренное некорректное речевое поведение автора по отношению к *другому* автору (например, намеренно замалчиваются альтернативные научные аргументы); который создается вне учета закономерностей психологии восприятия научной информации адресатом.

Ключевые слова: интолерантный текст; научный текст; речевое поведение ученого; категория толерантности.

Предваряя описание признаков интолерантного текста, начнем свои рассуждения от противного, а именно с уточнения (антипода понятия интолерантности) понятия толерантности, которое в силу неоднозначности и многогранности интерпретаций в разных культурах, до сих пор не имеет общепринятого определения.

В широком смысле толерантность отождествляется с терпимостью и мыслится не только как допущение бытия *другого*, но и как

равнодушное признание прав *другого*; невмешательство, пассивное безразличие; смирение, покорное принятие *другого*. В узком смысле эти понятия разводятся: под толерантностью понимают активное позитивное отношение к *другому*, готовность с ним взаимодействовать и сотрудничать. Поэтому признаем справедливым мнение Л.В. Скворцова о том, что адекватное толкование толерантности возможно лишь в том случае, если принимается во внимание ее конкретное содержание [Скворцов 1997].

С точки зрения обыденного толкования мы можем говорить о семантической дублетности этих понятий, но научное толкование толерантности отличается от наивного и не предполагает взаимозаменяемости: в научной картине мира (отраженной энциклопедическими словарями) понятие «терпимость» не фиксируется в качестве научного термина, тогда как понятие «толерантность» развивается и в общегуманитарном направлении, и как принадлежность медицины, социологии, философии, психологии, права и др. наук [Сумина 2007: 14].

Для нас представляет интерес область исследований феномена толерантности, связанная с категоризацией этого понятия.

Действительно, толерантность обладает всеми основными признаками категориальности: 1) наиболее общим характером понятия; 2) наличием связи значения и средств его выражения; 3) наличием отношений системности языковых средств передачи этого значения (Кожина 1983: 15–24). Она имеет определенную *структуру*, представленную в виде оппозиции толерантность / интолерантность (оппозиции, в свою очередь, имеют различные семантические варианты – микрополя: 1) микрополя толерантности – кооперация, коммуникативное сотрудничество, взаимоуважение, взаимопонимание, согласие, диалог-унисон, конструктивный диалог и др.; 2) микрополя интолерантности – конкуренция, соперничество, конфронтация, коммуникативное доминирование, напористость, конфликтность, агрессия и др.), собственное коммуникативное *содержание*, а также *набор* разноуровневых языковых и речевых средств для выражения этого содержания.

Многообразие трактовок толерантности в качестве категории можно свести к двум подходам – когнитивному и коммуникативному. Поскольку основной формой проявления толерантности выступает коммуникация, вполне естественно рассматривать толерантность в качестве *коммуникативной категории* [Стернин, Шилихина 2001; Шамсутдинова 2006 и др.], которая базируется на коммуникативной оппозиции «Я – Другой».

Коммуникативная категория толерантности обладает такими признаками, как диалогичность, открытость по отношению к другому, речевая репрезентация, и определяется в качестве основы речевого взаимодействия коммуникантов.

Принципиальным является положение о том, что толерантность – *категория не пассивная*, в толерантности заложена сема «активность субъекта». Говоря о толерантности в речевой коммуникации, мы подчеркиваем важность «активной позиции» в определении этого феномена и рассматриваем его как свойство диалогического взаимодействия в условиях конфликта, напряжения с установкой на *понимание* противоположной позиции, *чужого* как *другого*, сотрудничество с ним.

В силу этического происхождения этого понятия «толерантность» является *оценочной категорией*, поэтому ключевыми смыслами, несущими значение толерантности, выступают оценочные смыслы.

Наконец, толерантность – это *бинарная категория*, имеющая своим антиподом интолерантность. Интолерантность соотносится с отступлением от принципов уважения и понимания, что в результате приводит к «разгоранию» (а не урегулированию как при толерантных отношениях) коммуникативных конфликтов.

Экстраполируя такое понимание толерантности / интолерантности на научный текст, попытаемся определить объем понятия «интолерантный» текст (естественно, что при этом необходимо осознавать условность такого понятия). Подчеркнем, что текст мы рассматриваем с позиций коммуникативного подхода, т.е. как *целый текст* – текст в неразрывной связи с экстралингвистической средой, включая участников коммуникации. Это означает, что интолерантность может проявляться в речевом поведении автора по отношению к *другому* – 1) как к автору (например, оппоненту или предшественнику), 2) так и к адресату.

1. В первом случае интолерантный текст – это научный текст, который иллюстрирует **преднамеренное некорректное речевое поведение автора**, его интенцию опровергнуть, «раскритиковать» позицию *другого*, игнорируя нормы научной этики. Такой текст насыщен негативно-оценочными языковыми единицами, характеризующими деятельность критикуемого ученого и полученное им научное знание, а нередко и личность этого ученого.

Резкое неприятие позиции *другого*, даже предвзятость находим в текстах, когда критика направлена не только по отношению к работам *другого*, его аргументам, но и по отношению к его личности. Например: *М.Н. Матвеев в весьма упрощенной и превратной форме изложил*

наши представления о парадоксе и противоречии развития, теневой системе; он приписывает нам, например, идею взаимооднозначного соответствия элементов высшего и низшего².

Интолерантным является также текст, в котором абсолютизирована авторская точка зрения (происходит так называемая «фетишизация» научного знания), **намеренно замалчиваются**, не принимаются в расчет альтернативные научные аргументы³. Точка зрения *другого* оценивается только сквозь призму собственных взглядов, зачастую используются апелляции к собственному авторитету. Например: *О, боже! Как я понимаю его (В.Г. Буданова) радость и волнение, когда он обнаружил эти новые природные закономерности! Да не одну, а несколько! Я сам помню, как в детстве догадывался о чем-то подобном: какое мистическое чувство близости к какой-то сущности мира тогда пронзило! Правда, потом с огорчением понял, что не по Сеньке шапка.*

Заметим, что резкие высказывания в адрес *другого*, абсолютизация собственной точки зрения нередко встречаются в текстах, где споры, критика ведутся с идеологических позиций (см. об этом далее).

2. Во втором случае, когда текст выступает посредником диалога между автором и читателем, под интолерантным текстом понимается научный текст, который создается **вне учета «фактора адресата»**, вне учета закономерностей психологии восприятия научной информации. Текст, не понятый читателем или понятый неадекватно авторскому замыслу, не может обеспечивать такое свойство научного знания, как его преемственность.

В истории науки известны примеры, когда открытия оставались незамеченными, потому что их авторы недостаточно жестко следовали этим нормам. Так, В.Г. Вайт в статье «Когда информация становится знанием» [1976] называет причины несвоевременного признания открытия Освальда Эвери (1944 г.), по существу «положившего начало молекулярной биологии: 1) в заголовке статьи не содержалось ключевых слов, которые способствовали бы ее известности; 2) в заключении не содержалось никаких терминологических понятий, позволяющих связать это открытие с более общими идеями генетики; 3) автор ограничился лишь беспристрастной констатацией фактов, без какой-либо их интерпретации»; см.: [Котюрова 1996: 44; Чернявская 2004: 375]. «Новое» знание явилось неостребованным адресатом в связи с тем, что автор не использовал сигналов метакоммуникации, способствующих адекватному декодированию читателем передаваемой информации. В результате текст оказался закрытым для читателя, «загерметизированным» [термин В.Е. Чернявской], т.е. неспособным

вступить в дальнейшие диалогические отношения в коммуникативном пространстве. Таким образом, отступление ученого от принятых в науке законов текстопорождения послужило коммуникативным барьером между ним и научным сообществом и стало причиной забвения на некоторое время и ученого, и его открытия.

Особую разновидность интолерантных по отношению к адресату текстов составляют тексты, в которых адресат выступает не в качестве коммуникативного партнера, а является объектом манипулятивного воздействия со стороны автора. Автор **намеренно** организует текст таким образом, чтобы читатель воспринял эту информацию как объективную и достоверную (например, намеренно принижаются заслуги одного ученого, чтобы абсолютизировать заслуги другого ученого – с идеологических позиций).

Так, советские исследователи (В.М. Татевский и М.И. Шахпаронов) осуждают советских же ученых (Я.К. Сыркина и М.Е. Дяткину) за «некритическое отношение» к работам западных теоретиков, за то, что они являются сторонниками «буржуазной» концепции: *Устраняясь от освещения этих вопросов, отказываясь от борьбы за материалистическое учение о строении материи, авторы объективно делают услугу буржуазной идеологии в физике; ... совершенно очевидно, что Я.К. Сыркин и М.Е. Дяткина выступили перед советской общественностью в незавидной роли пропагандистов заведомо ошибочной и порочной теории американского химика Паулинга; ... направляя внимание советских химиков по ложному пути порочной теории резонанса, авторы тем самым демобилизуют советскую химическую науку в борьбе за выполнение основной задачи советских ученых; Проповедуемое космополитами пренебрежение к приоритету в науке, издевательское отношение к вопросу о «цитировании» – это лишь прием, скрывающий их подлинные классовые цели.*

Как видим, в представленных фрагментах текста выражается открытая идеологически окрашенная негативная оценка не только деятельности советских ученых (*демобилизуют советскую химическую науку* и др.), но и самих ученых (*пропагандисты, космополиты*). Средства выражения тональности категоричности (*совершенно очевидно, что...*) подчеркивают и усиливают враждебное, интолерантное (порой агрессивное) отношение В.М. Татевского и М.И. Шахпаронова к Я.К. Сыркину и М.Е. Дяткиной, которые показаны как *чужие*, как враги советской общественности, а их деятельность – как враждебная социалистическому строю.

Таким образом, раскрывая содержание понятия «интолерантный текст» применительно к научной коммуникации, подчеркнем, что интолерантный текст – это текст, который, во-первых, иллюстрирует преднамеренное некорректное речевое поведение автора по отношению к *другому* автору (например, намеренно замалчиваются альтернативные научные аргументы), во-вторых, создается вне учета закономерностей психологии восприятия научной информации адресатом.

Понятно, что проявление интолерантности в научных текстах обусловлено разными причинами: *гносеологическими* (конфликтность «старого» и «нового» знания), *психологическими* (в исследованиях Т. Адорно⁴ интолерантность показана именно как характеристика когнитивного стиля авторитарной личности), *лингвистическими* (недостаточная языковая компетенция) и др. Именно поэтому при квалификации научного текста как интолерантного мы должны обращаться к экстралингвистическому контексту, потому что только целый научный текст позволяет вскрыть истинные причины «очагов» интолерантности.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 11-34-00228a1.

² Здесь и далее мы не указываем источник цитирования с целью соблюдения научной этики.

³ Интолерантность речевого поведения автора может быть и непреднамеренной, обусловленной непониманием мысли *другого* из-за некомпетентности автора, его недостаточной эрудиции.

⁴ См. Адорно Т. Исследования авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.

Библиографический список

Кожина М.Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвостилистики и ее основные категории: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1983. С. 15–24.

Котюрова М.П. Актуализация преемственности знания в научном тексте // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М.Н. Кожинной: в 3-х т. Т. 2. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. С. 143–158.

Скворцов Л.В. Толерантность: иллюзия или средство спасения? // Октябрь. № 7. М., 1997. С. 138–155.

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности: моногр. Воронеж: Истоки, 2001. 110 с.

Сумина Е.С. Толерантность: от феномена к лингвокультурному концепту: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

Чернявская В.Е. Факторы проявления толерантности / интолерантности в научном дискурсе // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллект. моногр. / отв. ред. Н.А. Купина и О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 372–378.

Шамсутдинова Е.Ю. Толерантность как коммуникативная категория (лингвистический и лингводидактический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

N.V. Solovyeva

Reader of Russian Language and Stylistic Department
Perm State National Research University

ABOUT THE CONTENT OF THE CONCEPT “INTOLERANTNY TEXT”

The article is devoted to the meaning of the concept “intolerant text” and explanation of the reasons of intolerance manifestation in scientific texts. Intolerant text is the text, which illustrates deliberate incorrect speech behavior of the author in relation to other author (for example, deliberately conceals alternative scientific arguments); which is created outside of the accounting of regularities of psychology of perception of scientific information by the addressee.

Key words: intolerant text; scientific text; scientist's speech behavior; category of tolerance.

УДК 81'42

Овсянникова Светлана Евгеньевна

ассистент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
ovsyannikovase@mail.ru

Ширинкина Мария Андреевна

доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
m555a@yandex.ru

ДИСКУРС ОДНОЙ НОВОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-АНОНСОВ ОБ УРАЛЬСКОМ МЕТЕОРИТЕ)

В статье представлена попытка дискурс-анализа получившей широкое отражение в интернете новости о челябинском метеорите. В частности, описаны

такие параметры новостного дискурса, как статусно-ролевые характеристики участников общения, его цель, сенсационное событие, ставшее основой для создания новостных заметок, а также основные составные элементы новости, вызывающие эмоции у зрителей и читателей.

Ключевые слова: новостной дискурс; электронные СМИ; дискурс-анализ.

В «Песне журналистов» 1964 года звучали такие слова: «Трое суток шагать, трое суток не спать Ради нескольких строчек в газете» (автор – А. Левиков). Тогда, чтобы получить интересный материал для газетной статьи, нужно было преодолеть пространство и потратить время. Много изменилось с тех пор: человек овладел пространством и временем сначала с помощью телевидения, затем – всемирной сети Интернет. Сегодня основными преимуществами журналистики стали «высокая степень информационной насыщенности текста (с минимумом комментариев)» и «быстрота реакции» [Васильева 2003]. Кроме того, «с отменой цензуры исчезли запрещенные факты, расширилось информационное поле, увеличились возможности доступа к необходимой для расследования информации» [Кройчик 2000].

Итак, 15 февраля 2013 года в Челябинской области упал метеорит. Представим дискурс-анализ этой новости на материале анонсов к новостным заметкам, размещенным на сайтах электронных СМИ.

Задавшись вопросом о том, что же такое новость, Эрик Фихтелиус (журналист и репортер со стажем и преподаватель Института журналистики, СМИ и коммуникации при Стокгольмском университете) отвечает: «Честно говоря, нет хорошего, теоретически всеобъемлющего определения этому понятию, также как и не существует общепризнанного объяснения ему. Новости – это эмоциональное восприятие и традиционные представления в равных пропорциях» [Фихтелиус 2003]. В словарях русского языка новость толкуется как ‘только что, недавно полученное сообщение, известие’ [БТС 1998]. Как видим, в значении слова на первый план выступает сема времени. Таким образом, новостью является только то известие, сообщение, которое раньше всех дошло до адресата.

Наряду с этим находим: «Сегодня новости – это смоделированная реальность, которая вызывает эмоции зрителей» [Гаврилов 2007]. Иными словами, существуют определенные правила, по которым строится любая новость в СМИ, – некая универсальная схема. Интересно описать эту особую реальность, выявить ее составные элементы, которые, по всей вероятности, и пробуждают чувства у зрителя.

Новость в интернете относится к массово-информационному виду институционального дискурса. Для его описания необходимо учитывать

статусно-ролевые характеристики участников общения, цель общения, прототипное место общения [Карасик 2004: 241]. В ситуации электронного новостного дискурса «базовой парой участников коммуникации» являются журналист и читатель, точнее – пользователь Всемирной паутины. Общение имеет опосредованный характер – происходит посредством Интернет. Пользователь, обратившись с каким-то запросом к той или иной поисковой системе, обнаруживает там анонсы новостных заметок, являющиеся гиперссылками на соответствующие полнотекстовые статьи. Понятно, что этот пользователь откроет гиперссылку только в том случае, если она заинтересует его или окажется для него действительно новостью. Это отмечают и специалисты по теории журналистики: «Современная аудитория активно воздействует на СМИ рейтингом публикуемых материалов. Успешно разговаривать с ней можно только на темы, ее интересующие» [Кройчик 2000].

Любой новостной сюжет начинается с события. Применительно к нашему материалу таким событием является падение в Челябинской области с неба «какого-то крупного, горящего предмета». Различные поисковые системы в Сети пестрят анонсами. Одни из них абсолютно категоричны в своих утверждениях: *В Челябинске прогремел мощный взрыв от упавшего неустановленного летательного аппарата*, другие не так категоричны, высказывают лишь предположения, используя при этом вводные слова, указывающие на некоторую степень неуверенности автора: *Под Челябинском, возможно, упал самолет*.

Падение метеорита как событие отвечает всем требованиям, предъявляемым к такого рода явлениям: исключительность, неожиданность (уникальность), общественная значимость, опора на активное действие (а не бездействие, состояние), новизна, визуальность (для электронных СМИ), драматичность (см. о признаках события: [Гаврилов 2007]).

Проследим проявление всех названных качеств в сообщениях об уральском метеорите. В частности, о сенсационности произошедшего события свидетельствует тональность неожиданности, присущая новостным анонсам в поисковых системах и на сайтах сетевых СМИ: *С неба в Челябинске падают неизвестные горящие объекты; В Челябинске прогремел мощный взрыв от упавшего неустановленного летательного аппарата; В небе над Уралом взорвался непонятный объект*.

Нетривиальность события подчеркивается прилагательными с семантикой неизвестности, необъяснимости: *неизвестный,*

неустановленный, непонятный, а также глаголами однократного действия: *прогремел, взорвался*.

Действо, событие, легшее в основу новости, должно быть не длительным, кратковременным (это мы отметили выше) и, кроме того, привнесшим какие-то изменения в жизнь людей – общественно значимым. Это тоже отражается в заголовочных комплексах: *«Взрыв» в небе над Челябинском выбил окна в домах; «Метеоритный дождь» повредил челябинскую арену «Трактор»*. С одной стороны, существительное *взрыв* называет непродолжительное по времени событие, с другой – словосочетания *выбил окна, повредил арену* описывают ущерб, нанесенный человеку этим событием.

В теории журналистики утверждают, что ценность новости возрастает, если она повествует о несчастных случаях или последствиях чего-то. Поэтому один за другим появляются анонсы, в которых указывается количество пострадавших: *После падения метеорита к врачам обратились 470 человек, 22 госпитализированы; Растет количество пострадавших от метеоритного дождя; Метеорит в Челябинске: количество пострадавших достигло 1,2 тыс.*

С большим интересом воспринимаются читателями и зрителями известия от очевидцев происходящего, поэтому на следующем этапе развертывания новостного сюжета появляются заголовки-призывы: *МЧС просит откликнуться свидетелей падения метеорита*, а затем – видеозаписи и фотографии происходившего, оперативные интервью с места событий: *Космическая атака на Урал: свидетельства очевидцев; Очевидцы о падении метеорита: было очень страшно*. В этих примерах мы наблюдаем стремление авторов новостных заметок показать событие сквозь призму переживаний конкретного человека.

Можно проследить динамику развертывания содержания новостной ленты. Сначала появляются свидетельства очевидцев: *Над Челябинском взорвался метеорит (10:10)*, затем сообщения о количестве пострадавших и нанесенном ущербе, далее – описание мер, которые принимаются местной властью и Правительством: *Оперативные штабы созданы в пяти областях в связи с падением обломков метеорита (12:02); Онищенко сообщил о закрытии челябинских школ из-за метеоритного дождя (12:47); После падения метеорита Челябинск патрулируют 20 тыс. сотрудников МЧС (12:54)*, наконец – комментарии специалистов: *(13:18) Метеорит был практически уничтожен во время прохождения атмосферы (комментарии экспертов); (13:42) Падение метеорита на Урале могло привести к непоправимым последствиям (комментарии экспертов);*

Взрыв «уральского» метеорита по мощности эквивалентен 20 атомным бомбам.

Спустя несколько дней (24 февраля) появляются сведения о ликвидации последствий от упавшего метеорита: *Аварийно-восстановительные работы после метеоритной атаки в Челябинской области выполнены на 78 процентов; В Челябинске восстановили 78 процентов разрушений от метеорита; Разрушения после падения метеорита устранены на 80 процентов.*

Привлекают внимание анонсы, отражающие особенности российской рыночной экономики и русскую предприимчивость: *Компании Челябинска обратились в страховую «СОГАЗ» в связи с падением метеорита; Суровый челябинский бизнес: в Сети началась продажа осколков метеорита; В Челябинской области полицейские изъяли у местного жителя и отправили на экспертизу вещество, которое тот пытался продать, выдав за осколок упавшего метеорита.* В этих примерах находим экономическую лексику (*компании, бизнес, продажа, продавать*), а также явную оценку описываемых событий – *суровый*.

Отдельной темой звучат высказывания о метеорите руководителей государства и известных политиков: *Медведев увидел в метеоритном дожде символ; Жириновский увидел в падении метеорита на Урале «американский след».* Цель авторов этих заметок – подчеркнуть активное участие государственной власти в жизни граждан, а также в очередной раз привлечь внимание к личности того или иного политика.

Практически все электронные СМИ рассказывают о «конкретных» мерах, принимаемых властями для защиты граждан от «космических гостей»: *Рогозин хочет предотвратить вторжение космических тел; Рогозин хочет создать систему обнаружения опасных космических объектов; Рогозин хочет создать над Россией щит, защищающий от угроз с космоса; Рогозин предложил создать систему для борьбы с инопланетными объектами; Рогозин хочет защитить Землю от космических атак.* Особо подчеркнем, что все эти заголовки да и тексты заметок почти дословно повторяют друг друга.

Вполне понятно, что обязательным компонентом новости об упавшем космическом объекте должна быть информация от ученых и про ученых. Прежде всего в связи со случившимся поднимается проблема финансирования научных исследований в России: *Ученые просят 58 млрд. рублей на отражение космических угроз.* Затем появляются заметки о том, что ученые начали поиск осколков упавшего небесного тела: *Водолазы не нашли метеорита в озере Чебаркуль;*

Ученые показали осколки челябинского метеорита; Водолазы оставили метеорит на дне озера на Урале; Уже сделали химический анализ.

Любопытен тот факт, что разные источники располагают прямо противоречащей друг другу информацией: *Поиски осколков метеорита прекращены, ничего не найдено; И все-таки нашли! Челябинские ученые изучают осколки метеорита.* А в следующем заголовке *Роскосмос исключает возможность заражения Земли инопланетными микроорганизмами* можно наблюдать явную связь с другой актуальной на сегодняшний день проблемой – эпидемией гриппа. При этом важно отметить, что в сетевых СМИ не назван автор новостной заметки.

Несколько дней пресса молчит: по-видимому, новостной «потенциал» уральского метеорита исчерпан. Однако теперь нечастые анонсы, появляющиеся в Сети, отличаются креативностью и сопровождаются указанием автора: *Спасителем Челябинска назвали НЛО; Инопланетяне раскололи челябинский метеорит, чтобы спасти землян от катастрофы.* Мастерство журналиста заключается прежде всего в том, чтобы найти новый, еще никем не представленный ракурс описания уже прозвучавшей новости. И тем острее этот момент в сети Интернет, поскольку там есть мгновенная возможность размещения более новой информации о событиях. Так, можно наблюдать своеобразную гонку сетевых СМИ, заключающуюся в том, кто быстрее придумает, отыщет, узнает что-то новое о случившемся. Добавим, что и заметки становятся бóльшими по объему, и аспект рассмотрения события отличается оригинальностью. Уже в апреле появляются новые подробности описанного в феврале события: *Уральский метеорит приземлился в Калининграде; Челябинский метеорит занёс на Землю странный химический элемент.*

Важно отметить, что различен объем новостной статьи в интернет и печатных СМИ. Изначально на сайте появляются через небольшие промежутки времени маленькие заметки, а в печатном издании (газете), конечно, позже – чаще всего на следующий день – выйдет статья, в которой будет отражено содержание всех заметок.

С одной стороны, исследователи отмечают, что «публицистический дискурс стал менее стандартизированным по форме и содержанию, он заметно персонифицировался, приобрел личностные черты у различных авторов» [Стернин 2003: 99], с другой – наш материал показывает, что влияние фактора времени и оперативности сообщения о событиях в Интернете влекут за собой как раз копирование заголовков и даже целых заметок по актуальной теме.

Видно, что заголовки практически слово в слово повторяют друг друга, а это свидетельствует об отсутствии творческого подхода у

журналистов, о стереотипности их мышления. Кроме того, анализ текстов статей под этими заголовками показал, что одним из самых важных факторов для корреспондентов электронных СМИ при создании новостных материалов является время. Главное для них – как можно быстрее разместить новую информацию о событии, а затем – раньше других добавить что-то новое, сенсационное. При этом отметим низкое качество размещенных в Сети материалов: они пестрят опечатками, орфографическими, пунктуационными и речевыми ошибками, что, несомненно, указывает на низкий профессиональный уровень журналистов и редакторов электронных средств массовой информации.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на смысловую идентичность новостей в бумажных и виртуальных СМИ, последние приобретают новое качество текста, обусловленное реализацией посредством интернет-технологий, нелинейной структурой представления информации, возможностью почти мгновенной передачи ее читателю. В сетевых СМИ на первый план выступает фактор оперативности сообщения о нетривиальном, сенсационном событии, при этом неважным становятся авторство новостного текста и творческий подход к его созданию.

Библиографический список

Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб, 1998 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/kuznetsov/29802/> Новость (дата обращения: 25.03.2013).

Васильева Л.А. Делаем новости! Учебное пособие. М., 2003 // URL: <http://evartist.narod.ru/text5/23.htm> (дата обращения: 25.03.2013).

Гаврилов К. Как делать сюжет новостей и стать медиатором. СПб, 2007 // URL: <http://al-dedov.narod.ru/journalists/gavrilov.htm> (дата обращения: 01.04.2013).

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

Кройчик Л.Е. Глава 5. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / Ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб, 2000 // URL: <http://evartist.narod.ru/text5/64.htm> (дата обращения: 15.03.2013).

Стернин И.А. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX–XXI вв.: Человек и его дискурс. Сб. науч. трудов / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. М., 2003. С. 91–108.

Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики. Стокгольм, М., 2003.

S.E. Ovsjannikova

Assistant of Russian Language and Stylistic Department
Perm State National Research University

M.A. Shirinkina

Reader of Russian Language and Stylistic Department
Perm State National Research University

**ONE NEWS DISCOURSE
(ONLINE ANNOUNCEMENTS ABOUT URAL METEORITE)**

The article is devoted to the discourse analysis of the news about Chelyabinsk meteorite widely reflected in the Internet. In particular, such aspects as status-role description of communicators, their purpose, a sensational event, became the basis of the news, the main components of the news, which evoke emotions are described.

Key words: news discourse; electronic media; discourse analysis.

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1.09"18"

Гурова Елена Павловна

аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
eg555a@yandex.ru

СОСТОЯНИЕ «ОБЪЮРОДЕНИЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Г.И. И Н.В. УСПЕНСКИХ

В статье рассматривается семантическое наполнение понятия «обьюродение», встречающегося в ранних очерках Г.И. и Н.В. Успенских. Данное понятие отражает эволюцию восприятия и понимания юродства писателями. Специфика изображения «обьюродевших» персонажей, их роль в художественном пространстве раскрывается в контексте литературной традиции, при этом оказывается немаловажен культурологический аспект.

Ключевые слова: юродивый; «обьюродение»; художественная реальность; художественный язык; литературная традиция; культурологический аспект.

Исследователи творчества Г.И. Успенского неоднократно отмечали особенность его художественного языка, фотографичность эпизодов [Пруцков 1958: 11]. В 70-е гг. XIX в. в «Отечественных записках» на материале творчества Г.И. Успенского и Ф. Решетникова был показан «начавшийся отход от чисто бытового, фотографического изображения действительности... к аналитическому» [Смирнов 1964: 27]. В то время как для очерков Н.В. Успенского была характерна концентрация на «более или менее конкретных изображениях», Н.К. Михайловский называл его «рисовальщиком частных».

По нашему мнению, нельзя не обратить внимание на сюжетное и отчасти стилистическое сходство очерков Г.И. Успенского и Н.В. Успенского, которое может быть объяснено сходством мироощущения писателей. Однако близкие по тематике сюжеты приобретают в творчестве двух писателей принципиально разное значение. Такая особенность во многом может быть объяснена спецификой художественной реальности в рассказах-очерках Г.И. Успенского и Н.В. Успенского.

В творчестве обоих писателей можно отметить эпизоды, в которых состояние отдельных героев характеризуется как «обьюродение». С нашей точки зрения, «обьюродение» представляет собой искаженность

мировосприятия персонажей, отчужденность от обыденной действительности, служение единственной цели, которой зачастую становится стремление прийти к «истинному», «настоящему», однако не самостоятельно, а по шаблону жизни «обыкновенных людей».

Данное понятие отражает эволюцию в восприятии и трактовке писателями явления юродства, образов юродивых. В очерках 1867 г. («Арина», «По черной лестнице») Г.И. Успенский при описании персонажей употребляет слово «обьюродение», характеризующее их странность, замкнутость в маленьком мирке – барского дома и квартиры госпожи Ивановой, «перевернутость», нелогичность поведения. Такое же определение состояния персонажей встречается в очерках 1867 г. Николая Успенского («Производительные силы» и «Катерина»).

Значима тонкая грань между родственными, в сущности, понятиями «юродивый» и «обьюродение». Персонажи, к которым применяется указанное определение, не относятся окружающими к юродивым, в них нет признаков юродского, их поведение и образ жизни соотносимы с законами и нормами поведения людей их мирка.

Однако надо отметить, что маленький мирок как их среда обитания отрезан от остального мира. Зачастую как у Г.И. Успенского, так и у Н.В. Успенского он характеризуется вымыслом, всепоглощающей скукой, ощущением одиночества. Так, в повести Н.В. Успенского «Производительные силы» следует выделить ироничную характеристику образа жизни Вукола Андроновича: «Благодаря научным открытиям и даже повседневному опыту, стало известным, что силы человеческие, если они праздны, настойчиво требуют собственной растраты, а нервы, угнетаемые скукой, в свою очередь требуют возбуждения; в силу этого закона Вуколу Андроновичу приходилось выдумывать для себя и радости, и лишения, и даже самую деятельность» [Успенский Н. 1957: 281].

Другими словами, мирок, в котором живут герои, – своего рода фикция, скопление масок. В нем нет настоящей жизни, существование героев подчинено одной цели: пропитаться либо избыть скуку, наполнить существование какой-либо, пусть мнимой, деятельностью. «Обьюродевшие» герои становятся своеобразным «приложением» к барскому мирку, наполненному абсурдом, вымыслом. В связи с этим закономерны прозвища, которыми барин наделяет свои «производительные силы»: «египетская шишимора», «идолы антиохийские», «виночерпии» (применительно к «обьюродевшим» персонажам). В мирке барского имения у каждой «производительной силы» своя функция, отраженная в прозвищах. Таким образом,

воспроизводится атмосфера театральности. С нашей точки зрения, прослеживаются традиции балаганного театра.

Представляется значимым, что определению «обьюродение» сопутствует характеристика «убожество»: «Сняв издали шапки с видом крайнего убожества и какого-то обьюродения подошли к барину два дьячка» [Там же: 279]. Однако она не несет в данном случае семантику близости к Богу, близости к юродскому поведению. С помощью приведенной характеристики подчеркивается внутреннее противоречие образов. Оно раскрывается посредством описания сцены в доме Вукола Андроновича: персонажи наделяются определением «виночерпии», загоняют свиней, угождают барину, пьянствуют:

– А пьянствовать ты любишь?

– Да ведь мне, Вукол Андроныч, усердствуют [Там же]. Закономерно, что в разговоре дьячков подчеркнута важность денег, в том числе, в духовной деятельности. Таким образом, снижено значение церковной службы, сделан акцент на бытовой стороне жизни.

Косноязычность, нелогичность речи дьячков-«виночерпиев», в отличие от речи самого барина, формально сближает их с традиционными юродивыми. Однако данное сближение нивелируется нарочитым снижением образов. В читательском восприятии Вукол Андроныч соотносим с «кукловодом», провоцирует своих слуг и работников, в том числе дьячков, на комичное поведение. Появлению семантики балаганного зрелища отчасти способствует контраст двусмысленных вопросов барина и серьезных в комичной обстановке ответов дьячков, не сопоставимых с их действительным поведением.

Таким образом, можно говорить не только о семантическом снижении анализируемых образов, но и о нивелировании их значения, что объясняет и обуславливает их обезличенность в художественном пространстве. Данные персонажи выполняют функцию своеобразной детали в портрете барина, описании барского имения. Употребление определений «убожество», «обьюродение» не несет высокой духовной семантики. Характеристика образов дьячков приобретает противоположный смысл: «убожество» отражает оскудение духовное, «обьюродение» – отказ от себя, обезличивание.

В данном случае именно предложенная интерпретация, как представляется, наиболее соответствует семантике рассматриваемых образов, вспомогательных в художественном пространстве. Значимо, что отчасти она подтверждается речью одного из дьячков: «Ведь вы странно, Вукол Андроныч, спрашиваете: что такое жизнь? Живу не мотаю, а придется – обратаяю... куда ж деваться-то? Скитаюсь по берегам вавилонским, яко змей... пристанища мне нету» [Успенский Н. 1957:

284]. Приведенный монолог интересен как со стилистической, так и с содержательной точки зрения.

Крестьянское просторечие совмещается с церковно-славянским языком, что придает речи философский смысл. В словах дьячка сконцентрировалось понимание и восприятие сущности жизни в малом мирке. Однако следует отметить смысловые противоречия, прослеживающиеся в рамках монолога. Значима фраза «скитаюсь по брегам вавилонским, яко змей...» [Там же]. Возникает аллюзия к библейскому сюжету, символичному в художественном пространстве рассказа. Таким образом, достаточно парадоксально дьячок соотносит себя со змеем-искусителем, в то время как берега вавилонские сопоставимы с полуразрушенным барским имением.

Характерны в этом плане беспорядочность, абсурдность разговоров и действий внутри барского имения («иногда приходило в голову отправляться в глухую полночь с фонарями и дрекольями в конюшню гонять воробьев, заподозренных в неблагонамеренности, собак вешать и расстреливать» [Там же: 282]), семантически соотносимых с ситуацией вавилонского столпотворения. Значимо наложение нескольких сцен в одной картине: незначащий разговор с дьячками в барском доме внезапно прерывается появлением караульного, впоследствии реплики караульного перемежаются репликами барина и рассказами дьячков, создавая ощущение сбивчивости и беспорядочности; действие как таковое отсутствует.

В связи с этим слова дьячка представляются символическими, однако их значение снижается в контексте шутовской, фарсовой атмосферы эпизода в барских покоях, характера ответов дьячка на язвительные, провоцирующие зрелище вопросы и замечания барина.

Таким образом, понятие «обьюродение» предполагает некоторую близость к явлению юродства, однако эта близость заключается непосредственно в странности фраз, косноязычности речи, несущей тем не менее в определенном контексте философский смысл. При этом рамки понятия «обьюродение» не ограничиваются странностью, нелогичностью поведения персонажей: нелогично и странно поведение всех героев очерка. Следует обратить внимание на неотъемлемые шутовские черты персонажей, характеризующихся «обьюродением». Значимо акцентирование семантики одиночества, отсутствие пристанища («скитаюсь», «пристанца мне нету»). Рассматриваемое понятие приобретает значение отрыва от собственных корней, чуждости окружающей реальности, духовного одиночества и полной обезличенности, растворенности в ком-то или в чем-то.

Более реалистический смысл привносится в понятие «обьюродение» в вышеуказанных рассказах-очерках Г.И. Успенского. Можно отметить своеобразное переосмысление семантики традиционных элементов явления юродства. Прослеживаются аллюзии к библейским заповедям в изображении Г.И. Успенским «обьюродевших» персонажей. Так, в рассказе-очерке «По черной лестнице» то, что «господин Михайлов, не успев простыть от полученной пощечины, тотчас же снова возвращался в лоно самых невероятных жизненных отрав, объясняется полным безграничным и беззащитным одиночеством сего человека и его жизненным обьюродением» [Успенский Г. 1950: 493]. Особого внимания в данном случае заслуживает несколько сниженное отражение семантики заповеди Иисуса Христа: «А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матф.5:39). Однако отмеченное сходство, аллюзии к библейским заповедям достаточно неоднозначны.

Следует отметить, что формально поступки Семена Михайловича соответствуют канонам христианского поведения: просить прощения за то, что ввел другого человека в грех сквернословия. Сквернословие в Священном Писании приравнивается к смертному греху (Еф. 5, 3-5). Тем не менее поведение «обьюродевшего» персонажа семантически не тождественно поведению юродивого. Безропотность, принятие на себя унижения в данном случае объясняются не стремлением помочь госпоже Ивановой понять себя, свой проступок, принять на себя ее грех, а боязнью одиночества, жадой сердечного приюта, необходимостью в «очаге, который смог бы отогреть охолодевшую от одиночества душу» [Там же: 494]. Безумие в поступках становится следствием действительности, в которой живет господин Михайлов.

Восприятие реальности, понимание жизни в его представлении искажено по сравнению с восприятием реальности обыкновенными людьми. Так, «одиночество сделало его странным, неуклюжим и застенчивым до испуга, среди обыкновенных петербургских людей» [Там же]. В этом плане Семен Михайлович олицетворяет малый мирок, замкнутый, чуждый всему окружающему, существующий по иным законам, соответствующим «перевернутому», «окольному» (термин Г.И. Успенского) восприятию действительности. Его странность, неуклюжесть, обезличенность – то, что в совокупности характеризуется как «обьюродение», – объясняются одиночеством, жизнью в омертвевшем мирке.

Немаловажно, что жизнь господина Михайлова характеризуется Г.И. Успенским как пустое существование. В связи с этим значимо, что сквозным мотивом в описании существования Михайлова становятся

высокие стены и безмолвность всего окружающего: Семен Михайлович только «изредка может созерцать белые высокие и безмолвные стены конторы и молчаливых товарищей», в кухмистерской он помещался «среди молчаливых и незнакомых соседей», его пять блюд подносили ему «тоже безмолвные служанки», в крошечной комнате на Гороховой его ожидали «четыре безмолвные стены» [Там же: 493]. Данное описание ежедневного существования Михайлова, с нашей точки зрения, достаточно символично: с одной стороны, высокие безмолвные стены олицетворяют отчужденность от действительности, чуждость «обыкновенным петербургским людям». С другой стороны, безмолвие и созерцание неизменно окружающих героя стен соответствует обезличенности, мертвенности замкнутого мирка, в котором живет Семен Михайлович. Указание на то, что головы служанок имеют право работать только над одним вопросом, обуславливает восприятие человека как чего-то неодушевленного, статичного.

Неоднозначно то обстоятельство, что Михайлов, «бедное заброшенное сердце» которого «ни минуты не перестает молить о жизни», ищет тепло, сердечный приют именно у госпожи Ивановой, чье сердце «истерзанное, остывшее совершенно» [Там же: 495]. Таким образом, в омертвевший мирок героев с «остывшим совершенно сердцем» приходит «обьюродевший» герой, которому свойственно стремление к жизни, «настоящему». Однако и он способен «добраться до необходимого ему уюта только как-нибудь окольным путем» [Там же: 494]. Несмотря на чистые простые стремления господина Михайлова, унижение во имя возможности жить, его отношения с госпожой Ивановой напоминают сделку. Так, госпожа Иванова «обязалась настолько приглубить одинокого холостяка, насколько ей это позволяло ее истерзанное, остывшее совершенно сердце», а господин Михайлов «обязывался платить за квартиру и обеспечивать все нужды бедной и тоже вполне одинокой женщины» [Там же]. Подобное описание устройства жизни воспроизводит форму договора. Иначе говоря, появляется достаточно парадоксальный мотив платы за обоюдное счастье, мотив «купленного» счастья.

Одной из свойственных «обьюродевшим» персонажам черт можно назвать страх, по большей части беспричинный. Так, одиночество сделало господина Михайлова «застенчивым до испуга» [Там же]. В рассказе-очерке «Арина» (1867) «обьюродение» героини было настолько велико, «что... фигуры разваленных заборов и вытянувшихся деревьев до того испугали ее, что она, едва выглянув из калитки, тотчас же торопливо присела на камушек и, озираясь кругом, прошептала:

– Ишь, черти!» [Там же: 358]. «Объюродевшие» персонажи чужды окружающему миру, «нормальной» обыденной действительности. Для них характерно нелогичное восприятие само собой разумеющихся жизненных явлений, событий.

Подобный страх, обусловленный «перевернутым» восприятием окружающей действительности, определяет особую логику поведения героев очерка. «Объюродевшие» персонажи существуют по некоему искусственному шаблону, формально повторяющему жизнь «обыкновенных людей». Однако полноценная жизнь оказывается невозможной, поскольку герои по-прежнему живут привычками своего прошлого, которое в действительности также являлось для них чужим. Так, «кодексом» существования госпожи Ивановой «сделалась жизнь того класса людей, который, благодаря толстому карману, весь мир божий представляет себе каким-то рестораном или кафе-шантаном...» [Там же: 492], в результате чего «в первых числах всякого месяца... в ней пробуждались полузабытые привычки, и она принималась разъезжать по лавкам, по Гостиному двору» [Там же: 496]. Господин Михайлов живет жизнью мелкого чиновника, которая напоминает некий алгоритм, нерушимый в течение многих лет: служба в петербургской конторе, поход в кухмистерскую, игра в бильярдной с маркером, прогулка по улице и чтение знакомых вывесок, возвращение в крошечную комнату на Гороховой улице. Возрождение, создание «окольными путями» сердечного приюта оказывается невозможным. «Объюродевшие» персонажи лишены возможности духовного развития.

Характерно, что «объюродение» в художественном мире Г.И. Успенского предполагает растворение в определенной цели, стремлении реализовать определенную модель существования ради того, чтобы жить, как все. Однако это влечет еще большее обезличение «объюродевших» персонажей. Растворенность в другом герое, безропотность, принятие унижения соотносимы с особенностями поведения юродивых и блаженных, однако в анализируемых рассказах-очерках Г.И. и Н.В. Успенских приобретают кардинально противоположную семантику – семантику существования ради собственного блага, а не ради духовного возрождения другого героя. В связи с этим можно отметить наложение друг на друга нескольких шаблонов, по которым строится жизнь персонажей, – шаблонов, соответствующих жизни «обыкновенных людей» или «благородных». Таким образом, стремление к «сердечному приюту» противоречиво сводится к банальному выбору чужой наиболее счастливой, с точки зрения «объюродевших» персонажей, модели существования.

Обобщая сказанное выше, следует заключить, что значение, особенности интерпретации понятия «обьюродение» обусловлены прежде всего характером художественной реальности. Достаточно сложно, с нашей точки зрения, выделить специфические признаки «обьюродения». Герои, характеризующиеся «обьюродением» в творчестве Н.В. Успенского, являются только приложением к барскому миру, в их диалогах в комичной форме, сниженно отражены сущность барской жизни, закономерность существования полуразрушенного имения. В художественном мире Г.И. Успенского «обьюродевшие» персонажи наделены формально некоторыми особенностями блаженных, юродивых, однако в действительности их существование подчинено прагматичному расчету.

Библиографический список

Пруцков Н.И. Творческий путь Глеба Успенского. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 190 с.

Смирнов В.Б. Глеб Успенский и Салтыков-Щедрин (Г.И. Успенский в «Отечественных записках»). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1964. 138 с.

Успенский Г.И. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1954.

Успенский Н.В. Повести, рассказы и очерки. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 655 с.

E.P. Gurova

Post-graduate Student of Russian Literature Department

Perm State National Research University

STATUS "OBYURODENIYA" IN THE ART WORLD G.I. AND N.V. USPENSKY

The article deals with the semantic content of the concept of "obyurodeniya" occurs in the early essays G.I. and N.V. Uspensky. The appearance of this concept the author sees the evolution of perception and understanding of foolishness writers. The specifics of the image "obyurodevshih" characters, their role in the feature space is revealed in the context of the literary tradition, without significance cultural aspect.

Key words: fool; "obyurodenie" artistic reality; artistic language; literary tradition; cultural aspect.

Евсина Наталья Андреевна
аспирант кафедры новейшей русской литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Oblachko89@yandex.ru

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА-АРТИСТА В РОМАНАХ «ВИДЕНИЯ ЖИЗНИ» С.А. АУСЛЕНДЕРА И «НИКОЛАЙ ПЕРЕСЛЕГИН» Ф.А. СТЕПУНА

Статья посвящена сравнительному изучению романов «Видения жизни» (1919) С.А. Ауслендера и «Николай Переслегин» (1923–1925) Ф.А. Степуна. Данные произведения рассматриваются в сопоставлении друг с другом и в связях с теоретической работой Ф.А. Степуна «Основные проблемы театра» (1923). Объектом исследования становится образ человека-артиста, являвшегося одной из ключевых фигур в антропологических построениях Степуна-философа. Отмечается принадлежность главного героя «Видений жизни» к господствовавшему в культуре Серебряного века человеческому типу, получившему теоретическое осмысление в «Основных проблемах театра» и художественное воплощение в «Николае Пересегине».

Ключевые слова: С.А. Ауслендер; Ф.А. Степун; «Видения жизни»; «Николай Переслегин»; «Основные проблемы театра»; антропология; литературный герой; человек-артист.

Исследуемые романы «Видения жизни» (1919) С.А. Ауслендера и «Николай Переслегин» (1923–1925) Ф.А. Степуна относятся к числу недостаточно изученных; насколько нам известно, не предпринималось ранее и сопоставление указанных произведений. В данной статье рассматривается система образов-персонажей этих романов, речь идет, в частности, о художественном воплощении в них образа человека-артиста.

«Серебряный век» русской культуры по праву называют «артистической эпохой». Уже В. Кантор обращал внимание на связь философской эссеистики и художественной прозы Степуна с «артистическими» интенциями эпохи [Кантор 1997: 124–165]. Мы более подробно остановимся на антропологических аспектах «Основных проблем театра», чтобы выяснить, каким представлял себе человека-артиста Степун-философ.

В «Основных проблемах театра» Степун предложил собственную классификацию человеческих душ. Он исходил из представлений о

человеческом «многодушии», которое сталкивается с требованием «строго ограничивающего единодушия» [Степун 2000: 154]. Их примирение, по его мнению, возможно в трех основных формах: мещанство, мистицизм и артистизм. Мещанство – атрофия всех душ, кроме одной, житейски наиболее удобной и стойкой. Степун называет мещанскую душу «осадком земной жизни» [Там же: 155]. Мещане, как считает автор, – враги творчества, гонители артистизма, потому что творчество подразумевает жертвы и трагическую борьбу, на которую они не способны. В мистиках происходит полное отождествление единодушия и многодушия. Все души человека не стремятся к обособленности, а оказываются попутчицами на дороге в «царство всеединяющего духа» [Там же: 157]. Мистики также враждебны творчеству, потому что творчество – процесс активного созидания, в то время как мистицизм – путь пассивности. Артистизм противоположен как мещанству, так и мистицизму; он строится на утверждении человека и как «рассыпающегося богатства», и как «строящегося единства» [Там же]. В душе человека-артиста борьба между единодушием и многодушием заканчивается «предельным утверждением многодушия» [Там же: 158], которое предполагает трагическое «многолюбие». Артист всегда косвенно устремлен ко многим, потому что «отличать свою, единственную, от всех остальных всегда значит как-то глухо и тайно уже и включать всех остальных в поле своего внутреннего зрения» [Там же: 161]. Основная характерная черта артистизма – любовь к жизнетворчеству. Это приводит к борьбе между «изживаемой» и «мечтаемой» жизнью, к которым артист с равной силой тяготеет [Там же: 164]. Без выхода в творчество артистический путь становится катастрофическим. Творчество – средство построения двухплановой действительности, расширения бытия. В мире творимого искусства артистическая душа получает возможность реализовать свое многодушие, прожить дополнительную жизнь.

Данные антропологические представления Степун реализовал в романе «Николай Переслегин» (см. об этом: [Фоминых 2012: 247–256]). На наш взгляд, несколькими годами ранее попытку осмыслить тип человека-артиста предпринял Ауслендер в романе «Видения жизни». Сравним данные произведения, чтобы убедиться в этом.

Герои рассматриваемых романов – Сергей Аносов и Николай Переслегин – совпадают по возрасту: им около 30 лет. Их характеры раскрываются в отношениях с женщинами. Жизнь Аносова с женой Анной для посторонних глаз – «ровная, согласная, любовная». Однако оба они чувствуют, что за внешним благополучием скрывается нечто «тревожное, мучительное, неопределенное» [Ауслендер 1919, № 24: 2].

Анна предчувствует, что с супругом им «уже не долго быть вместе» [Ауслендер 1919, № 80: 2]. Предвидит скорую разлуку с Переслегиным и Татьяна; она понимает, что для мужа ее расстроенные нервы – лишь «интересно диссонирующие струны» [Степун 1929: 180], что, останься она жива, рано или поздно все равно он оставил бы ее. Заметим, что в обеих героинях акцентирована хрупкость, которая наиболее отчетливо проявляется в моменты их болезни. Аносов у постели Анны как будто впервые замечает ее трогательно худенькие и беспомощные руки, детски жалобную улыбку, бессильно закрытые глаза. Переслегин во время одного из Таниных припадков также обращает внимание на «бедненькие, слабенькие пальцы» [Там же: 358] «милого, больного» и почти совсем чужого ему существа [Там же: 354–355].

В отношении Аносова и Анны вмешивается роковая женщина Нина Ручьева так же, как и в отношении Переслегина и Татьяны входит демоническая Марина. Во внешности героинь имеется немало общего: лицо Ручьевой неподвижно, напоминает скорее портрет, чем живого человека: «Черные, изогнутые кверху брови на смуглом, матовом лице и неподвижные огромные глаза под густыми синими ресницами» [Ауслендер 1919, № 30: 3]. Переслегин сравнивает спокойное лицо Марины с «византийской иконой» [Степун 1929: 108]. Ручьева – начинающая актриса, Марина тоже «готовится на сцену».

В финале оба героя возрождаются к новой жизни. Перемены в Аносове совпадают с влюбленностью в Марию. Изменение взглядов на жизнь Переслегина вызвано постоянным адресатом его писем и единственной любовью – Натальей. В обеих героинях подчеркивается чистота и святость. С обеими связан мотив хрусталя, который издревле считался символом скромности, невинности, чистоты помыслов. Аносова поражает голос Марии, «голос такой хрустальной ясности», «прозрачность» каждого ее слова и движения [Ауслендер 1919, № 158: 3]. Переслегин восхищается «тонким хрустальным звоном» в облике Натальи [Степун 1929: 95], «ощущением хрусталя» ее холодеющих уст на своих губах [Там же: 129], «хрустальным звоном» души возлюбленной [Там же: 172]. Путь Марии – самопожертвование, связанное с необходимостью, чтобы работа, как верига, «сковывала все тело и душу» [Ауслендер 1919, № 164: 2]. По словам Переслегина, Наталья идет дорогой «труда и добра». За Николая, по мнению Марины, она «все отдаст» и даже «умрет» [Степун 1929: 404]. Мария ведет аскетический образ жизни. Аносов замечает, что «вещей у сестры (милосердия. – *Н.Е.*) против обычного сестринского багажа было совсем мало – один большой дорожный сверток» [Ауслендер 1919, № 158: 3]. «Белая косынка, так ровно обрамлявшая крест на груди, – все это

казалось таким необходимым для нее, неизбежным» [Там же]. Холодное спокойствие Марии лишь изредка нарушается улыбкой, полной «затаенного очарования» [Ауслендер 1919, № 164: 2]. Святой кажется Переслегину Наталья. Николай вспоминает праздник Пасхи, где она появилась «в длинном белом суконном платье, светлая, задумчивая и кроткая» [Степун 1929: 90]. Во время венчания с Алексеем фата «помонашески скрывает ее щеки и лоб» [Там же: 95].

В обоих романах показаны канун Первой мировой войны и сама война; оба произведения строятся на противопоставлении основной части повествования «эпилогу», в котором «парадный марш иллюзий» [Там же: 418] сменяется грозными звуками войны. В изображении канунной эпохи и в «Видениях жизни», и в «Николае Переслегине» значительное место отводится театру. С театром связаны занятия главных героев, театр оказывается метафорой предвоенного мира.

Аносов – автор пьесы, идущей в Петербурге и Москве. Переслегин становится режиссером самодеятельного спектакля. Аносов помогает режиссеру в работе над своей пьесой, принимает непосредственное участие в репетициях: «В антракте подходили актеры, забрасывали десятками вопросов» [Ауслендер 1919, № 30: 3]. Переслегин пишет: «Я не успел произнести в ответ ни одного слова, как моя комната была превращена в сцену, а мне пододвинуто “режиссерское кресло” и вручен “режиссерский экземпляр”; дальше все в таком же темпе» [Степун 1929: 183]. Переслегин легко осваивает новую для себя «роль», переходя от указаний к показу, а затем к исполнению сцен и целых действий. Аносов показывает Нине Ручьевой, исполняющей одну из главных женских ролей в его пьесе, как надо играть. Переслегин соглашается помочь Марине справиться с ролью, которую она получила. И Переслегин, и Аносов занимаются не только самим представлением, но и костюмами, декорациями и даже гримом, находя в этом немалое удовольствие.

В обоих произведениях с театром связаны не только увлечения или профессиональные интересы главных героев. И для Аносова, и для Переслегина театральность становится жизненным принципом. Оба превращают в театр собственную жизнь. И тот, и другой принадлежат к типу человека-артиста, оба обладают даром игры в жизнь, по мнению автора «Основных проблем театра», – отличительной способностью артистической души. Аносов режиссирует свое поведение, тщательно продумывает каждый свой шаг, примеряя тот или иной образ: влюбленного мужа, жеманного любовника, трагического дуэлянта. Он играет те или иные роли, «чтобы вполне все узнать» [Ауслендер 1919, № 24: 3]. Переслегин признается, что его душа любит «себя постоянно показывать». Взгляды посторонних людей для него – «то же, что огни

рампы для театральных декораций» [Степун 1929: 24–25]. Он – «костюмер своей собственной души» [Там же: 61]. Его друг-соперник видит в нем «зрителя первого ряда», «благополучного и ко всему равнодушного, как кресло под ним» [Там же: 310].

Настоящий художник, по мнению Переслегина, не только тот, кто создает художественные произведения, но и тот, кто их изживает или сам ими становится [Там же: 156]. Самой благородной из всех человеческих страстей герой считает «сознательное стремление к сознательному творчеству жизни». Переслегин утверждает: «Человек же только там и начинается, где начинается воля к свету и творчеству!» [Там же: 373].

Творчеством и для Аносова, и для Переслегина является любовь. В любви, считает Николай, все бесконечно просто и легко, потому что сама любовь – это не труд, а «праздник» [Там же: 117], «легкий, никаким законам земного притяжения не подвластный танец душ», «встреча с крылатым гением любви» [Там же: 127]. Подобное отношение к любви демонстрирует и Аносов, мечтая о том, чтобы «ничего не обещать, ничего не спрашивать, ничего не решать <...> пусть слегка ноет сердце, пусть слегка кружится голова» [Ауслендер 1919, № 69: 3].

Неслучайно в обоих романах сюжетообразующее значение приобретает мотив измены. Аносов изменяет жене Анне с Ниной Ручьевой. В романе Степуна изменником в том или ином смысле оказывается каждый из героев. Переслегин, посылая письма Наталье, изменяет памяти Татьяны. Наталья предает своего мужа Алексея почти с первых дней семейной жизни, тайно сближаясь с Переслегиным. Марина, полюбив Переслегина, предает влюбленного в нее Всеволода Валериановича. Жизненный опыт героя убеждает его в том, что измена – истинная сущность любви.

Неверность является следствием артистической природы души героев, присущего им трагического «многолюбия». Человек-артист, по замечанию автора «Основных проблем театра», всегда стоит на пороге измены. Его неверность – своеобразная верность искомому образу любви, который предается с каждым новым эмпирическим опытом и который не может окончательно воплотиться в одном, пусть даже и самом прекрасном, существе.

По мнению самого Переслегина, он – жертва «разлагающей мечтательности», свойственной эстетам и неврастеникам [Степун 1929: 71]. Аносов также характеризует себя как неврастеника: собственная «неврастеническая неопределенность» кажется ему «тяжелой, скучной и грешной» [Ауслендер 1919, № 80: 3]. Переслегин сравнивает себя со

«скелетом в позе Нарцисса» [Степун 1929: 61]. Души героев наполнены, с одной стороны, «предельной любовью» к себе, с другой – «непонятной враждой» с самими собой [Степун 2000: 158]. Подобная любовь-ненависть, согласно логике автора «Основных проблем театра», также является одной их характерных особенностей души человека-артиста.

Оба героя не утратили способность самоанализа, что свидетельствует об их принадлежности к низшим, согласно антропологическим представлениям автора «Основных проблем театра», типам артиста – имитаторам и изобразителям, ибо два других типа, воплощений и импровизаторов, отличает возможность полного самозабвения [Там же: 181]. Предаётся «анатомированию» собственной души Аносов и доводит себя до мысли о самоубийстве: «Часто мечтал о смерти, обдумывал все до последней подробности, видел ясно, как это произойдет, и все было в этих видениях желанно и привлекательно» [Ауслендер 1919, № 115: 3]. «С чувством горячего стыда» вспоминает «все свои утонченные сложности» «о доме и дали» Переслегин, называя их «безбожным бредом» и «лукавой мечтательностью» [Степун 1929: 418–419].

Артистические опыты разрушают героев, заставляют страдать близких им людей. Несчастливы Аносов и Анна («Видения жизни»). Заканчивает жизнь самоубийством Марина, умирает влюбленный в нее Всеволод Валерианович; разрывает отношения с Переслегиным Наталья («Николай Переслегин»).

У героев обоих романов порыв «внезапной отдачи всего своего существа в распоряжение вдруг всколыхнувшейся мечты о себе самом» [Степун 2000: 169] часто превращается в несколько «ходульное» позирование, что не может не вызывать негодование окружающих. Так, жизненная философия Переслегина заставляет Алексея заметить, что в жилах его друга течет не кровь, а «прозрачная, игристая шипучка», что душа Переслегина – «гнусная экспериментальная лаборатория» [Степун 1929: 309–310].

Аносов и Переслегин – артисты-«дилетанты» [Степун 2000: 164]. Они не сумели справиться со своим многодушием. Будь каждый из них полноценным человеком-артистом, не допустил бы слияния мечты и действительности. На территории «действительности», по словам Степуна, реализуется тенденция верности, на территории «мечты» – устремление к множественности. Аносов и Переслегин убили «мечту» соприкосновением с «действительностью», взорвали «жизнь» «мечтой». Творчество не позволило им прожить дополнительную жизнь. Отсутствие в душе той необходимой «границы между страданием и наслаждением, между верностью и изменой, между искренностью и

лицемерием, между жизнью и смертью» [Степун 1929: 54] стало губительным для них. Истинный человек-артист, по словам Степуна, всегда аскет. Аносов и Переслегин, скорее, прожигатели жизни, спускающие «богатство своего многодушия по случайным закоулкам эмпирической действительности» [Степун 2000: 168].

Герои Ауслендера и Степуна, признавая ошибочность своих прежних представлений о любви-творчестве, отказываются от артистического пути. Кем они явятся на очередном витке своего жизненного пути – «мещанами» или «мистиками», – неизвестно. Авторы оставляют их на пороге новой жизни.

Итак, рассмотренные в сопоставлении друг с другом и в связях с «Основными проблемами театра» романы «Видения жизни» и «Николай Переслегин» обнаружили немало перекличек. Общим в них оказался образ человека-артиста. Проведенный анализ позволил выявить неожиданные контексты малоисследованных произведений, обогатить имеющиеся научные представления о романистике Ауслендера и Степуна в целом.

Библиографический список

Ауслендер С.А. Видения жизни // Сибирская речь. 1919. № 24, 30, 69, 80, 105, 115, 121, 141, 158, 164.

Кантор В. Артистическая эпоха и ее последствия (По страницам Федора Степуна) // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 124–165.

Степун Ф.А. Николай Переслегин. Париж: Современные записки, 1929. 420 с.

Степун Ф.А. Основные проблемы театра // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. 1000 с.

Фоминых Т.Н. Образ канунной России в романе Ф.А. Степуна «Николай Переслегин» // Фоминых Т.Н. «Вторая муза»: Очерки русской литературы 1920-х – начала 1930-х гг. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2012. С. 247–256.

N.A. Evsina

Post-graduate Student of Modern Russian Literature Department

Perm State Humanitarian Pedagogical University

THE IMAGE OF “MAN-ARTIST” IN THE NOVELS “THE VISIONS OF LIFE” BY S.A. AUSLENDER AND “NIKOLAY PERESLEGIN” BY F.A. STEPUN

The article is devoted to the comparative study of the novels “The visions of life” (1919) written by Sergey Auslander and “Nikolay Pereslegin” (1923–1925) written by Fedor Stepun. These novels are being considered in comparison with each other and in connection with the theoretical work “Basic problems of theatre” (1923) by F.A. Stepun. The object of research is the image of “man-artist”, which is one of the basic figures in the anthropological scheme by Stepun-philosopher. It is mentioned that the main character of “The visions of life” belongs to the dominate human type of the culture of Silver age, which was theoretically comprehended in “Basic problems of theatre” and artly embodied in the novel “Nikolay Pereslegin”.

Key words: S.A. Auslender; F.A. Stepun; “The visions of life”; “Nikolay Pereslegin”; “Basic problems of theatre”; anthropology; literary hero; “man-artist”.

УДК 398+229

Королёва Светлана Юрьевна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
petel@yandex.ru

Туманова Ольга Сергеевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tumanova_os@mail.ru

ОБРАЗ САЛОМЕИ-ПОВИТУХИ: АПОКРИФ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ¹

Статья посвящена повитухе Саломее – персонажу, упоминающемуся в апокрифических версиях сюжета Рождества Христова, получившему воплощение в иконографии и фигурирующему в ряде фольклорных жанров (духовных стихах, заговорах, формулах-обращениях, мифологических рассказах). Делается попытка раскрыть некоторые ранее не отмечавшиеся связи фольклорных текстов с церковной книжностью и визуальными изображениями Саломеи; выявляется роль лингвистического фактора в ее сближении с женскими персонажами низшей мифологии.

Ключевые слова: христианские апокрифы; обряд родин; заговоры; низшая мифология славян; народная религия.

Рассмотренные в контексте христианской книжности и ритуальности, многие явления народной культуры, которые ранее интерпретировались исследователями как «реликты славянского язычества», обнаруживают связи с церковной традицией. Привлечение такого контекста особенно важно при изучении фольклорных персонажей церковно-книжного происхождения. К их числу принадлежит повитуха («бабушка») Саломея, которая, согласно апокрифическим Евангелиям, присутствовала при рождении Христа. Ее иконография подробно описана в фундаментальном исследовании

Н.В. Покровского (1892, переиздано в 2001 г.: [Покровский 2001: 142–156, 166–173, 183–188]); на широком фоне христианской книжности образ Саломеи рассмотрен славистом А.Б. Страховым [Страхов 2003: 201–204]. Фольклорным формам ее имени, генезису и контекстам его возникновения в заговорно-заклинательных текстах посвящена статья А.В. Юдина [Юдин 2011].

В работах специалистов также сделан ряд частных наблюдений: приведены факты почитания Саломеи в среде рожениц и повитух [Листова 1989]; исследован мифологический мотив «особых» рук повитухи / Саломеи и его реализация в обрядах родинного цикла [Кабакова 1993]; выделены связанные с этим персонажем сюжетные ситуации в заговорах [Кляус 1997; Агапкина 2010: 302–304]. Вместе с тем ряд вопросов остается недостаточно проясненным. Выявлены не все генетически значимые для образа источники, не все «фольклорные ипостаси» Саломеи-повитухи получили убедительное объяснение. Дискуссионным остается утверждение о ее связи с женскими демонологическими персонажами. Этим вопросам и посвящена данная статья².

Приход повитухи к Деве Марии – сюжетная ситуация, имеющаяся в ряде христианских апокрифов. Самый ранний из известных источников – Протоевангелие Иакова (вт. пол. II в.): оставив Марию в пещере, Иосиф уходит за повитухой, которая, придя, наблюдает чудесное рождение Христа; проходящая мимо Саломея желает удостовериться, что Мария осталась девой, за неверие ее рука отнимается; раскаявшись, Саломея по совету ангела берет на руки Христа и исцеляется [Свенцицкая, Трофимова 1989]. В последующих апокрифах имеются заметные расхождения с Протоевангелием Иакова (далее – ПИ), что позволяет исследователям предполагать опору на разные, хотя и близкие, устные традиции [Скогорев 2000]. Так, лаконичное упоминание о повитухе Саломее содержит «Книга Иосифа Плотника» (рубеж IV–V вв.): в эпизоде бегства в Египет Саломея присоединяется к Св. Семейству, чтоб сопровождать Марию и дитя. Хотя ранее Саломея здесь не упоминалась, автор не поясняет, кто она такая – очевидно, полагая, что это общеизвестно [Там же]. Безымянная повитуха («старуха-еврейка») фигурирует и в т.н. Арабском Евангелии детства (V – перв. пол. VI вв.): придя к Марии по зову Иосифа, она обнаруживает, что ее услуги не нужны; сетуя на бедность и давнюю болезнь, по совету Богородицы старуха возлагает руки на Христа и выздоравливает, после чего обещает до конца жизни быть его «служанкою и рабынею». В эпизоде обрезания повитуха опускает кусочек его крайней плоти (или пуповины) в сосуд с маслом

(впоследствии Мария Магдалина смазывает им ноги Христа) [Там же]. Версии этого сюжета из славянских вопросно-ответных текстов XV в. («Вопрошения различна», «Слово о небеси и о земли», «Беседа трех святителей») и более поздних греческих рукописей приводит А.Б. Страхов [2005: 201–202]; он полагает, что в их основе лежит какая-то греческая легенда. Однако, по-видимому, впервые история о приготовлении повитухой масла зафиксирована именно в Арабском Евангелии детства.

Повитуха Саломея фигурирует и в позднем Евангелии Псевдо-Матфея (VIII–X вв., далее – ЕПМ), составленном на латыни и широко известном на средневековом Западе. Излагаемая в нем версия рождения Христа основана на переработках ПИ, но имеет ряд отличий; в частности, Саломея в нем прямо названа повитухой (в ПИ – без указания на род занятий, но с родословием – «из семени Авраама, Исаака и Иакова»), напарницу Саломеи зовут Гелома / Зелома (в ПИ – безымянная), для исцеления Саломея касается пелен Христа (в ПИ – берет его на руки). Исследуя генезис Саломеи-Соломонии в русских заговорах, А.В. Юдин указывает в равной мере на ПИ и ЕПМ; факты упоминания не двух, а одной повивальной бабки (Саломеи) в древнерусской церковной книжности он объясняет «смешением» сходно звучащих имен (Саломия – Зелома), которое затем наследуется русским фольклором [Юдин 2011: 219–221]. Приведенные выше апокрифы ставят это предположение под сомнение и позволяют говорить, скорее, о том, что древнерусским авторам были знакомы обе версии сюжета Рождества (с одной и двумя повитухами), зафиксированные в христианской книжности. В уточнении нуждается и роль этих апокрифических евангелий (ПИ и ЕПМ) как источников, к которым может восходить фольклорный образ Саломеи-повитухи. Не позднее XII в. ПИ было переведено на церковно-славянский язык и имело хождение под несколькими названиями («Иаковля повесть» и др.: [Порфирьев 1890: 5]); оно попадало иногда в списки «отрешенных» книг, однако не было запрещено полностью и упоминалось в богословских трудах. О переводе на церковно-славянский язык ЕПМ в известных нам источниках не говорится; по-видимому, его влияние (если оно было) корректнее называть косвенным. На это отчасти указывает и тот факт, что в древнерусских церковных текстах и иконописи имя второй повитухи (Зеломы) не упоминается: если она фигурирует, то – как в ПИ – остается безымянной (а в фольклоре вообще отсутствует).

Упоминания Саломеи-повитухи в древнерусской церковной книжности собраны Н.В. Покровским [Покровский 2001: 155, 167, 171–

172] и введены в фольклористический оборот ([Юдин 2011: 220–221], с добавлением других славянских источников см.: [Страхов 2005: 201–203]). В этом ряду примечательны Великие Минеи Четьи, составленные преп. Макарием (перв. треть XVI в.): в «Слово на Рождество Пресвятыя Богородицы» (8 сент.) он включает подробный пересказ фрагмента ПИ о рождении Христа [Великие Минеи 1886: 360–361] и апокрифическое «Житие Пресвятой Богородицы» иерусалимского монаха Епифания (XI–XII в.), наделяющего Саломею престижной генеалогией (она оказывается родственницей Девы Марии и Елизаветы – матери Иоанна Крестителя): «Мафан иерей от Вифлиома имяше дщери три: Марию, Софию, Анну. Мария же роди Соломею бабу <...> Не дошед же Иерусалима село есть Вифлеомское, иже бяше стяжание Саломиино, Богородицыны тетки; <...> послуживши же ей о всем Саломии, баба ей сущи в Вифлеоме, тетка сущи Святой Богородици... от матерня рода» [Там же: 364, 369]. Возможно, родословие именно этой Саломеи отражается в прикамском заговорном тексте (здесь она названа одной из сестер Лазаря, которые, по церковному преданию, были в числе жен-мироносиц вместе с другой Саломией – матерью двух апостолов): «... еще я помолюся, еще я покорюся трем сестрам лазарям Мария, София, Соломида» (Чердынск. р-н, 2010; архив Лаборатории культурной и визуальной антропологии (далее ЛКиВА) ПГНИУ). Смешения одноименных персонажей, встречающиеся иногда в христианской книжности, являются типичными для фольклора.

Хотя Саломея не была канонизирована, принимавшая Христа «баба» упоминалась в молитвах, входивших до реформы патриарха Никона в рукописные требники («Молитва бабе приемшей отроча»: «Господи Иисусе Христе... бабою повитый пеленами»; «Молитва бабе, егда принесен будет Младенец крестити до сорока дней»: «Господи Боже наш... аки детищ восприят быв, сам и сию рабу твою бабу помилуй»; цит. по: [Покровский 2001: 172]). После изъятия этих молитв повитуха продолжает фигурировать в литературе для «душеполезного» чтения (так, в «Слове на Рождество Христово» Димитрий Ростовский называет Саломию «праведной» и «старицей... не из числа грешных» [Димитрий Ростовский 1868: 466, 470, 474, 477]).

Популярности Саломеи-повитухи в народной культуре также способствовали ее многочисленные иконописные изображения (в сцене Рождества Христова), на что уже указывали исследователи [Традиционная магия 1993: 167–168; Агапкина 2010: 302–303]. Сопоставляя западный и восточный средневековый иконографический канон, Н.В. Покровский приходит к выводу, что наиболее типичным для византийско-русской традиции было изображение двух повитух (реже –

одной) в нижнем ярусе многофигурной композиции: женщины моют младенца Христа, стоящего в купели, либо одна из них держит его на коленях, а другая подливает в купель воду [Покровский 2001: 144–156]. Из канона Рождества Христова сцена купания заимствуется в житийные иконы с клеймами, показывающими рождение Девы Марии, Иоанна Предтечи и других святых [Там же: 183–184], что многократно увеличивает частотность изображения повитух. С иконописным омовением, по-видимому, может соотноситься народное представление о том, что Саломея «размывала руки» с самой Богородицей, да и обряд «размывания рук» как таковой [Листова 1989; Кабакова 1993: 63–64]. Параллели с иконописным изображением обнаруживают, на наш взгляд, и некоторые локальные элементы родинной обрядности: необходимость присутствия при родах не одной, а двух повитух (полесск., [Кабакова 2001: 117–118]); обычай «погружения в воду» новорожденного младенца, которое однократно совершает повивальная бабка до крещения в церкви (судогодск., [Добровольская: 2001: 99]).

Согласно церковному канону, Дева Мария сама выполнила с новорожденным Христом все действия, которые обычно осуществляет повитуха. Возможно, этим объясняется своего рода «изофункциональность» Богородицы и Саломеи, возникающая в некоторых фольклорных жанрах. Так, ситуацию, когда одно и то же действие приписывается то одной, то другой героине, находим в различных записях «Сна Богородицы». Этот поздний апокриф (вероятно, западного происхождения) имел широкое распространение в простонародной среде, где он до сих пор бытует в устной и письменной форме, приобретая черты молитвы, заговора, духовного стиха (см. об этом: [Райан 2006: 425–428; Русские заговоры 2010: 416]). Вот как описывается рождение Христа и действия Богородицы в одной из версий: *«Я брала же дитё в белы рученьки, / <...> Я ведь пеленала дитё я ведь в белы-белы пелена. / Я ведь вязала дитё я ведь белым-белым поясом»* (юрлинск., [Бахматов 2003: 197, 199]). В других версиях «Сна» подобные действия выполняет повитуха: *«Его бабушка Фаламия <Саламия> на руки принимала, морской водой обмывала, шелковой травой обтирала, пелены в черные пеленала, поясом шелковым повивала»* (нижегород., [Рукописная проза 2008: 145–146]).

О том, что тесная связь повитухи с Богородицей, выражающаяся в случаях замены одного персонажа другим, носит в народной культуре не случайный характер, свидетельствуют и заговоры (примеры см.: [Кляус 1997: 72–73, 75, 152, 175]). Исследователи уже отмечали возможное влияние на заговорный образ Саломеи ее иконописных изображений [Агапкина 2010: 303–304]: и там и там она предстает как обычная

повивальная бабка (а значит, согласно реалиям народной культуры, и как знахарка, которая может окачивать и парить младенца, «загрызать» грыжу и т.д.): *«Не я тебя парю, не я тебя жарю, парит да жарит Соломония да матушка своим шелковым венчиком, да на сон, на угомон, на доброе здоровье. Спи с вечера до полночи, с полночи до утра. Как в утробе матери лежал, ничего не знал, ни писку, ни вереску, так и сейчас ничего не знай»* (Чердынский р-н, 2011; архив ЛКиВА ПГНИУ). Нам представляется, однако, что влияние иконографии Рождества Христова на русскую заговорную традицию имеет и другие проявления. Присутствием на иконе (в едином сакральном пространстве) не только младенца, его матери и повитухи, но также вола, быка, овец и пастухов можно объяснить тот факт, что в ряде заговоров Богородица или Саломея выступают как покровительницы домашнего скота (примеры см.: [Кляус 1997: 69, 71–73 196]).

Отдельно необходимо упомянуть специфическую роль фольклорной Саломеи как охранительницы человека в «нечистом» пространстве бани. В ряде работ «бабушка Саломея / Соломонида», которую зовут «помыть-попарить» ребенка, отнесена авторами к разряду «языческих» или «народно-мифологических» персонажей [Дмитриева 1988: 62; Черепанова 1983: 44]. Н.А. Криничная полагает, что в этом образе воплощается «роль баенника как дарителя здоровья» [Криничная 2004:73]. Подобную точку зрения критикуют А.Б. Страхов [Страхов 2005: 203] и А.В. Юдин, который, в частности, пишет: «... концепция Соломонии как банника не кажется нам убедительной. <...> Истоки образа Соломонии лежат в области христианской книжности, и для объяснения ее заговорных функций необязательно обращаться к сфере демонологии» [Юдин 2011: 219]. Соглашаясь с первой частью утверждения, отметим, что в процессе фольклоризации образа Саломеи-повитухи ее сближение с персонажами низшей мифологии все-таки происходит. Многочисленные свидетельства мы находим не столько в заговорах, сколько в тесно примыкающем к ним речевом жанре фольклора – формулах-обращениях (произносимых перед входом в баню и выходом из нее, на окачивание ребенка водой и т.п.). Так, в прикамских записях адресатом – наравне с баней – становится и «бабушка Саломея»: *«Очисти, банька-парушка, Саломея-бабушка, малое дитё от всех болячек»*; *«Чисти, банька-парушка, Саломея-бабушка, дай здоровычка, все болячки унеси...»* (Чердынский р-н, 2010); *«Банюшка-матушка, тёплая парушка, пусти топить, пусти париться-мыться»* (Кудымкарский р-н, 2002; всё – архив ЛКиВА). О том, что «бабушка Соломонида» выступает здесь именно как «хозяйка» бани и заступница от нечистой силы, свидетельствует комментарий

информанта: «В бане бабушка живет, Соломонида-бабушка. В баню ходите: “Банна бабушка, Соломонида-бабушка, пусти меня помыться-попариться”. У нее разрешение нужно спросить, она тебя и хранить будет. А то вдруг кто на тебя нападет, блазнить будет... Она этим заведует, баней» [Вишерская старина 2002: 29].

Подобные формулы-обращения выступают своего рода связующим звеном между заговорными текстами и мифологическими рассказами, в состав которых они иногда включаются («Банница, пусти помыться» [Былички и бывальщины 1991: 118]; «Банная староста, пусти меня» [Там же: 131] – предписания из чердынских рассказов о женщинах, наказанных за нарушение банного этикета). Ряд сюжетов о банных духах прямо связан с произнесением специального обращения к «банной старосте» или «обдерихе», после чего та не трогает человека [Миф. рассказы 1996, № 200, 204] и защищает его от других «нечистых» [Там же, № 192; Криничная 2004: 90–91]. Женский аналог банника имеет в русском фольклоре ряд названий: *банная бабушка, баянная матушка, банная староста, банная хозяйка, банница, байниха, обдериха* – и обычно рассматривается недифференцированно; попытку соотнести варианты названий с различными функциями «банного духа» предпринимает М. Власова [Власова 2000: 28–36]. Характеризуя «банную бабушку / матушку», она отмечает ее связь с роженицами и предполагает, что это «сверхчеловеческий “двойник” бабушки-повитухи, <...> дух, “хозяйка” бани-“целительницы”» [Власова 2000: 28–29].

О том, что между мифологической «банной хозяйкой» и апокрифической повитухой в фольклоре действительно существует связь, свидетельствуют записи, где Соломонида фактически именуется «банной бабушкой». Их сближение можно объяснить тем, что обе они действуют в пространстве бани. Но свою роль, по-видимому, сыграл и лингвистический фактор. В книжных источниках и на иконах апокрифическая повитуха именуется «Саломия баба», где слово «баба» определенно означает ‘повитуха’; в русских говорах это слово употребляется также в смысле ‘лекарка, знахарка’ [СРНГ 1966: 14], а в сочетании с мифологическими именами и эпитетами обозначает женских демонологических персонажей (*баба Яга, баба Середа* [Слав. древ. 1995: 122]; *белая баба, болотная баба, водяная баба* [Власова 2000: 36, 52, 92]). Подобный семантический ореол позволяет «бабе Саломии» сближаться с рядом мифологических *баб* и *бабушек*, из которых «банная бабушка» семантически наиболее ей близка (ср.: слово «бабушка» также имеет значения ‘повивальная бабка’, ‘лекарка, знахарка’ [СРНГ 1966: 29–30]). На материале прикамских записей

видно, что, став «хозяйкой» бани, «бабушка Соломонида» сохраняет свою положительную функцию помощницы и охранительницы. О том, остается ли это объединение двух персонажей простой контаминацией или приводит к трансформации образов, можно будет судить на основании дальнейших исследований.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-14-59601 («Народная религиозная поэзия Обвинского края и “русского острова”»).

² Авторы выражают признательность А.Б. Ипполитовой, М.Г. Вадейше, В.Б. Колосовой и Т.Г. Голевой за ценные советы и содействие в поиске источников.

Библиографический список

Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Бахматов А.А. Юрлинский край: Традиционная культура русских к. XIX–XX вв. / Бахматов А.А., Подюков И.А., Хоробрых С.В., Черных А.В. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2003. 496 с.

Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 412 с.

Великие Минеи Четьи, собранные митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1–15 (Памятники славяно-русской письменности, изданные археографической комиссией). СПб, 1868.

Вишерская старина: сборник фольклорно-этнографических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района Пермской области / сост. И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, Н.В. Жданова. Пермь: ПРИПИТ, 2002. 100 с.

Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб: Азбука, 2000. 672 с.

Димитрий Ростовский, митр. Слово на Рождество Христово // Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского (в 5-ти частях). Ч. 3. М., 1868. С. 466–490.

Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 240 с.

Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций в Судогодский р-н Владимирской обл.) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. С. 92–106.

Кабакова Г.И. Золотые руки // *Philologia slavica*. К 70-летию акад. Н.И. Толстого. М.: Наука, 1993. С. 60–70.

Кабакова Г.И. Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 107–129.

Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М.: Наследие, 1997. 464 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академ. проект, Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142–171.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и комм. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 212 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/cherep/index.php (дата обращения: 07.04.2013).

Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук (Т. LII, № 4). СПб., 1890.

Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно русских и византийских. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 564 с.

Райан В.Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / пер. с англ. М.: НЛО, 2006. 720 с.

Рукописная религиозная проза Нижегородского края / сост., авт. вступит. ст. и коммент. Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород: Растр-НН, 2008. 294 с.

Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подготовка текстов, статьи и комментарии А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 829 с.

Свенцицкая И., Трофимова М. Апокрифы древних христиан. М.: Мысль, 1989. 336 с. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Svenc_index.php (дата обращения: 07.04.2013).

Скогорев А.П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. СПб.: Алетейя, 2000. 480 с. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Skogor_index.php (дата обращения 07.04.2013).

Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. 575 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М., Л.: Наука, 1966. 316 с.

Страхов А.Б. Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge, Mass., 2003 (Palaeoslavica XI. Supplementum I). 380 с.

Традиционная русская магия в записях конца XX в. / сост. С.Б. Адоньева и О. Овчинникова. СПб.: Френдлих-Таф, 1993. 176 с.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.

Юдин А.В. Бабушка Соломония в восточнославянских заговорах и источники ее образа // Славянский и балканский фольклор (Вып.11: Виноградье). М.: Индрик, 2011. С. 215–224.

S.U. Korolyova

Reader of Russian Literature Department
Perm State National Research University

O.S. Tumanova

Undergraduate of Philological Faculty
Perm State National Research University

MIDWIFE SALOME: APOCRYPHAL WRITING AND FOLKLOR TRADITION

Midwife Salome is the character who is mentioned in apocryphal versions of Christmas plot and included in Christian iconography; she also appears in a number of

Russian folklore genres (spiritual verses, plots, formulas addresses, mythological stories). The article is devoted to interrelations between folklore texts, church writing and visual images of Salome; the role of linguistic factor in her rapprochement with female characters of Russian lowest mythology comes to light.

Key words: Christian apocryphal stories; maternity ceremony; spells; Slavic mythology; folk religion.

УДК 821.161.1.09 “1992/...” – 1

Моисеева Анна Александровна
старший преподаватель кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
akunevich@mail.ru

ОБРАЗ МУЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена особенностям образа музы в современной русской поэзии. Мы наблюдаем затухание прежней традиции торжественной презентации этого образа. В то же время в поэтических описаниях Музы, которые обнаруживаются в произведениях современных авторов, актуализируются комические ассоциации и негативные коннотации.

Ключевые слова: образ музы; современная русская поэзия; традиции и новаторство.

Образ музы, заимствованный из античной мифологии, с XVIII века является неотъемлемой частью русской поэтической культуры. Помимо первичного значения – «богини поэзии, искусств и наук, девять сестер, рожденных в Пиэрии» [Мифы народов мира 2000: 177] – музы достаточно быстро приобретают еще одно, становящееся основным: образы, воплощающие в себе индивидуальные особенности поэтического мировосприятия и творческой манеры отдельных авторов. У каждого поэта появляется своя собственная «авторская» муза, которая может ассоциироваться с его возлюбленной, но чаще представляет собой своеобразную персонификацию его творческой манеры: «Музо! Не пора ли слог отменить твой / грубый / И сатир уж не писать? / Многим те не любы...» (А.Д. Кантемир «Сатира IV. О опасности сатирических сочинений: К музе своей») [Русская поэзия XVII–XX веков 2004: 17374]; «...Живу с природной простотой, / С

философической забавой / И с музой резвой и простой...» (А.С. Пушкин «Послание к Юдину (Ты хочешь, милый друг, узнать...)») [Там же 2004: 31428]; «Замолкни, Муза мести и печали! / Я сон чужой тревожить не хочу, / Довольно мы с тобою проклинали. / Один я умираю – и молчу (Н.А. Некрасов «Замолкни, Муза мести и печали!») [Там же 2004: 27472]; «...А за ними поднимает взор / Та, чей дух – крылатый метеор, / Та, чей мир – в святом непостоянстве, / Та, чье имя – Муза Дальних Странствий» (Н.С. Гумилев «Открытие Америки») [Там же 2004: 11811 – 11812] и др.

Уже на материале поэзии XVIII века можно говорить о формировании двух канонов поэтического представления музыки: торжественного и шуточного. У Г.Р. Державина рядом с торжественной музой, «строящей златую арфу» («К Музе») [Там же 2004: 13127] и «возлетающей ко облакам златым» («Урна») [Там же 2004: 13010] обнаруживается «домашняя муза», о которой говорится: «Что ты, Муза, так печальна, / Пригорюнившись сидишь? / Сквозь окошечка хрустальна, / Склоча волосы, глядишь...» («Зима») [Там же 2004: 13085]. Порою эта муза играет не на арфе, а на «скрыпиче», выступая в роли «кабацкой певицы» («Желание Зимы») [Там же 2004: 13234]. Подобная «раздвоенность» образа сохраняется на протяжении XIX и XX веков.

В конце XX века традиция стилистически возвышенного описания музыки угасает. Апелляции к ней чаще встречаются в женской лирике, при этом во многих случаях происходит самоотождествление лирической героини (ее души) с музой: «Я же все-таки лишь струна. / Только / Голос. / Без слов. Без плоти. /Муза. / Дух. / Только не жена. – / Ветер, / Пойманный / На излете (Вера Полозкова «Я») [Полозкова 2013]; «А сначала так и было: в белом платье выходила / то ль молоденькая Муза, / то ль душа на Божий свет!» (Олеся Николаева «Муза») [Николаева 2007].

Стремление современной поэтессы идентифицировать себя как музу (в шутку или всерьез) подтверждается множественностью включающих это понятие псевдонимов, под которыми размещают свои стихи в Интернете неизвестные авторы: Муза, Это Муза, Подруга Музы, Просто Муза, Сама Себе Муза, Муза 1, Десятая Муза, Муза Я, Муза Твоя, Автор Муза, Ангел Муза, Муза Музыка, Муза Стар, Муза Нейм, Муза Мнema, Дая Муза, Аки Муза, Темная Муза, Ветреная Муза, Весенняя Муза, Камышовая Муза, Обожженная Муза, Депрессивная Муза, Греза Муза, Муза Грез, Муза Мастерова, Муза Орфея, Муза Тургенева, Муза Гончарова, Муза Посетилова, Муза Добрая, Муза Отставная, Муза Огня, Муза Плача, Муза Вдохновения, Муза

Карменсита, Муза Афродита, Селена Муза, Терпсихора Муза, Синильга Муза Странствий, Муза Из Космоса, Странная Муза Поэта, Муза Безумного Гения, Огненная Муза Тициана, даже Чуча-Муза, Муза Профсоюза, Муза Шалашова и Муза Графоманова (причем это далеко не полный список псевдонимов, которые можно найти, к примеру, на популярном сайте <http://www.stihi.ru/>).

Необходимо отметить, что достаточно часто «возвышенный» образ музы в современной лирике воспринимается трагически, с ним соединяются мотивы плача, холода, страха, страдания, насильственной смерти: «Но час настал, и в тишине, / как в царскосельской стороне, / ко мне явилась муза. / Она спросила, вся в слезах: / “Скажи за совесть, не за страх – / Ведь я тебе обуза?” / И с плачем я рванула к ней, / и не было ее родней / среди всего, что было. / И я разбила жизнь свою, / и я разбила жизнь твою / и зеркало разбила» (Наталья Ванханен «И я разумною была...») [6500 произведений... 2006]; «Музы! Девушки! Зима уж навалилась. / Снег под кожу – где флейта, где тимпан? / С верткой поземкой вы впервой явились, / С углями в ладонях... или заблудились? / Сгинули, как Пан? (Елена Шварц «Музы! Девушки! Зима уж навалилась», из цикла «Хомо Мусагет (Зимние музы)») [Шварц 2013]; «Сколько мумий в этом доме, сколько чучел, / сколько кукол, чей закончился завод!.. / для чего ты музу бедную замучил, / глупый чучельщик, плохой экскурсовод?» (Вера Павлова «Если имя отрывается от дела...») [Павлова 2013].

Муза может полностью или частично утрачивать человеческий облик. К примеру, в стихотворении Алины Витухновской «О прямом действии» появляется «Муза-Горгона с кудрявой головкой червей» [Витухновская 2013], а в стихотворении Ольги Седаковой «Элегия осенней воды» образ музы контаминируется с зооморфным символом поэзии – конем Пегасом: «Одолеть / вечное любознательство и похоть – по нам ли труд, / Муза, глядящая вымершими глазами / чудовищного коня, иссекшего водное пламя / из скалы, на которой не живут / ни деревья, ни звери, ни птицы. Только вы / тонкие тени» [Седакова 2013].

Традиция шутовой презентации образа музы также модифицируется. Наиболее близким к шуточной традиции изображения музы, созданной в классической поэзии, по задушевности и теплоте интонации оказывается Александр Воловик в стихотворении «Улет музы», впрочем, в остальном муза представлена здесь весьма нетрадиционно – как «камена старенькая», заблудившаяся бабушка, которую разыскивает обеспокоенный лирический герой: «А она и правда все чего-то шепчет, / И все сжимает странный смешной ридикюль... / Венок ее выцвел, шлейф поблекший / Хлопает, как

выстрел, о шаткий стул» [6500 произведений... 2006]. Однако гораздо чаще на смену доброму юмору приходят ирония и сарказм. В стихотворении Сергея Белорусца «Здесь горько пьется, липко балагурится...» муза из античной красавицы превращается в немолодую библиотекаршу-еврейку (любопытно, что аналогичное превращение происходит и с неодоушевленным символом поэзии – лирой): «Здесь ненароком явлено подарков на / Сто лет вперед (и это – безусловно) / В библиотеке детской – Лира. Марковна... / В библиотеке взрослой – Муза. Львовна...» [Там же]. Гораздо ближе к этому образу, чем к симпатичной музе-старушке, оказывается героиня произведения «Уроки музыки» ранее упоминавшегося поэта А. Воловика, репетиторша Муза: «Репетиторша Муза / все учит меня: “Полиричной! / Душу, душу раскрой! / Да пошире, чтоб видели все. / Что за рифмы, послушай! / Ведь так рифмовать неприлично!.. / Тут любимую вспомни / в ее ненаглядной красе”» [Там же].

В целом для отношений поэта конца XX – начала XXI вв. и его музы характерна взаимная агрессия, что прослеживается в стихах как широко известных, так и фактически непризнанных культурной общественностью авторов (разница между ними обнаруживается на стилистическом, но не семантическом уровне): «Мне не хватило кликов лебединых, / Ребячливости, пороха, огня / и тетя Муза в крашенных сединах / Сверкнула фиксой, глядя на меня» («Косых Семен. В запое с Первомай») [Гандлевский 2013] «А там даже с Музами / приходится обращаться, как с мухами, ухороводившимися до попадания / прямо в формочку для уже подрагивающего желе» («Эпос») [Кутик 2010: 5]; «... похихикала – и смылась, как всегда – не помогла... / хорошо еще в затылок / не шарахнула – могла... / муза, муза, чтоб ей пусто! злопыхуча, как вулкан, / а зубаста – как мангуста, / чтоб ей как-нибудь в капкан...» («Муза») [Геворк 2012], «В мире все перевернулось! / Я страдаю, нету сил! / Вот бы Муза вдруг вернулась! / Я бы рожу ей набил!» («Муза») [Лабиринты отражений 2008].

Встречаются произведения, где прямо или косвенно муза обвиняется в убийстве поэта: «... встретились бы недавно да не легла карта / вечное алиби нож от безумной музы / весь в мозгу потому что ни одного кадра...» (Алексей Цветков «Замок») [Цветков 2007]; «Муза (в сторону): Ну, что вы скажете? / о боже! / Из всех щелей безумство прет! / Я не хотела, право слово, / Его губить во цвете лет, / Но видно, выхода иного / В подобном положенье нет (Наполняет стоящий на столе бокал вином, незаметно подсыпая в него яд. Затем протягивает поэту)» (Игорь Иртенев «Поэт и Муза») [Иртенев 2013].

Невольно напрашивается вывод, что приблизительно с 80-х годов XX века, помимо красоты и молодости, образ музы начинает также утрачивать связь с нравственными ориентирами, впрочем, как и само поэтическое творчество. Характерную картину новейших представлений о творческом процессе с горечью отразил в стихотворении «Как зеркало уроду» (1989 г.) представитель старшего поэтического поколения Игорь Жданов: «То слава, то психушка, / То новая любовь, / Да муза-потаскушка, / Рисованная бровь» [Жданов 2009].

В стихах, где присутствуют упоминания музы (как правило, обращенных к теме поэта и поэзии), современными авторами зачастую активно используется грубый эпатаж: «— Слушай, кому ты тут нужен? / Сиди, добирай свой растительный ужин, / чекушку докончи... Вот тут, в аккурат — / порочные страсти, богема, разврат... / И муза с предрасположеньем к склерозу / воткнет тебе в задницу пышную розу» (Геннадий Русаков «Стихи Татьяне») [Русаков: 2004]; «Сто тысяч стопарей тому назад / Я встретил Музу в местном кабаке. / На ней кокошник был, цветной халат / И туфли на высоком каблуке <...> Я угостил плутовку коньяком / И в голову пришел мой первый стих. / От радости я писал кипятком — / Я сроду не писал стихов таких» (Олег Арх «Встреча с Музой») [Чтение книги... 1992: 618]; «Я иду по улице. Розовый берет, / Лаковые туфли, в общем — я поэт. / Празднично и чистенько я одет, / Потому что муза мне сделала минет» (Сергей Шнуров «Я иду по улице. Розовый берет...») [Поэты русского рока 2005: 147]; «Вот какой она была: / Белотела, весела, / С дипломатами пила, с адвокатами спала, / Нагло матери лгала, / Мне ни разу не дала...» (Алексей Романов «Муза») [Там же: 261]; «помнишь лучшие б...ди мира / насмерть бились в дерьме / чтобы сделаться музами?» (Андрей Чемоданов «Как раз перед тем как закончилась нефть...») [Антология Григорьевской премии 2011: 407] и др.

«Сниженный» вариант образа музы прочно соединяется с разнообразными «порочными» мотивами: проституции, алкоголизма и т.п.

При этом нарастание авторского негатива в отношении к данному образу можно проследить хронологически даже на примере творчества отдельных поэтов. Так, если в 1980 году Сергей Гандлевский изображал свою музу весьма трогательной и лиричной: «Под отрывистым ливнем лоснится скамья. / В мокрой зелени тополя тенькают птахи. / Что ж ты плачешь, веселая муза моя, / Длинноногая девочка в грубой рубахе!» («Будет все. Охлажденная долгим трудом...»), то уже в 1992 году он создает радикально отличающийся образ: «“Тусклый огонь”, шерстяные рейтузы, / Вечный страх, что без стука войдут... / Так и есть —

заявляется Муза, / Эта старая бл...дь тут как тут» («Неудачник, поляк и истерик...») [Гандлевский 2013].

Все приведенные выше примеры наглядно демонстрируют формирование парадоксальной ситуации принижения (если не отрицания) значимости поэтического творчества, традиционным символом которого издавна является образ музы, непосредственно самими современными поэтами. Широкие возможности для дальнейшего исследования предоставляет вопрос, насколько данная ситуация характерна именно для русской современной поэзии. Впрочем, уже на данном этапе есть основания полагать, что, как минимум, в поэзии братских славянских народов наблюдаются аналогичные явления, о чем свидетельствуют, в частности, строки украинского поэта Васыля Махно (перевод Марии Галиной): «... иногда навещает муза – чудосочна, стара: лицо словно мятый кошель...» («Поэт, океан и рыба») [Махно 2011].

Библиографический список

Антология Григорьевской премии 2011. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2012. 432 с.

Витухновская Алина. Стихотворения // URL: <http://modernpoetry.ru/main/alina-vituhnovskaya-stihotvoreniya> (дата обращения: 01.04.2013).

Гандлевский Сергей. Стихи // URL: <http://gandlevskiy.poet-premium.ru/poetry.html> (дата обращения: 02.04.2013).

Геворк. Произведения // URL: <http://www.stihi.ru/2012/12/29/5505> (дата обращения: 03.04.2013).

Жданов Игорь. Я и школьником не был... // URL: http://lit.lib.ru/z/zhdanow_igorx_nikolaewich/jaishkolxnikomnebyl.shtml (дата обращения: 02.04.2013).

Иртенев Игорь. Стихи // URL: <http://www.irteniev.ru/verse/php3?id=00000165> (дата обращения: 02.04.2013).

Кутик Илья. Эпос. М.: Русский Гулливер, 2010, 416 с.

Лабиринты отражений. Произведения // URL: <http://www.stihi.ru/2008/05/24/3872> (дата обращения: 02.04.2013).

Махно Василь. Поэт, океан и рыба. Стихи // Журнальный зал русского журнала: Новый мир, 2011, № 10 // URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/10/ma5.html (дата обращения: 03.04.2013).

Мифы народов мира. В 2-х т. Т. 2. М., 2000.

Николаева Олеся. Стихи. Родная речь (1978–1981) // URL: http://nikolaeva.poet-premium.ru/rodnaya_rech/html#1 (дата обращения: 01.04.2013).

Павлова Вера. Стихи из журнальных публикаций разных лет // URL: <http://modernpoetry.ru/main/vera-pavlova-stihi-iz-zhurnalnyh-publikacij-raznyh-let> (дата обращения: 01.04.2013).

Полозкова Вера. Стихи Веры Полозковой разных лет // URL: http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/86596/Polozkova_Stihi_Very_Polozkovoi Raznyh_Let.html (дата обращения: 01.04.2013).

Поэты русского рока: П. Мамонов, К. Никольский, А.Ф. Скляр, Ал. Романов, А. Григорян, Н. Борзов. СПб.: Азбука-классика, 2005. 416 с.

Поэты русского рока: И. Сукачев, С. Шнуров, В. Степанцов, А. Иванов, Д. Спирин, А. Лаэртский, А. Никонов, «Бригадный подряд». СПб.: Азбука-классика, 2005. 656 с.

Русаков Геннадий. Стихи Татьяне // Журнальный зал русского журнала: Знамя, 2004, № 7 // URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/7/rus1.html> (дата обращения: 03.04.2013).

Русская поэзия XVII–XX веков // Электронная библиотека: Шедевры мировой культуры на CD. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2004. 47156 с.

Седакова Ольга. Стихи из разных книг // URL: <http://modernpoetry.ru/main/olga-sedakova-stihi-iz-raznyh-knig> (дата обращения: 01.04.2013).

Цветков Алексей. Стихотворения // Журнальный зал русского журнала. Новый Берег. 2007, № 16 // URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2007/16/cv6.html> (дата обращения: 02.04.2013).

Чтение книги (Орден куртуазных маньеристов (Сборник)) // URL: <http://fb2.booksgid.com/content/D7/vadim-stepancov-orden-kurtuaznyh-maneristov-sbornik/618.html> (дата обращения: 02.04.2013).

Шварц Елена. Песня птицы на дне морском // URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts3.html> (дата обращения: 01.04.2013).

6500 произведений: Современная русская поэзия. Энциклопедическое собрание сочинений (Электронная библиотека). М.: ООО «БИЗНЕССОФТ», 2006. (без указания страниц).

A.A. Moiseeva

Senior Lecturer of Russian Literature Department
Perm State National Research University

IMAGE OF MUSE IN MODERN RUSSIAN POETRY: TENDENCIES TO INTERPRETATION

The article deals with peculiarities of Muse' image in modern Russian poetry. We can see that the old tradition of solemn representation of this image becomes extinct. At the same time negative associations and comical connotations intensify in poetical descriptions of Muse which we find in creative works of different modern poets.

Key words: image of Muse; modern Russian poetry; traditions and innovations.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

Материалы Всероссийской научной конференции
8 апреля 2013 года

Сборник статей

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Е.А. Медведевой*
Иллюстрация на обложке *Л.Г. Писорогло*

Подписано в печать 18.11.2013. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 16,39. Тираж 100 экз. Заказ № 1573.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано с оригинал-макета предпринимателем
П.Г. Богатыревым, ОГРН 304 590427400071
614000. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122
Тел. /факс 8 (342) 236-53-53
E-mail: ld36@yandex.ru